

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Факультет иностранных языков и регионоведения

Кафедра лингвистики и межкультурной коммуникации

Тема: Особенности референции в жестовых языках

Дипломная работа

Исполнитель:

студентка V курса

Есипова Мария Викторовна

Научный руководитель:

к.ф.н., доцент

Васильева Т.В.

Допустить к защите:

заведующая кафедрой лингвистики
и межкультурной коммуникации
д.ф.н., профессор Молчанова Г.Г.

«__»_____ 2011 г.

Москва

2011 г.

Содержание

Содержание.....	2
Введение	5
Глава 1. Обзорное описание лингвистики ЖЯ	12
1.1. <i>Естественный ЖЯ и другие средства общения глухих .....</i>	12
1.2. <i>Фонология ЖЯ .....</i>	16
1.3. <i>Части речи в ЖЯ.....</i>	19
1.4. <i>Морфология ЖЯ .....</i>	21
1.4.2. <i>Множественность .....</i>	22
1.4.3. <i>Кумулятивные жесты .....</i>	23
1.4.4. <i>Принадлежность .....</i>	24
1.4.5. <i>Отрицание в ЖЯ .....</i>	25
1.4.6. <i>Временные значения.....</i>	26
1.4.7. <i>Аспектуальные значения .....</i>	27
1.4.8. <i>Согласование глаголов в ЖЯ .....</i>	28
1.4.9. <i>Классификаторные конструкции .....</i>	29
1.5. <i>Синтаксис ЖЯ.....</i>	30
1.5.1. <i>Базовый порядок слов в ЖЯ .....</i>	30
1.5.2. <i>Структура сложных предложений в ЖЯ .....</i>	33
1.5.3. <i>Топикализация в ЖЯ .....</i>	33
1.6. <i>Лексика ЖЯ .....</i>	34
1.6.1. <i>Иконичность в ЖЯ.....</i>	34
1.6.2. <i>Дактиль в лексике ЖЯ .....</i>	36
1.6.3. <i>Фразеология ЖЯ.....</i>	37
1.6.4. <i>Диалектная вариативность в ЖЯ .....</i>	38
1.7. <i>Эстетическая функция ЖЯ.....</i>	39
1.8. <i>Проблема соотношения верbalного и неверbalного компонентов в жестовом общении.....</i>	41
1.9. <i>Усвоение ЖЯ .....</i>	44

1.10. Нейролингвистические данные по ЖЯ	47
Глава 2. Особенности и актуальные проблемы референции в ЖЯ.....	50
2.1. Понятие референции и основные референциальные средства и механизмы	50
2.2. Основные механизмы референции в ЖЯ	53
2.2.1. Понятие локуса и система местоимений ЖЯ.....	53
2.2.2. Глагольное согласование в ЖЯ	60
2.2.3. Референция к классификаторам	61
2.2.4. Референциальный сдвиг.....	61
2.3. Актуальные проблемы референции в ЖЯ.....	63
2.3.1. Нулевые аргументы в ЖЯ	63
2.3.1.1. Стратегии лицензирования нулевых аргументов.....	64
2.3.1.2. Два типа нулевых аргументов в ЖЯ	68
2.3.1.3. Единообразное лицензирование нулевых аргументов в ЖЯ через согласование.....	73
2.3.1.4. Специфичный подход к анализу эксплицитных и нулевых местоимений в ЖЯ.....	77
2.3.2. Анафорическая референция к именным, временным и модальным референтам	83
2.3.2.1. Референция к именным референтам в ЖЯ.....	83
2.3.2.2. Отсылка к временным и модальным референтам в устных языках	85
2.3.2.3. Анафорическая отсылка к временным и модальным референтам в ЖЯ	90
2.3.3. Структура референциального сдвига и его аналоги в устных языках	96
2.3.3.1. Передача чужой речи, мыслей и действий в коммуникативной деятельности человека.....	97
2.3.3.2. Референциальный сдвиг как сконструированное действие в рамках когнитивного подхода	98

2.3.3.3. Цитационный и нецитационный РС	100
2.3.3.4. Синтаксис референциального сдвига	103
2.3.3.5. Монстры в естественных языках	106
2.3.3.6. Семантика референциального сдвига в ЖЯ	109
2.3.3.7. Несобственно-прямая речь в устных языках	114
2.3.3.8. Частицы <i>мол</i> , <i>дескать</i> , <i>де</i> в русском языке	118
Глава 3. Анализ эмпирических данных по РЖЯ.....	120
3.1. <i>Нулевые и эксплицитные местоимения в РЖЯ и других языках</i>	120
3.1.1. <i>Интерпретация нулевых аргументов в РЖЯ .....</i>	121
3.1.2. <i>Пресуппозиции эксплицитных и нулевых местоимений в ЖЯ и устных языках .....</i>	131
3.2. <i>Анафорическая отсылка к именным, временным и модальным референтам .....</i>	133
3.2.1. <i>Отсылка к именным референтам в РЖЯ и русском языке .....</i>	133
3.2.2. <i>Отсылка к временным и модальным референтам в РЖЯ .....</i>	136
3.3. <i>Референциальный сдвиг в РЖЯ и его русскоязычные аналоги ...</i>	144
3.3.1. <i>Поведение дейктических элементов в рамках референциального сдвига в РЖЯ .....</i>	144
3.3.2. <i>Лингвистические эквиваленты РС в русском языке .....</i>	150
3.3.2.1. Употребление разговорных конструкций со словом <i>такой</i>	151
3.3.2.2. Частицы <i>мол</i> , <i>дескать</i> , <i>де</i> как операторы контекстного сдвига в русском языке	154
Заключение.....	162
Благодарности.....	165
Библиография	166
Приложение 1. Социолингвистические данные информантов и методология исследования	177
Приложение 2. Система нотации	181
Приложение 3. Глоссарий.....	183

Введение

Жестовые языки (далее ЖЯ) представляют собой полноценные естественные языки и обладают всеми свойствами таковых. Они развиваются спонтанно, усваиваются детьми так же, как и устные языки, на удивление сходным образом обрабатываются головным мозгом, и, что наиболее важно, обладают выразительной силой, ни в чём не уступающей выразительной силе устных языков. **Объектом** данного исследования является российский (русский) жестовый язык (далее РЖЯ), являющийся средством общения глухих и слабослышащих людей в России и некоторых странах бывшего СССР, в сопоставлении с устными языками и другими естественными ЖЯ. В качестве **предмета** исследования были избраны отдельные особенности референции в РЖЯ, а именно: нулевые аргументы, анафорические модели и референциальный сдвиг.

На протяжении последних нескольких десятилетий лингвисты всего мира всё более и более активно исследуют структуру ЖЯ — и **актуальность** данной темы закономерна. Во-первых, ЖЯ по-прежнему остаются малоизученными языками и, таким образом, предоставляют исследователю доступ к новому лингвистическому материалу. Во-вторых, жестовые и устные языки используют разные модальности (визуальную и аудиальную, соответственно), что создаёт широкий диапазон направлений для научных изысканий, поскольку визуальная модальность ЖЯ часто эксплицирует структуры, которые в устных языках носят имплицитный характер. Таким образом, ЖЯ являются идеальным «полигоном» для тестирования различных теорий о естественном языке и, главным образом, о языковых универсалиях. Кроме того, РЖЯ, как и любой другой национальный жестовый язык, является средством общения внутри определённой социокультурной группы населения — глухих и слабослышащих — и его социолингвистический

статус (а, значит, и языковая идентичность его носителей) во многом зависит от степени его изученности и документированности.

В отношении имеющейся **научно-теоретической базы** следует отметить, что существует достаточно много работ о референции в ЖЯ на материале американского жестового языка (далее ASL) и некоторых других национальных ЖЯ, но скучное количество таковых на материале РЖЯ. Общие положения грамматики РЖЯ были освещены пионером лингвистических исследований ЖЯ в России Г.Л. Зайцевой в её книге «Жестовая речь. Дактилология» (Зайцева, 2000), суммирующей содержание соответствующего лекционного курса, который в течение многих лет читался Зайцевой на дефектологических факультетах МГПИ им. В.И. Ленина (ныне МПГУ). Однако, особенностям референции в данной работе было уделено минимальное внимание.

На данный момент в российской лингвистике наблюдается относительный рост интереса к ЖЯ — такие молодые исследователи, как В.И. Киммельман (РГГУ; Universiteit van Amsterdam, Нидерланды), Е.В. Прозорова (МГУ), Е.Ю. Шамаро (МГУ), активно изучают структуру РЖЯ. В сфере их интересов находятся, в частности, такие вопросы, как выражение отрицания, выделение частей речи, порядок слов и возвратные местоимения в РЖЯ (Киммельман 2007, 2010; Kimmelman, 2009a, 2009b), временно-аспектные характеристики глагола и аргументная структура в РЖЯ (Шамаро 2006, 2007), генитивные конструкции (Ципенко, 2008), референциальные характеристики именных групп и структура дискурса в РЖЯ (Прозорова, 2006, 2010).

На данный момент базовым исследованием на тему референции в РЖЯ является дипломная работа выпускницы филологического факультета МГУ Е.В. Прозоровой «Референциальные характеристики именных групп в российском жестовом языке» (Прозорова, 2006), написанная под

руководством А.А. Кибрика, а также последующие совместные публикации этих авторов на основе того же материала (Прозорова, Кибrik, 2006; Kibrik, Prozorova, 2007). В своих работах Прозорова и Кибrik фокусируют своё внимание на использовании различных видов именных групп в качестве референциальных выражений для референтов, принадлежащих к онтологической категории индивидов. Также некоторые вопросы референции в РЖЯ — а именно поведение возвратных местоимений — освещаются в магистерской диссертации В.И. Киммельмана “*Reflexive pronouns in Russian Sign Language and Sign Language of the Netherlands*” (Kimmelman, 2009b).

В свою очередь, западными исследователями было создано довольно большое количество как работ общего характера, посвящённых грамматике ЖЯ и освещающих в числе прочего особенности референции, так и узконаправленных практических исследований, обращающихся к конкретным вопросам в рамках данной тематики. Так, например, общий, но достаточно подробный обзор структуры ЖЯ (в основном, на материале ASL, но с включением примеров из израильского жестового языка (ISL), нидерландского жестового языка (SLN) и бразильского жестового языка (LSB)) — и в том числе референциальных аспектов — можно найти в совместном труде Уэнди Сэндлер (University of Haifa, Израиль) и Дайен Лилло-Мартин (University of Connecticut, США) “*Sign Language and Linguistic Universals*” (Sandler, Lillo-Martin, 2006). Лилло-Мартин также исследовала поведение нулевых аргументов и референциальный сдвиг в ASL. Разнообразные вопросы референции в ASL широко освещены в работах группы американских лингвистов: Бенджамина Бахана (Gallaudet University), Роберта Ли (Boston University), Джуди Кегл (University of Southern Maine), Кэрол Нидл (Boston University) и Дон Маклафлин (Boston University) — в рамках проекта лингвистических исследований ASL (American Sign Language Linguistic Research Project). Что касается анафорических моделей ЖЯ, в

настоящий момент формальным семантистом Филиппом Шленкером (Institut Jean-Nicod, Франция; New York University, США) проводится исследование на данную тему на материале ASL и французского жестового языка (LSF). Интересующие нас проблемы также изучались на материале датского жестового языка (DSL) исследователем Элизабет Энгберг-Педерсен (Københavns Universitet, Дания). Недавние исследования затрагивают вопросы референции в итальянском (LIS) и каталонском (LSC) жестовых языках. Все вышеперечисленные исследования (а также множество других, подобных им) составляют теоретическую базу настоящей работы.

Целью настоящего исследования является выявление особенностей референции в РЖЯ в сопоставлении с другими ЖЯ и с устными языками. В рамках заявленной цели необходимо выделить следующие **задачи**:

- осветить основные универсальные и модально-специфические особенности референции в жестовых языках;
- выяснить, как функционируют нулевые аргументы в РЖЯ, сопоставить модели их поведения с таковыми в других ЖЯ и устных языках;
- выявить модели анафорического использования местоимений РЖЯ, сопоставить их с таковыми в других ЖЯ и устных языках; выяснить, возможно ли применение анафорических средств РЖЯ, используемых для именных референтов, для референции к временным и модальным референтам;
- определить основные особенности семантики референциального сдвига в РЖЯ и сопоставить их с таковыми в других ЖЯ, а также выявить возможные лингвистические эквиваленты референциального сдвига в русском языке.

Разнообразие поставленных задач определило особенности подхода к их выполнению: при проведении данного исследования применялась смешанная

методика¹ и прорабатывался разнородный лингвистический материал. Для получения эмпирических данных, представленных в практической части работы использовались следующие методы:

- информанту, владеющему русским языком, предлагались русскоязычные предложения, содержащие целевые конструкции, которые он переводил на РЖЯ, после чего исследователем могли быть заданы дополнительные уточняющие вопросы;
- исследователь сам предлагал информанту предложения на РЖЯ с целью получить суждения о приемлемости (грамматической корректности), после чего информанту задавались контрольные вопросы по смыслу данных предложений.

Процесс получения данных (примеров, суждений, реакций информанта), как правило, фиксировался на видеокамеру. Однако довольно значительный объём данных был получен в ходе неформального общения с носителями РЖЯ, а также в ходе непосредственного процесса изучения языка самим исследователем — полученные таким образом данные не были зафиксированы на видео.

Помимо непосредственной работы с информантами-носителями РЖЯ, в ходе исследования применялся анализ имеющегося корпуса РЖЯ (videorолики, содержащие нарративы), а также обучающие и вспомогательные материалы для изучающих РЖЯ (бумажные и интерактивные словари, обучающие видео, и т.п.).

Новизна настоящего исследования заключается в том, что в его рамках впервые предпринимается попытка протестировать разработанные западными исследователями гипотезы на материале РЖЯ. **Теоретической**

---

¹ Более подробное описание методов проведения исследования, а также особенности работы с глухими и слабослышащими информантами-носителями ЖЯ см. в Приложении 1.

значимостью, в частности, обладают анализ поведения нулевых аргументов, определение анафорических моделей для временных и модальных антецедентов и описание смещения дейктических элементов в рамках референциального сдвига в РЖЯ, а также сделанные на основе этих данных обобщения о кросслингвистических и кросмодальных различиях и универсалиях.

Практическая ценность данной работы заключается в фиксировании грамматически правильных предложений на РЖЯ, что позволяет расширить имеющийся корпус данного языка. Также полученные данные о структуре РЖЯ можно использовать при создании дидактических материалов и разработке курсов по обучению РЖЯ. Кроме того, любое лингвистическое исследование РЖЯ способствует росту интереса к данному языку со стороны слышащих людей, налаживая коммуникацию между социокультурными группами слышащих и глухих, и укрепляет его статус среди самих носителей РЖЯ, помогая последним обрести более позитивную языковую идентичность. Наконец, в одном из приложений к данной работе можно, в числе прочего, найти описание проблем, с которыми так или иначе сталкивается исследователь ЖЯ, что может оказаться полезным для тех, кто в перспективе планирует заняться исследованиями ЖЯ.

По итогам проведённого исследования мы выдвигаем следующие **положения**:

- функционирование нулевых аргументов в РЖЯ во многом совпадает с таковым в русском языке, что, вероятно, объясняется влиянием последнего на первый;
- данные из РЖЯ подтверждают тезис о существующей в естественном языке возможности использования одинаковых анафорических моделей для референции к именным, временным и модальным референтам;

- смещение референции дейктических элементов в рамках референциального сдвига в РЖЯ и несобственно-прямой речи в русском языке говорит в пользу существования в обеих модальностях естественного языка семантических операторов контекстного сдвига, традиционно называемых «монстрами».

Структура данной дипломной работы такова: работа состоит из введения, трёх глав, заключения, библиографии, трёх приложений и DVD-диска с видео-примерами. Во введении представлены общие сведения о работе. В Главе 1 даётся краткое обзорное описание особенностей лингвистики ЖЯ вообще и РЖЯ в частности. В Главе 2 излагаются теоретические положения о референции в ЖЯ на основе имеющихся исследований западных и российских лингвистов. В Главе 3 изложены результаты практического исследования заявленных выше проблем референции в РЖЯ и делаются выводы о характере имеющихся кросслингвистических и кроссмодальных универсалий и различий. В заключении суммируются результаты проделанной работы и анализируются возможные перспективы дальнейших исследований в данной области. Библиография содержит список источников, использованных в данной работе и рекомендуемых для дальнейшего чтения. В Приложении 1 приведены социолингвистические данные информантов и подробно описаны методы проведения исследования с комментариями исследователя относительно достоинств и недостатков каждого из использованных методов, а также особенностей работы с информантами-носителями РЖЯ. В Приложении 2 дана система нотации, используемая в работе. Приложение 3 представляет собой глоссарий, в котором приведены дефиниции основных терминов лингвистики ЖЯ и особенности их использования в данной работе. DVD-диск содержит примеры из практической части, которые, в силу своей объёмности, не могли быть представлены в виде иллюстраций в теле самой работы.

Глава 1. Обзорное описание лингвистики ЖЯ

В этой главе даётся краткий обзор лингвистики ЖЯ вообще и РЖЯ в частности. Помимо непосредственно лингвистических аспектов, затрагиваются также вопросы социолингвистики, когнитивной лингвистики и нейролингвистики.

Максимально полный и подробный общий обзор лингвистики ЖЯ можно найти в книге Сэндлер и Лилло-Мартин (Sandler, Lillo-Martin, 2006). Также можно обратиться к короткому популярному (нетехническому) очерку этих же авторов, освещающему основные аспекты лингвистики ЖЯ (Sandler, Lillo-Martin, 2001). Обе работы выполнены в основном на материале ASL, однако, с включением отдельных примеров из других национальных ЖЯ. Существует также большое количество обзорных работ по лингвистике исключительно ASL — например, книга Лидделла (Liddell, 2003). В качестве подобной обзорной литературы для РЖЯ можно назвать базовый труд по лингвистике РЖЯ авторства Г.Л. Зайцевой (Зайцева, 2000). Более краткий, но довольно информативный обзор можно найти также в статье Т.П. Давиденко и А.А. Комаровой (Давиденко, Комарова, 2006). Также главы с обзорным описанием лингвистики РЖЯ включены в дипломные работы Е.В. Прозоровой (Прозорова, 2006) и В.И. Киммельмана (Киммельман, 2010).

1.1. Естественный ЖЯ и другие средства общения глухих

Прежде чем говорить о структуре ЖЯ, необходимо обозначить базовые отличия естественного жестового языка от других коммуникативных средств, используемых глухими и слабослышащими.

В первую очередь, важно разграничить термины «жестовый язык» и «калькирующая жестовая речь». Под жестовым языком, как правило, понимают естественный жестовый язык — то есть полноценную самобытную лингвистическую систему со своей грамматикой, выполняющую все функции естественного человеческого языка, спонтанно развивающуюся и естественным образом усваиваемую детьми в качестве родного языка. В свою очередь, калькирующая жестовая речь является искусственно созданной коммуникативной системой, грамматика которой повторяет грамматику устного языка: используется порядок слов языка-источника, вводятся обозначения для морфосинтаксических элементов (например, падежных окончаний), служебных частей речи (предлогов, союзов, частиц, и т.п.)².

В западной традиции принято говорить о конкретном калькированном языке X (“manually coded X” — например, “manually coded English”) или о языках-кальках вообще (manually coded languages). В России сложилась традиция употребления термина «калькирующая жестовая речь» (КЖР) применительно к калькированному русскому. В настоящей работе аббревиатура КЖР будет употребляться согласно российской традиции в значении «калькированный русский язык», для общего случая будет употребляться термин «язык-калька» (или просто «калька»), а для конкретных языков — соответствующая схема «калькированный язык X». Соответственно, в противовес КЖР, под РЖЯ понимается естественный российский (русский) жестовый язык.

Помимо упомянутых грамматических различий между ЖЯ и языками-кальками, существуют основательные различия в их лексике. Непосредственно соотношение между лексикой КЖР и РЖЯ наглядно

---

² При этом необходимо понимать, что калькирующая речь отличается большой вариативностью и что в реальной речевой ситуации такие искусственные элементы, как обозначения флексий, часто опускаются — т.о., возникают т.н. «контактные жестовые системы» (пиджины).

описано в книге Г.Л. Зайцевой (Зайцева, 2000) и статье Т.П. Давиденко и А.А. Комаровой (Давиденко, Комарова, 2006). Вкратце можно обобщить, что для калек характерно наличие как искусственно созданных жестов, так и жестов, заимствованных из ЖЯ. Оба типа систем используют дактилирование, т.е. кодирование информации с помощью дактильной (пальцевой) азбуки — системы, в которой различные конфигурации пальцев соответствуют буквам алфавита устного языка — но в кальках дактиль используется более интенсивно. При этом необходимо отличать использование дактиля в жестовом общении на ЖЯ или кальке от дактильной речи — то есть передачи всего объёма информации с помощью дактильной азбуки. В последнем случае не имеет смысла говорить об отдельной лингвистической системе, а только о визуально-кинетическом варианте реализации устного языка.

Несмотря на то, что выбор того или иного кода глухими в общем случае зависит от коммуникативной ситуации, социолингвистический статус средств общения, доступных глухим, неодинаков в различных культурно-исторических контекстах, что также влияет на распределение сфер употребления этих средств. В обществах, где доминируют оралистские взгляды (т.е. точка зрения, согласно которой интеграция глухих и слабослышащих в общество возможна только при хорошем владении устной речью — т.о. оралисты являются сторонниками чистого устного метода в обучении глухих и инклюзивного образования), статус естественных жестовых языков закономерно низок. Зачастую в таких обществах статус ЖЯ как полноценного языка не признаётся даже носителями ЖЯ; ЖЯ используются исключительно для внутригруппового межличностного общения в неофициальной обстановке. В обществах, где более развит билингвистический подход к образованию глухих, в рамках которого национальные устный и жестовый языки имеют равный статус в качестве педагогического инструмента, и сильны позиции сторонников мануализма

(т.е. взглядов, согласно которым жестовому языку должен быть отдан приоритет в образовании глухих — как правило, эта позиция характерна для национальных ассоциаций глухих), РЖЯ используются гораздо более широко и обычно имеют статус официального средства общения глухих. При этом калька занимает маргинальное положение в обоих случаях: оралисты не принимают калькирующую речь, поскольку считают необходимым проговаривание слов глухими без использования жестов, а защитники культуры глухих критикуют кальку за искусственность и видят в её использовании навязывание культуры говорящих глухим. Положительно к кальке относятся сторонники «тотальной коммуникации» — подхода, стремящегося использовать все доступные коммуникативные средства в обучении глухих, при этом приоритет отдаётся калькирующей речи.

В России долгое время доминировал орализм — в настоящий момент влияние чистого устного метода по-прежнему высоко, но при этом параллельно усиливаются позиции «тотальной коммуникации» и билингвизма. РЖЯ по сей день не имеет официального статуса³; в официальной обстановке и в СМИ в основном используется КЖР, однако, постепенно РЖЯ проникает в эти сферы. Благодаря инициативе А.А. Кибрика, в анкету Всероссийской переписи населения 2010 года в разделе «Владение языками» (пункт 9.2) был включён вариант «язык жестов» (Комарова, 2009). Тем не менее, «упрочнение» позиций РЖЯ происходит неравномерно как в географическом, так и в социальном плане. Как результат, по-прежнему большое количество носителей РЖЯ не считают свой родной язык полноценной лингвистической системой, называют его «жаргоном» и не используют в общении со слышащими (даже владеющими

---

³ 14 статья Федерального закона «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» определяет РЖЯ как средство межличностного общения, а в законе «О языках народов РФ» (глава 1, статья 1, положение 2) прописано, что его действие не распространяется на языковую сферу межличностного общения. Таким образом, исключается возможность выделения средств на развитие РЖЯ из госбюджета.

РЖЯ) и в официальной обстановке, предпочитая КЖР, дактиль или русский устный язык.

Более подробно о средствах общения глухих, разных взглядах на использование различных коммуникативных средств в образовании и общении глухих и истории этих взглядов в России можно прочитать в третьей главе книги Г.Л. Зайцевой (Зайцева, 2000).

1.2. Фонология ЖЯ

Жест — основная единица ЖЯ — не является неделимой иконической репрезентацией денотата. Первым идею о принципиальной разложимости жеста на компоненты, аналогичные фонемам в устных языках, высказал американский лингвист Уильям Стоуки (Gallaudet University, США) в своей монографии (Stokoe, 1960). Он выделил три составных элемента каждого жеста: место исполнения (position), конфигурацию, или форму руки (configuration, handshape), и движение (motion). При этом, в рамках компонента «форма руки» Стоуки также отмечал ориентацию ладони (attitude), не вынося её, впрочем, в отдельную категорию. Этим трём компонентам он дал более научёмкие обозначения: tabula (tab) для места исполнения, designator (dez) для конфигурации и signation (sig) для движения. Выделенные компоненты Стоуки называл хиреями (cheremes; от греч. χείρ — «рука») по аналогии с фонемами, а фонологические исследования ЖЯ предлагал именовать хирологией (cherology), однако, данные термины не получили распространения — современные исследователи ЖЯ чаще всего используют традиционные для фонологии термины.

На данный момент разные исследователи используют разные модели описания структуры жеста. Стоуки утверждал, что в отличие от фонем устных языков, компоненты жеста реализуются одновременно, а не последовательно — поэтому его модель была строго одновременной (*simultaneous*). Между тем, впоследствии многие исследователи стали высказывать мысль, что жест не лишён последовательной структуры. Так, например, была разработана последовательная (*sequential*) модель Лидделла и Джонсона (*Move-Hold model*), во многом игнорирующая одновременные аспекты структуры жеста. Синтез двух подходов представлен в модели Сэндлер (*Hand Tier model*). С обзором современных фонологических моделей ЖЯ можно ознакомиться, например, в книге Сэндлер и Лилло-Мартин (*Sandler, Lillo-Martin, 2006*).

В рамках данной работы мы будем придерживаться модели, описанной Т.П. Давиденко и А.А. Комаровой (Давиденко, Комарова, 2006), согласно которой выделяются пять компонентов жеста:

- *конфигурация*, т.е. форма руки/рук; на сегодня не существует единой точки зрения касательно количества конфигураций в РЖЯ — предположительно, около 40—45 (например, конфигурация «2А»: МОЖНО, ХОЛОДНО, СУХОЙ, СКОРОСТЬ);
- *место исполнения*, или *локализация*, т.е. область, в которой исполняется жест; также учитывается, входит ли рука в контакт с телом при исполнении жеста (например, локализация «возле левого плеча в контакте с телом»: БЫЛО, ХОТЕТЬ, РАБОТАТЬ, ПСИХОЛОГИЯ);
- *направление движения* (например, направление движения «вверх»: ОТКУДА, УТРО, ЦЕРКОВЬ, ГОРДОСТЬ);
- *характер движения*; здесь учитываются такие параметры как однократность / повторяемость, прямолинейность / волнообразность, резкость / плавность и т.п. (например, характер движения

«повторяющееся»: РОДСТВЕННИК, УНИВЕРСИТЕТ, ЭКЗАМЕН, МЕЧТАТЬ);

- *немануальный компонент*, т.е. выражение лица и артикуляция; необходимо разграничивать немануальный компонент жеста (как один из фонологических компонентов), который выполняет смыслоразличительную функцию на уровне жеста (например, артикуляционные различия между жестом МОЖНО (артикуляция «ОО») и МНОГО (артикуляция «АФ»)), и немануальный компонент, выполняющий роль грамматического маркера.

Как уже было сказано, подобно фонемам, компоненты жеста выполняют смыслоразличительную функцию. Например, жесты БЫСТРО и МОРКОВЬ имеют одинаковую конфигурацию (1), место исполнения (указательный палец левой руки), направление движения (от себя), но разный характер движения (БЫСТРО — однократное резкое действие, МОРКОВЬ — повторяющееся действие) и немануальный компонент (артикуляция).

Подобно фонологическим системам устных языков, обладающим определёнными ограничениями на сочетания звуков в слогах, ЖЯ обладают ограничениями на сочетания элементов. Также для ЖЯ, как и для устных языков, свойственны ассимиляционные процессы, при которых на качество звука может влиять соседний звук — например, в составных жестах один элемент может заимствовать какое-то свойство соседнего элемента. Более детально ознакомиться с фонологическими особенностями ЖЯ и примерами таковых можно в подробном обзорном труде Сэндлер и Лилло-Мартин (Sandler, Lillo-Martin, 2006).

Следует также упомянуть, что разделение жеста на компоненты используется при создании нотационных систем для записи жестов. Разработка подобных нотаций имеет своей целью не только письменную фиксацию ЖЯ (сегодня

этую роль гораздо более успешно выполняет видеосъёмка), но и уточнение структуры жеста. Наиболее подробная нотация для РЖЯ была разработана Л.С. Димскис (БГМУ, Беларусь) (Димскис, 1998).

1.3. *Части речи в ЖЯ*

Вопрос о выделении частей речи в ЖЯ по-прежнему является открытым и малоизученным. В западной традиции принято выделять как минимум жесты-имена и жесты-глаголы. Такое разделение вписывается в рамки одного из подходов к классификации жестов, согласно которому в ЖЯ выделяются такие же части речи, как в устных языках.

Тем не менее, многие исследователи оспаривают правомерность подобного подхода. В самом деле, во всех изученных ЖЯ существует довольно значительное количество жестов, которые в зависимости от контекста могут обладать различными семантическими свойствами и выполнять различные синтаксические функции. Например, в РЖЯ понятия *лыжи*, *лыжный*, *ходить на лыжах* или *любовь*, *любимый*, *любить* передаются одним жестом. В связи с отсутствием формально-грамматических признаков, позволяющих отнести подобные жесты к какой-либо части речи, Г.Л. Зайцева предполагает, что говорить о частях речи в РЖЯ некорректно (Зайцева, 2000). Американским исследователям, которые утверждают, что при исполнении именных и глагольных жестов имеются различия в характере движения руки (Suppala, Newport, 1978; Anderson, 1982), Зайцева возражает, что схожие изменения в характере движения могут отражать дополнительные смысловые оттенки (например, «быстро ходить на лыжах»). Однако, В.И. Кимельман утверждает принципиальную возможность выделения жестов-имён и жестов-глаголов в РЖЯ, приводя в качестве аргументов большую иконичность глагольных жестов, большую экономность именных жестов и тот факт, что

именные жесты сопровождаются маусингом (mouthing) часто, а глагольные — крайне редко (Kimmelman, 2009b).

Также существуют классификации жестов, опирающиеся не столько на семантические и синтаксические, сколько на морфологические признаки (способность к изменяемости) (Zeshan, 2003), но эти классификации оставляют открытым вопрос о наличии частей речи в ЖЯ, поскольку выделение частей речи подразумевает сочетание семантических, синтаксических и морфологических категориальных признаков.

Нам, в свою очередь, представляется уместным разделение жестов в ЖЯ на части речи (что, впрочем, не исключает особенностей данного разделения по сравнению с устными языками). Во-первых, нет никаких сомнений, что в ЖЯ имеется разделение на самостоятельные (зnamенательные) и служебные части речи (примером последних в РЖЯ могут служить вопросительные жесты, жесты для выражения принадлежности, аспекта, времени, модальности, и т.п.). Во-вторых, в ЖЯ возможно чёткое выделение групп жестов, которые обозначают только предметы (т.е. аналоги существительных), действия (аналоги глаголов), количество (числительные), и т.п. Что касается «маргинальных» случаев, т.е. жестов, которые могут обозначать как субъект действия, так и само действие, и его инструмент, то суть проблемы, на наш взгляд, заключается в когнитивной репрезентации этих жестов. Возможно, что носитель ЖЯ воспринимает каждый подобный жест как несколько отдельных жестов-омоформ⁴, принадлежащих к разным частям речи — какая из омоформ имеется в виду, становится понятно из контекста⁵. Альтернативным вариантом может быть восприятие каждого подобного жеста как единого смыслового концепта («сгустка смысла»), в

⁴ Впрочем, если мы примем во внимание упомянутые выше наблюдения американских исследователей и Киммелмана, то должны будем признать, что собственно омоформами эти жесты не являются, поскольку имеют фонологические различия.

⁵ Подобное восприятие, впрочем, может быть обусловлено влиянием устного языка и теоретических знаний об устном языке, имеющихся у большинства носителей ЖЯ.

котором заложен потенциал нескольких лексико-грамматических значений, могущих реализоваться в конкретных семантико-синтаксических конструкциях — в таком случае неуместно отнесение подобных жестов к какой-либо одной категории частей речи.

Впрочем, в рамках настоящей работы нам хотелось бы воздержаться от каких бы то ни было заявлений по вопросу классификации жестов, поскольку данная проблема не находится в фокусе наших интересов. В самой работе мы будем придерживаться традиционных терминов, обозначающих части речи, ориентируясь на ближайшие аналоги соответствующих жестов в устных языках, при этом, разумеется, отдавая себе отчёт в относительной условности подобной классификации.

1.4. Морфология ЖЯ

1.4.1. Словообразование в ЖЯ

Из-за тяги ЖЯ к нелинейности (одновременности) морфологические процессы в ЖЯ на первый взгляд довольно сильно отличаются от таковых в устных языках. Однако при образовании новых слов в ЖЯ используются в основном такие же деривационные механизмы, как в устных языках.

Так, Кэрэн Эммори (San Diego State University, США) утверждает, что в ASL распространена конверсия (noun-verb derivation), в рамках которой существительные образуются из глаголов, претерпев определённые фонологические изменения (ср. в английском: “rébel” и “rebél”, “cónvict” и “convíct”). (Emmorey, 2002)

Также в ЖЯ распространено формирование сложных жестов (compounds) — при этом, как правило, имеет место ассимиляция. Примеры сложных жестов в ASL приведены в работе Лидделла (Liddell et al., 1986). Примером сложного жеста в РЖЯ может быть жест ЗАВТРАК, состоящий из жестов ЕДА и УТРО.

Аффиксация как способ словообразования менее популярна в ЖЯ, чем в устных языках: однако, к примеру, и в ASL, и в РЖЯ имеется агентивный аффикс (agent nominalizer), который, впрочем, гораздо менее продуктивен, чем, например, англоязычный аффикс -er (Liddell, 2003). В РЖЯ этот аффикс совпадает с жестом ЧЕЛОВЕК⁶ (например, УЧИТЬ+ЧЕЛОВЕК (учитель), БОКС+ЧЕЛОВЕК (боксёр), и т.п.) — поэтому, в принципе, можно предположить, что агентивный суффикс РЖЯ является не аффиксом, а одной из основ сложного слова (которая, к тому же, часто опускается).

1.4.2. Множественность

Значение множественности в ЖЯ может быть передано разными способами. Так, например, в РЖЯ значение множественности передаётся следующими способами:

- прибавлением к жесту в исходной форме (citation form; далее при необходимости сокращается как «жест-сф») жестов МНОГО, РАЗНЫЙ, ОЧЕНЬ-МНОГО (с артикуляцией «АФ») и др.: например, КНИГА МНОГО (книги), ЖИВОТНОЕ РАЗНЫЙ (животные), РОДСТВЕННИК ОЧЕНЬ-МНОГО (много родственников);

---

⁶ Согласно Лидделлу, агентивный суффикс ASL, как правило, не используется отдельно в значении лица (Liddell, 2003).

- изменением или повторением жеста-сф: например, исполнение одноручного жеста ДЕРЕВО двумя руками и/или его повторение (*деревья*)⁷;
- использованием классификаторных конструкций (см. 1.4.9.), т.е. исполняется жест-сф, после чего с помощью повторения классификаторов реализуется значение множественности (иногда передаётся точное количество — обычно если речь идёт о не более чем трёх предметах) и сообщаются дополнительные сведения об объекте (например, локализация): например, МАШИНА CL:ТРАНСПОРТНОЕ-СРЕДСТВО_a CL:ТРАНСПОРТНОЕ-СРЕДСТВО_b CL:ТРАНСПОРТНОЕ-СРЕДСТВО_c (дословно: *машина: здесь, здесь и здесь*; приблизительно: *три машины в ряд* или *ряд [неопределённого числа] машин*) — использование классификаторных конструкций само по себе не является способом выражения множественности, но в таких случаях употребление других показателей множественности является факультативным (а скорее даже избыточным);
- употреблением супплетивных форм: например, РЕБЁНОК / ДЕТИ;
- употреблением кумулятивных жестов: см. 1.4.3.

1.4.3. Кумулятивные жесты

Под кумулятивными жестами в ЖЯ мы понимаем жесты с инкорпорированным значением (как правило, количества). Примерами таких жестов в РЖЯ могут послужить жесты для обозначения времени или меры: так, жест ВЧЕРА (рука в конфигурации «А с отставленным большим пальцем», место исполнения — щека, однократное движение назад) морфологически разложим на компоненты, передающие значение ОДИН-ДЕНЬ-НАЗАД. Изменение конфигурации на «Г» (т.е. два отставленных

---

⁷ Сходным образом выполняется жест ЛЕС.

пальца: большой и указательный) при сохранении направления движения передаст значение ДВА-ДНЯ-НАЗАД, а изменение направления движения на «вперёд» (от себя) при сохранении конфигурации передаст значение ОДИН-ДЕНЬ-ВПЕРЁД (т.е. завтра). Таким образом, парадигма включает в себя все возможные значения в промежутке от ПЯТЬ-ДНЕЙ-НАЗАД до ПЯТЬ-ДНЕЙ-ВПЕРЁД (с «шагом» в один день). Значения от ШЕСТЬ-ДНЕЙ-НАЗАД/ВПЕРЁД и более передаются аналитически. Схожие парадигмы существуют для обозначения количества лет (здесь, помимо парадигмы для обозначения количества (отрезка времени или возраста), также возможно инкорпорирование значений ВПЕРЁД или НАЗАД), месяцев, недель, часов (для часов существуют две парадигмы: для обозначения момента времени — *сейчас час/два часа/три часа...* — и для обозначения продолжительности — *это продолжалось час/два часа/три часа...*), минут, килограммов, и т.п.

Также существуют местоимения с инкорпорированным обозначением числа: например, МАЛЬЧИК_a ДЕВОЧКА_b ЭТИ-ДВОЕ-_{a,b} УХОДИТЬ (*мальчик и девочка ушли*); ЭТИ-ТРОЕ-_{1,a,b} ХОТЕТЬ ПОДАРИТЬ₂ (*мы [втроём] хотим подарить тебе подарок*), и т.п.

Подобные парадигмы кумулятивных жестов существуют и в других исследованных ЖЯ (см. “Common numeral incorporation paradigms”, Liddell, 2003) — таким образом, можно предположить, это одна из универсалий ЖЯ.

1.4.4. Принадлежность

Значение принадлежности в ЖЯ передаётся, как правило, с помощью аффикса принадлежности POSS, выполняющего роль притяжательного местоимения. В РЖЯ значение принадлежности реализуется по следующим схемам:

- жест-cf + жест принадлежности: например, МАМА POSS-1⁸ (*моя мама*); ПРОФЕССИЯ POSS-PL-1 (*наша профессия*); ДРУГ POSS-2 (*твой друг*); [МУЖЧИНА IX-а] СУПРУГ POSS-а (*его жена*); [IX-а IX-в IX-с] ДЕНЬГИ POSS-arc-а,б,с (*их деньги*);
- жест-cf + посессор (жест-cf + жест принадлежности): например, ОЧКИ МАМА POSS-а (*мамины очки*); ДЕТИ РАБОЧИЙ POSS-а / POSS-arc (*дети рабочих*).⁹

Также в РЖЯ существует возвратное притяжательное местоимение POSS-SELF, механизмы функционирования которого будут раскрыты более подробно в Главе 3. Кроме того, стоит упомянуть, что значение потенциальной принадлежности может быть передано в РЖЯ с помощью жеста ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ — схема использования этого жеста аналогична схеме использования POSS: например, ЦВЕТОК ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ-а (*цветок для него/неё*); СВИТЕР СЫН ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ-а (*свитер для сына/сыну*), и т.п. Более подробно о выражении значения принадлежности в РЖЯ написано в работе А. Ципенко (Ципенко, 2008).

1.4.5. Отрицание в ЖЯ

Отрицание в ЖЯ выражается аналитически с помощью жестов отрицания, а также жестами с инкорпорированным отрицанием (последних, как правило, сравнительно немного). Так, в РЖЯ отрицание может быть выражено (классификация Киммельмана (Киммельман, 2007)):

- с помощью жестов отрицания, или отрицательных маркеров (регулярное отрицание), которые выражают сентенциальное отрицание и следуют за предикатом: например, IX-1 КУРИТЬ НЕТ (*я не курю*);

---

⁸ В РЖЯ имеются фонологические (а именно, конфигурационные) различия между POSS-1 (первого лица) и POSS-х (непервого лица) — из этого следует, что форма POSS-1 хранится в лексиконе. Отметим, что в ASL конфигурация POSS одинакова для всех лиц (“В”).

⁹ При этом, POSS может устанавливать локус для именного референта, которому он кореферентен.

- с помощью жестов с инкорпорированным отрицанием (нерегулярное отрижение), в которые входят следующие классы:
  - деривационные: нерегулярное отрижение образовано из положительного жеста с помощью аффиксации (фонологическое упрощение последовательности положительного жеста и маркера отрицания — например, НЕ-ЛЮБИТЬ) или чередования (изменение одного из компонентов положительного жеста — например, НЕВОЗМОЖНО);
  - супплетивные: положительный и нерегулярный отрицательный жест не имеют общих компонентов; при этом, в отрицательном жесте отрицательное движение может присутствовать (например, НЕ-ДАТЬ), а может отсутствовать (например, НЕ-ПОНИМАТЬ).
- с помощью немануального маркера, который может выражать сентенциальное отрижение и без использования жестов отрицания:

(1)

IX-1 ВИДЕТЬ O-Н neg ОКНО БИТЬ ВСЁ [РЖЯ]

‘Я видел, что он не разбивал окна.’ (Киммельман, 2007, ex. (7))

1.4.6. Временные значения

В ЖЯ существуют разветвлённые системы передачи временных значений. В рамках настоящей работы мы не можем подробно осветить данный вопрос, поэтому нам придётся ограничиться лишь несколькими существенными замечаниями на примере РЖЯ (Давиденко, Комарова, 2006):

- прошедшее время маркируется аффиксом БЫЛО или ГОТОВО/ЗАКОНЧЕНО/ВСЁ: например, IX-1 ВСТУПАТЬ-В-БРАК ГОТОВО (я *женился/я вышла замуж*); И-В-А-Н УЧИТЬСЯ БЫЛО (*Иван учился*);
- будущее время маркируется аффиксом БУДЕТ: например, IX-1 ЧИТАТЬ БУДЕТ (*я буду читать*);

- ближайшее будущее маркируется жестом с приблизительным значением ВОТ-ВОТ: например, СПЕКТАКЛЬ ВОТ-ВОТ НАЧИНАТЬСЯ (*спектакль вот-вот начнётся*);
  - отнесённость к прошедшему или будущему времени можно выразить с помощью жестов или их сочетаний с лексическим значением времени: например, ЗАВТРА, ВЧЕРА, ДВА-ГОДА-НАЗАД, ДАВНО, НЕДАВНО;
- и т.д.

В случае употребления жестов или их сочетаний с лексическим значением времени использование маркеров грамматического времени становится опциональным. Также маркеры грамматического времени опускаются, когда временная отнесённость понятна из контекста. Более подробно о способах выражения временных значений в РЖЯ можно прочитать в работах Е.Ю. Шамаро (Шамаро, 2006; Шамаро, 2007).

1.4.7. Аспектуальные значения

Аспектуальные значения в ЖЯ, как правило, передаются иконически, через изменение характера движения. Так, например, многократное исполнение глагольного жеста выражает повторяющееся действие (хабитуалис), медленное движение — продолжительное действие (дуратив), одиночное резкое движение — однократное действие (перфектив), и т.д. Подобные аспектуально обусловленные морфологические изменения глагольных жестов характерны для многих исследованных ЖЯ.

Аспектуальные значения также могут быть выражены аналитически. Так, например, в РЖЯ для выражения перфекта используется жест ГОТОВО/ЗАКОНЧЕНО: например, IX-1 ГАЗЕТА ЧИТАТЬ ЗАКОНЧЕНО (я

прочитал газету). Более подробно о способах выражения аспектуальных значений в РЖЯ можно прочитать в работах Е.Ю. Шамаро (Шамаро, 2006; Шамаро, 2007).

1.4.8. Согласование глаголов в ЖЯ

Согласование глаголов является уникальным морфологическим феноменом ЖЯ, который оказывает большое влияние на синтаксис этих языков. Традиционно, начиная с Кэрол Падден (University of California, San Diego, США), исследователи выделяют три класса глаголов (Padden, 1988 (1983)):

- простые (plain): не меняют направление движения; например, в РЖЯ: **ЛЮБИТЬ, ХОТЕТЬ, БОЯТЬСЯ**, и т.п.;
- согласующиеся, или флексивные (agreeing, inflecting): начальная и конечная точки движения отсылают, соответственно, к субъекту и объекту действия; например, в РЖЯ: **ПОМОГАТЬ, УЧИТЬ, РУГАТЬ**, и т.п.
- пространственные (spatial): движение повторяет траекторию перемещения в пространстве какого-либо предмета, т.е. начальная и конечная точка отсылают к локализациям предмета в пространстве; например в РЖЯ: **ПЕРЕСТАВИТЬ** (начальная и конечная точка движения указывают на то, откуда и куда был перемещён предмет).

Впоследствии были выделены глаголы с обратным согласованием (backwards verbs), т.е. глаголы, начальная точка движения которых отсылает к объекту, а конечная — к субъекту; например, в РЖЯ: **ПРИГЛАШАТЬ, КОПИРОВАТЬ**, и т.п.

1.4.9. Классификаторные конструкции

Значение термина «классификатор» (classifier) применительно к ЖЯ отличается от традиционно принятого в лингвистике. Классификаторы в ЖЯ составляют группу конфигураций, иконически передающих некоторые свойства объектов.

В книге Сэндлер и Лилло-Мартин (Sandler, Lillo-Martin, 2006) описываются следующие типы классификаторов:

- классификаторы размера и формы (size and shape classifiers): характеризуют объект с точки зрения его размера и формы; например, «маленький круглый объект», «длинный вытянутый объект», и т.п.;
- семантические классификаторы (semantic classifiers): относят объект к какому-либо классу; например, в 1.4.2. мы уже приводили пример классификатора со значением «транспортное средство»; в эту же группу попадают классификаторы со значением «человек», «маленькое животное», и т.п.;
- инструментальные классификаторы (handle classifiers): изображают руку, держащую объект с определёнными свойствами; например, «рука, держащая плоский предмет».

Классификаторы входят в состав классификаторных конструкций (классификаторных предикатов), сочетаясь с движением или локализациями и описывая, таким образом, ситуацию, в которой объект находится где-то, движется, с ним производятся какие-либо действия, и т.п.

Также в ЖЯ существуют конструкции, иконически описывающие контур объекта (например, дома, вазы, картины), которые иногда также относят к

классификаторным — однако, следует помнить, что подобные конструкции описывают не ситуации, а объекты (Zwitserlood, 2003).

Исследователи ЖЯ далеки от единодушия в вопросах, связанных с классификаторными конструкциями. Традиционный подход (Allan, 1977; Suppala, 1986) заключается в разделении классификаторной конструкции на корневую морфему (движение или локализация) и присоединённую к ней морфему-классификатор, функцией которой является обозначение какого-либо свойства участника ситуации. Однако дальнейшие исследования показали, что классификатор влияет на значение корневой морфемы (Engberg-Pedersen, 1993). Некоторые исследователи считают, что классификаторы в составе классификаторных конструкций выполняют функцию маркеров согласования с одним из аргументов — при этом, согласование в классификаторных конструкциях происходит с тематическим аргументом (Zwitserlood, 2003). Отдельные исследователи ЖЯ вообще полагают, что классификаторные конструкции не являются лингвистическим феноменом, а приближаются к обычной спонтанной жестикуляции, однако, подобная точка зрения представляется весьма спорной.

1.5. Синтаксис ЖЯ

1.5.1. Базовый порядок слов в ЖЯ

На тему порядка слов в ЖЯ существует обстоятельная русскоязычная работа В.И. Киммельмана (Киммельман, 2010), в которой представлены результаты исследования на тему базового порядка в РЖЯ, а также приведён весьма подробный обзор взглядов на данную проблему и конкретных исследований

на материале различных национальных ЖЯ. В этом подразделе мы просто суммируем основные положения работы Киммельмана.

Вкратце, существуют два основных подхода к определению порядка в ЖЯ. Согласно первому подходу, в ЖЯ имеется глубинный базовый порядок слов, находящийся под управлением синтаксических факторов (такой подход характерен для генеративизма) — т.е. любое изменение порядка слов должно объясняться синтаксической операцией передвижения (*movement*) (Fischer, 1975; Aarons et al., 1992; Kegl et al., 1996). Согласно второму подходу, порядок слов в ЖЯ свободный и управляет прагматическими факторами (этот подход более типичен для функциональной лингвистики) — т.е. порядок слов является всего лишь одним из инструментов (причём далеко не самым важным) для устранения неоднозначности (Friedman, 1976; Bouchard, Dubisson, 1995).

Позиции второго подхода подкрепляются тем фактом, что ЖЯ активно используют пространство для выражения грамматических смыслов (в частности, в ЖЯ возможны «одновременные», т.е. нелинейные высказывания, в рамках которых практически не имеет смысла говорить о порядке слов — впрочем, их употребление довольно ограничено). Кроме того, ЖЯ, как правило, являются языками непосредственного межличностного общения, по какой причине в них преобладают конситутивные высказывания, порядок слов в которых определяется конситуацией. Такая точка зрения относительно порядка слов в РЖЯ характерна, например, для Г.Л. Зайцевой (Зайцева, 2000).

Между тем, исследования сторонников первого подхода убедительно показывают, что существуют определённые ограничения на перемещение слов внутри предложения (в конечном итоге, в ЖЯ, как и в устных языках,

тоже возможно продуцирование аграмматичных предложений), которые невозможно объяснить с точки зрения чисто прагматического подхода.

Сам Киммельман постулирует принципиальное наличие в ЖЯ базового порядка слов. При этом, на базовый порядок оказывают влияние такие факторы, как класс глагола (простой или согласующийся), топикализация (см. 1.5.3.), наличие классификаторных конструкций, аспект глаголов, семантические факторы (например, обратимость или необратимость ситуации, подвижность, одушевлённость), и т.д. Кроме того, для многих ЖЯ свойственно повторение глагола в конце предложения (либо в идентичной форме в качестве т.н. «эха», либо в маркированной форме — т.н. «сэндвич»). Также своими особенностями обладает порядок слов в локативных предложениях, т.е. в предложениях, описывающих расположение или перемещение объектов в пространстве — вместо стандартных субъекта, объекта и предиката для них приняты термины «фигура» (*figure*), «фон» (*ground*) и «локативное отношение» (*locative relation*).

Результаты практического исследования Киммельмана показывают, что в РЖЯ существует два базовых порядка слов: SVO (Subject-Verb-Object) с простыми и согласующимися глаголами и SOV (Subject-Object-Verb) с классификаторными конструкциями — при этом, на базовый порядок активно влияют практически все вышеперечисленные факторы. Прилагательные обычно стоят после существительного, но могут находиться и в препозиции. Наречия, как правило, стоят перед глаголом, однако, позиция некоторых наречий определяется их лексическим значением. Также в РЖЯ нередки повторы слов внутри предложения.

1.5.2. Структура сложных предложений в ЖЯ

Одним из основных определяющих свойств естественных языков является их потенциальная способность конструировать неограниченное количество грамматических высказываний исходя из ограниченного количества элементов и согласно ограниченному количеству правил. На уровне синтаксиса это свойство обуславливается явлением рекурсии. Именно рекурсия позволяет создавать сложноподчинённые предложения с теоретически неограниченным количеством придаточных.

Ранние исследования постулировали отсутствие механизмов субординации (т.е. рекурсии) в ЖЯ (Thompson, 1977). Однако этот тезис был довольно быстро опровергнут Лидделлом (Liddell, 1980): несмотря на отсутствие явных комплементайзеров (т.е. неизменяемых подчинительных союзов, вроде *that* в английском языке), грамматическое маркирование определительных придаточных осуществляется с помощью немануального маркера, который распространяется на всё придаточное. В ASL, например, такой маркер включает в себя поднятые брови, отклонение головы назад и напряжение верхней губы. Пример сложноподчинённого предложения в ASL:

- (2)
RECENTLY _aDOG CHASE _bCAT _aCOME HOME. [ASL]
'The dog that chased the cat came home.' (Sandler, Lillo-Martin, 2001, ex. (6b))

1.5.3. Топикализация в ЖЯ

Топикализация является очень распространённой синтаксической операцией в ЖЯ. При топикализации топик (тема) перемещается в начальную позицию предложения — например, с целью выделения важной информации, установки локуса или снабжения объектом глагола, для которого объект

запрещён (например, аспектуально маркированного глагола). Топикализация сопровождается немануальным маркером (в ASL это поднятые брови). Пример топикализации в ASL:

- (3) MY CAT DOG CHASE. [ASL]
'My cat, the dog chased it.' (Liddell, 2003, ex. (27))

1.6. Лексика ЖЯ

1.6.1. Иконичность в ЖЯ

В силу специфических возможностей, представляемых визуальной модальностью, ЖЯ отличаются высокой степенью иконичности. Выше мы уже касались темы иконичности при согласовании глаголов, использовании классификаторных конструкций, выражении аспектуальных значений и т.п. Неудивительно, что значительная часть лексики ЖЯ иконична.

Однако эта иконичность неоднородна. Одним из вариантов иконического жеста может быть жест, при исполнении которого рука изображает предмет: так, например, в РЖЯ при исполнении жеста ДЕРЕВО рука (от локтя до кончиков пальцев) схематически изображает прототипическое дерево; при исполнении жеста СТУЛ кисть руки представляет стул, и т.п. Возможен вариант, в котором иконически представлена только часть объекта (как правило, наиболее заметная, типичная, обязательная для категоризации) — такие жесты правильнее анализировать как индексальные знаки. Например, в РЖЯ жест ЛОСЬ представляет собой иконическое изображение лосиных рогов, а жест ВЕРБЛЮД — верблюжьих горбов. Также возможно изображение типичных манипуляций с предметом: например, в РЖЯ жест АПЕЛЬСИН представляет собой имитацию очистки апельсина от кожуры, а

жест КОМПЬЮТЕР — имитацию работы на клавиатуре. Кроме того, в 1.4.9. мы упоминали контурные конструкции, максимально точно изображающие форму конкретного предмета (при этом, для прототипического предмета, как правило, имеется нейтральный вариант жеста). Для менее осязаемых денотатов иконичность может быть менее очевидной, заключать в себе метафору: так, в РЖЯ жест УХОДИТЬ представляет собой движение руки от себя, при этом пальцы переходят из конфигурации «Г» в конфигурацию «капля» (как бы смыкаются), что должно изображать уменьшение объекта при удалении. Существуют и другие способы формирования иконического жеста, мы перечислили только самые очевидные.

В этой связи стоит задаться вопросом, является ли иконичность в ЖЯ признаком фундаментальных различий между устными и жестовыми языками. Некоторые исследователи ЖЯ считают, что эти различия являются количественными, а не качественными, а произвольность формы не является универсалией естественных языков. В самом деле, в устных языках иконичность тоже присутствует — в частности, в звукоподражательных словах, звуковая форма которых имитирует звуки, ассоциирующиеся с денотатом (например, *квакать*, *журчать*, *чмокнуть* [русс.]; crack, swish, squeak [англ.]; claquer, siffler, froufrouter [фр.]). Однако далеко не все объекты и действия имеют закреплённые звуковые ассоциации, да и артикуляционный аппарат человека ограничен в возможностях воспроизведения звуков — таким образом, можно предположить, что аудиальная модальность мало приспособлена для создания иконических форм, по крайней мере, по сравнению с визуальной. Следует также помнить, что в ЖЯ, как и в устных языках, иконические формы не являются пантомимой, а строго конвенциальны — тому свидетельство кросслингвистические различия в иконической лексике национальных ЖЯ. Кроме того, иконичность в ЖЯ подчиняется формальным языковым ограничителям: например, жест не может включать в себя движение ноги

(т.е. нога не может выступать в роли артикулятора), жест не может быть локализован в области колена (жестовое пространство ограничено снизу примерно серединой бедра), и т.д. (Emmorey, 2002)

1.6.2. Дактиль в лексике ЖЯ

Влияние устных языков на ЖЯ проявляется, в частности, через использование дактиля в лексике ЖЯ¹⁰. Так, например, во многих ЖЯ существуют т.н. «инициализированные жесты» (initialized signs), в которых конфигурация каким-либо образом соответствует дактильной репрезентации соответствующего слова из устного языка — как правило, в этом качестве выступает первая буква слова. Иногда (но далеко не всегда) инкорпорирование дактилемы в жест обусловлено необходимостью разрешения неоднозначности в случаях, когда одному базовому жесту соответствуют несколько слов устного языка. Примеры инициализированных жестов в РЖЯ: СИНИЙ (конфигурация «С»), ГОЛУБОЙ (конфигурация «Г»), ВТОРНИК (конфигурация «В»), ЧЕТВЕРГ (конфигурация «Ч»), и т.п.

Кроме того, ЖЯ присущ процесс лексикализации дактилизирования отдельных слов, в результате чего возникают т.н. «заимствованные жесты» (loan signs): например, #СОК в РЖЯ. Со временем они могут значительно упрощаться: например, в РЖЯ в жесте ДА начальная дактилема Д сохранила только конфигурацию, утратив движение; в жесте ГДЕ дактилема Д выпала совсем (жест представляет собой переход из конфигурации «Г» в «Е»).

---

¹⁰ Стоит отметить, тем не менее, что дактильные азбуки есть не во всех сообществах глухих.

1.6.3. Фразеология ЖЯ

Во всех изученных ЖЯ есть довольно объёмная группа лексических единиц, которые выражают какое-либо комплексное понятие или целую ситуацию одним жестом. В работе Давиденко и Комаровой (Давиденко, Комарова, 2006) для обозначения таких жестов используется термин «безэквивалентная лексика», поскольку для таких жестов невозможно или очень трудно подобрать эквивалент в устных языках (т.е. одно слово, которое полностью передавало бы значение данного жеста). Мы используем термин «фразеологизм», хотя, по сути, имеем в виду обратное явление: фразеологизм в устных языках представляет собой выражение, эквивалентное лексеме, тогда как описываемые лексические единицы представляют собой лексемы, эквивалентные выражению. Приведём пример подобного фразеологизма из РЖЯ: жест, который можно условно перевести как ДОСАДНО (хотя более точно значение этого жеста передаётся на русский язык сленговым словом *облом*, т.к. жест используется для описания негативных чувств человека главным образом в ситуации неоправдавшихся ожиданий и/или напрасно затраченных усилий) — ладонь доминантной руки сжимается в кулак на груди у противоположного плеча, артикуляция «ПФ».

Малоизученным остаётся пласт обсценной лексики в ЖЯ. В данной сфере определённую сложность представляет разделение бранных жестов как лексических единиц (*signs*) и просто «грязных» жестов (*gestures*), распространённых и среди слышащих. Считается, что наиболее табуированными являются жесты, иконически изображающие действия сексуального характера. Стоит также отметить, что маркированность жеста может зависеть от немануального компонента в целом и артикуляции в частности — так, некоторые жесты (по крайней мере, в ASL и РЖЯ) в зависимости от артикуляции могут передавать как анатомическое, так и обсценное значение. Характер движения и немануальный компонент

отличают нецензурные слова в прямом значении от экспрессивных междометий (во втором случае движение, как правило, более резкое). Кроме того, глухие иногда используют экспрессивное дактилирование ругательств устного языка (лексикализированные заимствованные жесты, см. 1.6.2.).

1.6.4. Диалектная вариативность в ЖЯ

Как и для устных языков, для ЖЯ характерна не только кросслингвистическая, но и внутриязыковая вариативность, которая наиболее заметно проявляется на лексическом уровне. В большинстве ЖЯ существуют региональные лексические различия, свидетельствующие о наличии диалектов внутри одного жестового языка. При этом, зачастую возникают дискуссии относительно статуса некоторых ЖЯ: так, например, в отчёте Летнего института лингвистики (SIL International) о жестовых языках Восточной Европы (Bickford, 2005) ставится вопрос о том, считать ли болгарский и молдавский ЖЯ отдельными языками или диалектами РЖЯ, и высказывается предположение, что выделение болгарского жестового языка на официальном уровне может производиться исключительно в политических целях. В том же отчёте приводятся результаты исследования Ленор Гренобль (University of Chicago, США) касательно диалектных различий в РЖЯ между Москвой и Санкт-Петербургом: значительные или незначительные различия были обнаружены в половине из 320 проанализированных жестов (Grenoble, 1992).

Интересным примером диалектной вариативности является существование не менее восьми вариантов жеста КОЛБАСА в РЖЯ (Давиденко, Комарова, 2006). Любопытно, что в ASL такой вариативностью отличается жест АРАХИС (порядка шести вариантов). Ещё одним примером региональных различий в лексике ЖЯ могут послужить варианты жеста КОГДА: в

московском диалекте распространён вариант с (обычно двукратным) соединением большого пальца с остальными в конфигурацию «Ж» (жест, аналогичный жесту СОБАКА), тогда как в курском диалекте употребляется жест с однократным перебирианием пальцев возле щеки (вариант, встречающийся и в петербургском диалекте (Гейльман, 1975)).

1.7. Эстетическая функция ЖЯ

Бытует мнение, что ЖЯ выполняют исключительно роль средства непосредственной межличностной коммуникации глухих. Между тем, полноценный естественный язык должен выполнять и другие функции, в том числе функцию художественного самовыражения. Этот тезис справедлив и в отношении ЖЯ — так, во многих сообществах глухих распространена жестовая поэзия. Безусловно, жестовая поэзия отличается от поэзии устных языков, однако, возможны параллели между изобразительными средствами, используемыми глухими и слышащими поэтами.

Так, например, для жестовой поэзии характерно использование повторяющихся конфигураций (т.е. разных жестов с одной и той же конфигурацией), что воспринимается как рифма или аллитерация в устных языках. Мастерство поэта также заключается в умении конструировать стихи так, чтобы устраниТЬ переходные движения между жестами (для достижения этого эффекта жесты комбинируются соответствующим образом и/или слегка изменяется характер или направление движения), результатом чего является плавность и слитность поэтической строки — это явление можно сравнить с ритмом в поэзии устных языков. Распространён также приём, в рамках которого все движения производятся симметрично. Внешне все эти приёмы приближают жестовую поэзию к искусству пантомимы, но надо

помнить о том, что это сходство поверхностно и что даже в рамках жестовой поэзии ЖЯ остаются лингвистическими системами.

Кроме фонологических средств, для жестовой поэзии характерно нарушение конвенционального значения жестов или даже искажение жеста с целью метафорически изменить его значение. В очерке Сэндлер и Лилло-Мартин (Sandler, Lillo-Martin, 2001) приводится пример из стихотворения нидерландского жестового поэта Уима Эммерика «Член Парламента»: герой стихотворения — член парламента, отрезанный от событий реального мира — читает газету во время ланча; чтобы передать, как жадно он поглощает информацию из прессы, Эммерик изображает его поедающим новости, с какой целью изменяет жест ЕСТЬ так, что тот оказывается направленным не ко рту, а к глазам. Таким образом, член парламента попеременно поедает то ланч, то новости.

Подробнее о жестовой поэзии можно прочитать, например, в работе Эдварда Клима (Salk Institute, США) и Урсулы Беллуджи (San Diego State University, США) (Klima, Bellugi, 1979). С образцами самой жестовой поэзии проще всего ознакомиться через ролики в Интернете.

Стоит также отметить, что среди слышащих наиболее популярен другой художественный жанр, связанный с ЖЯ — жестовая песня, в рамках которой носитель ЖЯ синхронно «переводит» звучащую песню на жестовый язык (обычно с элементами хореографии). Этот жанр в определённом смысле вторичен: во-первых, в его рамках не происходит создания нового произведения; во-вторых, как правило, в жестовой песне используются не естественные ЖЯ, а кальки, что облегчает синхронное исполнение песни на устном и жестовом языке, поскольку устраняет несовпадения в порядке слов и другие грамматические различия. Тем не менее, распространение жестовой песни способствует популяризации ЖЯ среди слышащих. Более того, часто в

роли исполнителей жестовой песни выступают слышащие люди, знающие ЖЯ. Так, например, в Интернете в своё время приобрели популярность ролики Чейза (Michael Chase DiMartino) [officialchase.com], слышащего переводчика ASL, исполняющего песни популярных исполнителей (Lady Gaga, Britney Spears, и т.п.) на ASL. Впоследствии Чейз стал известен и за пределами киберпространства. Сам он видит целью своего творчества устранение барьеров между сообществами глухих и слышащих. В России в жанре жестовой песни работает, например, театр «СинематографЪ» [www.cinematograff.ru], где глухие актёры играют музыкальные спектакли на РЖЯ¹¹.

1.8. Проблема соотношения верbalного и неверbalного компонентов в жестовом общении

ЖЯ иногда ошибочно относят к невербальным средствам коммуникации. Природа этого заблуждения двойственна. Во-первых, не обладая достаточными сведениями о ЖЯ, их часто считают пантомимой¹² — в русскоязычном обществе это усугубляется тем, что в русском языке слово *жест* используется как для невербальной единицы, так и для единицы ЖЯ (ср. в английском: sign как единица ЖЯ vs. gesture как невербальная единица). Во-вторых, даже признавая за ЖЯ статус лингвистических систем, некоторые люди ошибочно относят любую визуально-кинетическую коммуникативную деятельность к невербалике. Тем не менее, модальность не является категориальным критерием разделения на вербальное и невербальное. Так, например, в устных языках просодия, реализующаяся в аудиальной модальности, относится к невербальному компоненту речевого поведения. В свою очередь, ЖЯ, эксплуатирующие визуальное пространство

---

¹¹ В большей степени на КЖР, впрочем.

¹² Что во многом связано с высоким уровнем иконичности в ЖЯ — или скорее с наивным представлением об этой иконичности, поскольку в реальности человеку, не владеющему ЖЯ, не более легко понять жестовую речь, чем речь на любом незнакомом устном языке.

и использующие в качестве артикуляторов руки и мимические мышцы, безусловно, являются вербальными средствами коммуникации.

Тем не менее, вышесказанное не означает, что жестовое общение лишено неверbalного компонента. Проблема заключается в том, что некоторые элементы речевого поведения носителей ЖЯ сложно однозначно категоризировать как вербальные или невербальные. Много дискуссий ведётся вокруг немануального компонента ЖЯ: какое немануальное поведение является грамматикализированным и обязательным, а какое произвольным и опциональным. В частности, в данный момент западными исследователями активно исследуется т.н. маусинг (mouthing), т.е. визуальное продуцирование звуков в процессе речепроизводства. Одни исследователи утверждают, что, несмотря на то, что значение маусинга неодинаково от языка к языку, в тех ЖЯ, где он активно задействован, он является компонентом жеста (в рамках данной работы для обозначения этого компонента используется традиционный для России термин «артикуляция») и часто несёт смыслоразличительную нагрузку — таким образом, маусинг следует относить к вербальной составляющей жестового общения. Другие исследователи трактуют маусинг как невербальное поведение, схожее со спонтанной жестикуляцией носителей устного языка.

Не менее важным является вопрос, вынесенный в заголовок статьи Эммори “Do signers gesture?” (Emmorey, 1999). В этой статье освещены структурные различия между жестами ЖЯ (signs) и жестами, сопровождающим общение на устном языке (gestures) и описаны особенности жестикуляции (gesticulation) носителей ЖЯ. В частности, автор отделяет контурные конструкции (tracing constructions), которые мы уже упоминали (1.4.9., 1.6.1.), от контурных жестов (tracing gestures), приводя фонологические ограничения, которым подчиняются первые в отличие от вторых. Эммори приводит аналогию из устных языков: схожее разделение присутствует

между звукоподражательными словами (ономатопеями) и т.н. «голосовыми жестами» (vocal gestures), т.е. неконвенциональными имитациями каких-либо звуков с помощью речевого аппарата. Кроме того, Эммори обозначает следующие отличия жестикуляции носителей ЖЯ от таковой у говорящих на устном языке:

- жесты носителей ЖЯ не сопровождают вербальное сообщение, а чередуются с ним;
- жесты носителей ЖЯ более конвенциональны и подражательны, нежели идиосинкратичны;
- жесты носителей ЖЯ функционируют как высказывания или независимые выражения.

Одной из наиболее сложных проблем в данном ключе является разделение дейктических указательных жестов и местоимений ЖЯ — в принципе, и здесь возможны фонологические различия, но определяющим категоризационным моментом будут всё-таки синтаксические отношения.

Кроме того, в этой статье поднимается проблема немануальных жестов (body gestures), к которым автор относит телодвижения (в т.ч. принимаемые позы), мимику и голосовое поведение¹³ носителей ЖЯ. В отличие от мануальных жестов, немануальные сопровождают вербальное сообщение и могут сочетаться с мануальными жестами. Выражение лица у носителя ЖЯ, как и у говорящего на устном языке, может выражать персональное отношение к тому, о чём идёт речь (оценочный компонент) — в таком случае речь идёт об аффективном выражении лица (affective facial expression), в отличие от грамматического, маркирующего лексические или синтаксические структуры. Эммори также пишет о выражении лица во время ролевого сдвига, о котором речь пойдёт более подробно в 2.3.3.

---

¹³ Автор использует слово “voice”, но не описывает этот аспект более подробно — видимо, под голосовым поведением в данном контексте имеется в виду маусинг.

Незатронутым в статье остаётся вопрос обязательного неграмматического выражения лица, ассоциирующегося с конкретным словом: так, например, жест **ДОВОЛЬНЫЙ** в РЖЯ исполняется в сочетании с благостным выражением лица — если исполнить жест **ДОВОЛЬНЫЙ** в сочетании с угрюмым или даже нейтральным выражением лица, это скорее всего будет воспринято как ложь или сарказм.

Наконец, стоит отметить, что некоторые исследователи (в частности, Лидделл (Liddell, 2000)) считают, что использование пространства при согласовании глаголов, употреблении местоименных указательных жестов и классификаторных конструкций не является лингвистическим феноменом, а относится к невербальному компоненту речевого поведения носителей ЖЯ. При этом, сами перечисленные явления (согласующиеся — или, в терминах Лидделла, указательные — глаголы, местоименные указательные жесты и классификаторные конструкции) представляют собой гибриды (blends) языковых и неязыковых элементов.

1.9. Усвоение ЖЯ

Если ЖЯ обладают той же когнитивной структурой, что и устные языки, то они должны сходным образом и с такой же скоростью усваиваться детьми при наличии достаточного входного лингвистического материала¹⁴. В данном ключе исследователей в первую очередь интересует влияние модальности на сроки и стадии овладения языком. Обзоры результатов таких исследований представлены, например, в ряде докладов американских исследователей (Newport, Meier, 1985; Meier, 1991; Lillo-Martin, 1999).

---

¹⁴ Как правило, имеются в виду случаи, когда языком овладевают глухие дети глухих родителей-носителей ЖЯ.

Исследования показали, что в целом глухие дети овладевают ЖЯ с такой же скоростью и с прохождением тех же этапов, что и слышащие дети — устными языками. Тем не менее, различия всё-таки имеются: так, например, в среднем слышащие дети начинают использовать первые слова устного языка в 11 месяцев, в то время как глухие дети начинают выполнять первые жесты в районе 6—8 месяцев. Существуют два варианта трактовки этого различия: когнитивный и физиологический. В рамках первого варианта предполагается, что жесты, которые глухой ребёнок употребляет в 6—8 месяцев, не являются языковыми жестами — более того, слышащие дети также используют значение, но не языковые жесты в этом же возрасте. Второй вариант рассматривает развитие соответствующих артикуляционных механизмов: предполагается, что к указанному возрасту мышечная координация развита лучше, чем речевой аппарат — т.о., и слышащие, и глухие дети способны к речепроизводству на когнитивном уровне, но физиологические ограничения не позволяют устной речи проявиться в этом возрасте. Последующие ключевые этапы примерно совпадают по времени для обеих модальностей.

Ещё одним важным вопросом в рамках усвоения ЖЯ является потенциал влияния иконичности ЖЯ на скорость и лёгкость овладения языком. Как показывают исследования, иконичность ЖЯ ничуть не упрощает процесс овладения ЖЯ глухими детьми — как и слышащие дети, они допускают ошибки. При этом, ошибки случаются даже в абсолютно «прозрачных» случаях: так, например, в определённый период глухие дети могут путать субъект и объект или прямой и косвенный объект в согласующихся глаголах. Кроме того, было отмечено, что в процессе овладения языком глухие дети часто опускают морфологические маркеры, выполняя жесты в исходной форме, которая, как правило, менее иконична, нежели маркированная. Эти данные напрямую свидетельствуют о том, что глухой ребёнок воспринимает категории ЖЯ как языковые абстракции.

Данные по ЖЯ также предоставляют аргументы в поддержку гипотезы о существовании критического периода для овладения языком (Lenneberg, 1967). В целях исследования данной проблемы обращаются, как правило, к случаям, когда у слышащих родителей имеются глухие дети. В ситуации невозможности естественного овладения устным языком и отсутствия входного лингвистического материала ЖЯ дети самостоятельно создают жестовые коммуникативные системы, получившие название «домашняя жестики» (home sign) (Goldin-Meadow, Mylander, 1990). Впоследствии, как правило, дети всё-таки получают доступ к ЖЯ и в конечном итоге начинают использовать ЖЯ как основное средство коммуникации. Однако, как показывают исследования, люди, которые получили доступ к ЖЯ после 13 лет, демонстрируют отличия от носителей ЖЯ, например, в использовании согласующихся глаголов и глаголов движения.

Показательной является хрестоматийная история о возникновении никарагуанского жестового языка. До 1979 года глухие в Никарагуа жили довольно обособленно, так и не сформировав единой коммуникативной системы. В 1979 году там была основана первая школа для глухих — и первое поколение учеников, до этого не имевших контакта друг с другом и обладающих лингвистическим опытом только на уровне «домашней жестики», сразу же стало развивать систему жестового общения. Эта система ещё не являлась полноценным языком и напоминала скорее пиджин; однако, ученики следующего, младшего, поколения переняли этот жестовый пиджин и смогли его систематизировать и конвенционализировать. (Senghas, 1995) Таким образом, данные из ЖЯ доказывают, что детям присущ не только механизм овладения языком, но и способность к регуляризации имеющегося входного лингвистического материала, что ведёт в конечном итоге к возникновению новых полноценных языков.

1.10. Нейролингвистические данные по ЖЯ

Представление о ЖЯ было бы неполным без учёта их нейрологической репрезентации. Нейролингвистические исследования ЖЯ способны предоставить наиболее наглядные доказательства или опровержения тезиса, что ЖЯ функционируют так же, как устные языки. Полученные данные помогают выяснить, в какой степени и как именно модальность влияет на механизмы обработки языка мозгом, а также прояснить когнитивный статус некоторых явлений ЖЯ. С результатами подобных исследований можно более подробно ознакомиться в ряде докладов американских нейролингвистов (Corina, 1998; MacSweeney et al., 2008; Hickok, Bellugi, 2010).

Томографические исследования глухих и слышащих¹⁵ носителей ЖЯ показывают, что при обработке языкового материала у них задействованы примерно те же участки головного мозга, что и у слышащих носителей устного языка. Различия в активированных участках в основном объясняются особенностями канала восприятия: так, например, для ЖЯ характерна активация некоторых участков правого полушария головного мозга (где локализованы визуально-пространственные процессы).

Как известно из нейролингвистики, очаговые поражения левого полушария (далее ПЛП) головного мозга у носителей устного языка (правшей) вызывают системные расстройства речи (различные типы афазии). При этом, последствия поражений правого полушария (далее ППП), как правило, не включают в себя афазию, зато включают различные типы нарушений пространственной ориентации. Поскольку пространственные отношения

---

¹⁵ Имеются в виду слышащие дети глухих родителей, усвоившие ЖЯ в качестве родного языка. Такие люди являются собой уникальный случай бимодального билингвизма — их участие в нейролингвистических исследованиях в качестве информантов позволяет обратиться к наиболее любопытным вопросам взаимовлияния модальностей (Pyers, Emmorey, 2008).

играют важную роль в лингвистической организации ЖЯ, можно предположить, что для носителей ЖЯ это соотношение будет иным.

Как показывают исследования, ПЛП у носителей ЖЯ также вызывают афазию разных типов: например, в жестовой речи одних пациентов встречаются симптомы, схожие с теми, что проявляют пациенты с афазией Брука (медленное, неуверенное и аграмматичное исполнение жестов), а речевое поведение других пациентов схоже с поведением при афазии Вернике (беглая, грамматичная, но бессмысленная жестовая речь). Пространственное мышление таких пациентов остаётся незатронутым.

В свою очередь, глухие пациенты с ППП страдают от нарушений пространственного мышления (например, они не могут изобразить на рисунке пространственные отношения, игнорируют левую сторону объектов, и т.д.). Между тем, языковые способности таких пациентов остаются ненарушенными — даже в том, что касается т.н. «пространственных» лингвистических механизмов. Однако, стоит заметить, что речь идёт именно о лингвистических механизмах (например, кодирование субъекта и объекта в пространстве). При этом, топографическое описание расположения предметов в пространстве (*mapping*) вызывает затруднения у пациентов с ППП (для пациентов с ПЛП ситуация обратная). Таким образом, необходимо строго разделять грамматическое использование пространства в ЖЯ от топографического. Кроме того, для пациентов с ППП характерны отдельные расстройства восприятия жестовой речи, поскольку для оного требуются ненарушенные визуально-пространственные способности.

Таким образом, результаты нейрологических исследований показывают, что, как и процессы устных языков, процессы ЖЯ локализованы в основном в

левом полушарии головного мозга, а физический канал, используемый для передачи и восприятия этих процессов, играет вторичную роль¹⁶.

---

¹⁶ Что, однако, не означает абсолютного паритета между аудиальным и визуальным каналами в языковом аспекте. В очерке Сэндлер и Лилло-Мартин (Sandler, Lillo-Martin, 2001) приведён убедительный аргумент (за авторством Питера Макниладж (University of Texas at Austin, США)) эволюционной приоритетности аудиальной модальности в языке: если бы эволюционный потенциал обеих модальностей был одинаков, в мире бы существовали сообщества слышащих, в которых основным средством коммуникации был бы жестовый язык — однако, о таких сообществах нам ничего не известно. Таким образом, выбор визуальной модальности носит компенсаторный характер.

Глава 2. Особенности и актуальные проблемы референции в ЖЯ

В этой главе мы рассматриваем основные средства и механизмы референции в ЖЯ и сравниваем их с таковыми в устных языках. Кроме того, здесь мы формулируем ряд актуальных вопросов, связанных с референцией в ЖЯ, и предлагаем обзор подходов к решению этих вопросов.

2.1. Понятие референции и основные референциальные средства и механизмы

Под референцией в лингвистике понимается соотнесение языковых выражений с внеязыковой действительностью, осуществляющее говорящим в рамках речевого акта. Референцией называют как сам процесс такого соотнесения, так и его результат (т.е. соотнесённость языковых выражений с действительностью в контексте высказывания). Целью референции является идентификация упомянутых объектов и ситуаций адресатом.

В референции могут участвовать автономные единицы: имена собственные, дейктические (индексальные) элементы, местоимения, дескрипции (актуализованные ИГ, включающие в свой состав общее имя) — и актуализаторы, оформляющие имена и ИГ (артикли, местоименные прилагательные, числительные, кванторы). Общие имена сами по себе не могут отсылать к референтам, поскольку обладают только экстенсионалом (абстрактным открытым множеством всех потенциальных референтов данного имени) и приобретают референциальный статус только в составе дескрипций. Также в качестве референциальных средств выступают времена и наклонения глаголов, помогающие актуализировать высказывание по отношению к множествам времён и возможных миров.

Существуют два основных механизма референции: дейксис (непосредственная отсылка к референтам, которые могут быть напрямую идентифицированы относительно ситуации высказывания) и анафора (опосредованная отсылка к референтам, ранее упомянутым в дискурсе). (Падучева, 1985)

Одним из первых дейктический механизм референции описал Карл Бюлер (Бюлер, 1993). В частности, он отметил, что дейктическая референция осуществляется в пространственно-временной системе координат (т.н. «указательное поле», Zeigfeld), точка отсчёта (Origo) которой определяется триадой *здесь-сейчас-я* (hier-jetzt-ich). Как правило, дейктическим центром высказывания является говорящий в пространственно-временной точке высказывания. Однако, возможно смещение дейктического центра к другому участнику речевого акта или описываемой ситуации. В частности, Бюлер вводит разделение эгоцентрической и топонестической пространственной ориентации, а также описывает дейксис к воображаемому (Deixis am Phantasma). К смещению дейктического центра мы вернёмся в 2.3.3., когда будем говорить о референциальном сдвиге в ЖЯ.

Дейктическая референция осуществляется:

- для отсылки к участникам речевого акта (т.е. к говорящему и адресату) с помощью местоимений первого и второго лица (*я, ты, мой, твой*);
- для указания на степень отдалённости объекта с помощью указательных местоимений и частиц (*этот, тот, вот, вон*, и т.п.);
- для указания на точку времени или пространства (т.н. «хронотопический дейксис») с помощью дейктических слов и выражений (*здесь, сейчас, завтра, вчера, направо, налево*, и т.п.).

Кроме того, отдельно выделяются дискурсивный и социальный типы дейкса. Первый отсылает к другим элементам дискурса (но не к их

референтам; например, *Как было сказано выше; I bet you haven't heard this joke*), а второй — к социальной информации об участниках речевого акта (примером социального дейксиса могут служить гоноративы). (Levinson, 2004)

Анафора¹⁷ в каком-то смысле является разновидностью дейксиса, однако, в качестве её «указательного поля» выступает не ситуация высказывания, а текст. Как пишет Бюлер, анафора «эмансипируется от наглядных опор речевой ситуации», «анафорические стрелы попадают не непосредственно в вещи, о которых идет речь, а... в языковые обозначения этих вещей...» (Бюлер, 1993). Анафорическое отношение связывает два элемента: анафор¹⁸ (референциальное выражение) и антецедент (выражение, к которому отсылает анафор).

Анафора может выражать как субстанциальное тождество (кореферентность) между элементами¹⁹:

- (4) Татьяна_i в лес; медведь за нею_i... (А.С. Пушкин) —
так и концептуальное (относительное) тождество (значение семантического связывания):
- (5) У тебя дети_i в школе, а у меня они_j в детский сад ходят. (Падучева, 1985)

Таким образом, чтобы интерпретировать анафор (установить его референт), адресату необходимо выполнить поиск антецедента и определить характер тождества, связывающий элементы анафорического отношения. В генеративной парадигме акцент традиционно делается на определении

---

¹⁷ Некоторые исследователи (в т.ч. Бюлер) противопоставляют анафору катафоре: в последней анафор предшествует элементу, к которому производится отсылка. В рамках данной работы подобная дифференциация производиться не будет.

¹⁸ Отметим, что в теории связывания и управления (Government and Binding Theory) Ноама Хомского (Massachusetts Institute of Technology, США) под термином «анафор» (anaphor) понимаются исключительно возвратные и взаимные местоимения (Chomsky, 1981). В рамках этой работы термин «анафор» будет употребляться для обозначения любого анафорического выражения.

¹⁹ Нотационным приёмом указания на кореферентность двух языковых выражений является снабжение этих выражений одинаковыми индексами в виде подстрочных знаков (коиндексация).

формальных ограничений (constraints) на употребление тех или иных референциальных выражений и на синтаксической связи между анафором и антецедентом. В когнитивной лингвистике и в динамических подходах формальной семантики (например, в теории репрезентации дискурса (Discourse Representation Theory, DRT) Ганса Кампа (Universität Stuttgart, Германия) и семантике изменения файла (File Change Semantics, FCS) Ирен Хайм (Massachusetts Institute of Technology, США)) принято считать, что адресат выполняет поиск антецедента не на уровне самого текста, а на уровне ментальных репрезентаций. Это означает, что он осуществляет поиск среди референтов, введённых в дискурс и активированных в его сознании.

Согласно когнитивному подходу — в частности, в рамках теории Уоллеса Чейфа (University of California, Santa Barbara, США) — именно статус активации референтов определяет референциальный выбор говорящего (Chafe, 1976). В рамках данной работы, тем не менее, нас будут интересовать в первую очередь формальные правила интерпретации референциальных выражений и ограничения на их употребление. Однако, мы не станем ограничиваться только уровнем предложения (т.е. исключительно синтаксическими связями между кореферентными выражениями), а будем ориентироваться в том числе на уровень дискурса.

2.2. Основные механизмы референции в ЖЯ

2.2.1. Понятие локуса и система местоимений ЖЯ

Базовым инструментом референции в ЖЯ является указательный жест, функции которого многочисленны. Некоторые исследователи считают, что он может исполнять роль определённого детерминатива (Bahan et al., 1995).

Также с помощью указательного жеста осуществляется дейктическая отсылка к присутствующим референтам²⁰. Таким же образом говорящий²¹ производит референцию к самому себе и к адресату.

Если референт отсутствует, за ним закрепляется определённый локус в пространстве, к которому впоследствии производится отсылка. Локус может быть установлен с помощью всё того же указательного жеста, однако, есть и другие способы установки локуса: исполнение жеста в необходимой точке пространства²² или указание на локус с помощью направления взгляда (Lillo-Martin, 1986).

Принято считать, что в общем случае локусы устанавливаются произвольно — однако, произвольность установки локусов относительна и зависит от самых разнообразных факторов. Во-первых, на распределение локусов влияет количество референтов в дискурсе: обычно при наличии двух референтов локусы для них устанавливаются, соответственно, слева и справа от говорящего; при большем количестве референтов жестовое пространство разбивается на соответствующее количество секторов — видимо, это делается для удобства идентификации референтов адресатом. Также можно предположить, что в общем случае существуют фонологические ограничения на установку локусов: в частности, запрет на установку локусов вне жестового пространства (например, за спиной у говорящего), что, впрочем, не должно ограничивать непосредственную референцию к присутствующим референтам, находящимся вне жестового пространства говорящего.

---

²⁰ Под присутствующими референтами понимаются не только лица, объекты и локации, непосредственно находящиеся в поле зрения говорящего — вполне допустимо дейктически указать в сторону предположительного расположения референта, находящегося, например, в соседней комнате.

²¹ За отсутствием в русском языке даже приблизительного эквивалента слову “signer”, мы будем использовать термин «говорящий» применительно как к устным, так и жестовым языкам.

²² Очевидно, что этот способ подходит только для жестов, которые не являются прикреплёнными к телу (body-anchored).

Кроме того, на установку локусов также оказывает влияние представление говорящего о реальности. Так, например, Шленкер описывает пример из LSF (Schlenker, 2011a, ex. (38)), в рамках которого было установлено три локуса: для ребёнка Жана (a) и для него же в возрасте пятнадцати (a^+) и двадцати пяти лет (a^{++})²³. При этом, локусы были установлены относительно друг друга не горизонтально, а вертикально: a^+ был установлен выше, чем a, а a^{++} — выше, чем a^+ . Таким образом, локусы иконически соответствовали различным положениям головы растущего Жана (такое объяснение было эксплицитно предоставлено информантом Шленкера).

Описанный пример сообразуется с точкой зрения Лидделла (Liddell, 1990, 2003), согласно которой говорящий представляет референта присутствующим, по какой причине направляет согласующиеся («указательные» в терминологии Лидделла) глаголы сообразно росту референта, а также положению его тела в пространстве. В поддержку идеи Лидделла выступают также случаи смещения локуса при перемещении референта (локативный сдвиг). Однако, как проницательно отмечает Е.В. Прозорова (Прозорова, 2006) анализ Лидделла подходит для референтов со значением живых существ и предметов²⁴, в то время как его справедливость для референтов со значением локаций, точек времени и абстрактных понятий²⁵ представляется сомнительной.

---

²³ Шленкер описывает эти локусы как указывающие на различные временные точки (“the loci indexing the different times”) — мы считаем, что эти локусы скорее кодируют или Жана в трёх разных ипостасях (условно говоря, трёх разновозрастных Жанов). Описанные особенности установки этих локусов являются тому подтверждением. Таким образом, мы склонны рассматривать анафорические связи в данном примере, как отсылку к именным референтам. Впрочем, мы не оспариваем того факта, что каждый из указанных референтов связан с определённой точкой во времени.

²⁴ Прозорова пишет о людях и предметах; неясно, относит ли она к какой-либо из этих категорий животных, для референции к которым характерен такой же иконический подход. Например, для кошки по умолчанию будет установлен локус, находящийся в районе пола/земли; однако, если описывается кошка, сидящая на шкафу, локус будет установлен сообразно положению кошки.

²⁵ Для подобных референтов также могут быть установлены локусы, как показывает Энгберг-Педерсен на материале DSL (Engberg-Pedersen, 1993).

Как бы то ни было, описанная система референции в ЖЯ очевидным образом отличается от использования местоимений в устных языках. Местоимения в устных языках не указывают на конкретного референта, а сужают множество потенциальных референтов за счёт кодирования ряда семантических признаков (phi features, φ features): лица, числа и рода — после чего адресат, руководствуясь синтаксическими ограничениями и pragматическими принципами, идентифицирует референта.

Между тем, местоимения ЖЯ не кодируют род²⁶, но кодируют число (единственное, а также дистрибутивное и собирательное множественное; кроме того, в ЖЯ имеются местоимения с инкорпорированным значением числа: двойственное, тройственное, и т.д. — обычно до пяти). Насчёт лица у исследователей нет единодушного мнения. Часть исследователей считает, что в ЖЯ отсутствует различие второго и третьего лиц, а имеются только два лица: первое и не-первое (Meier, 1990). Лилло-Мартин и Клима в своей ранней работе (Lillo-Martin, Klima, 1990) предположили, что в ASL²⁷ нет кодирования лиц и имеется лишь одна местоименная форма, которая маркируется индексом. Впоследствии Лилло-Мартин отказалась от идеи отсутствия различия лиц в ЖЯ, согласившись с Мейером (Lillo-Martin, 1995), однако, сохранила представление о том, что в ЖЯ, в отличие от устных языков, происходит эксплицитный процесс коиндексации референциальных выражений с референтами (Sandler, Lillo-Martin, 2006). В самом деле, затруднительно было бы вообразить, что все возможные направления местоименного указательного жеста (коих теоретически неограниченное количество) хранятся в лексиконе. Соответственно, механизм установки локусов и их последующей активации вполне может быть проинтерпретирован как морфологическая реализация коиндексации.

---

²⁶ В литературе, впрочем, описано подобие маркирования рода в японском жестовом языке (Sandler, Lillo-Martin, 2006).

²⁷ А, значит, предположительно во всех ЖЯ, поскольку системы местоимений в ЖЯ проявляют удивительное кросслингвистическое сходство.

Обратимся к аргументам в пользу сохранения различия первого и не-первого лица в ЖЯ. Во-первых, как утверждает Мейер, местоимения множественного числа первого лица, по крайней мере, в ASL, идиосинкратичны: в отличие от множественных местоимений не-первого лица, они не указывают на конкретных референтов, а исполняются на теле говорящего (Meier, 1990). Киммельман утверждает, что для РЖЯ этот тезис также справедлив (Kimmelman, 2009a)²⁸. Таким образом, форма первого лица хранится в лексиконе. Во-вторых, особый статус местоимениям первого лица придаёт возможность их использования для референции к лицу, отличному от говорящего, в рамках референциального сдвига (подробнее см. 2.3.3.), что позволяет многим исследователям утверждать, что для формы первого лица необходима отдельная «запись» в лексиконе (Meier, 1990; Engberg-Pedersen, 1993; Lillo-Martin, 1995).

Второй аргумент заставляет нас задуматься о возможности различия второго и третьего лиц в ЖЯ. Большинство исследователей отрицают подобное различие — однако, проблема заключается в том, что в рамках референциального сдвига референция ко второму лицу (т.е. адресату) тоже может смещаться (см. 2.3.3.6.). Таким образом, логично было бы предположить, что форма второго лица также хранится в лексиконе (или, по крайней мере, что формы первого и второго лиц требуют однотипного анализа).

Системы местоимений многих ЖЯ, как правило, также включают в себя возвратные местоимения. При этом, существуют кросслингвистические различия в функционировании возвратных местоимений ЖЯ. Так, например, в ASL возвратные местоимения используют ту же референциальную систему,

---

²⁸ Однако, в ситуации реального общения значение «мы» в РЖЯ также может передаваться конкретным указанием на входящих в эту группу референтов (т.е. «я+ты», «я+они», и т.п.).

что и личные местоимения, отличаясь от последних конфигурацией (конфигурация “A” с выставленным большим пальцем): т.е., возвратное местоимение в ASL состоит из конфигурации SELF и указания на локус, выражающего согласование²⁹. В РЖЯ возвратное местоимение представляет собой несогласующийся прикреплённый к телу жест (SEBA). Киммельман предполагает, что подобные различия можно объяснить влиянием локальных устных языков: так, в устном английском возвратные местоимения кодируют лицо, род и число (myself, yourself, himself, и т.д.), а в устном русском местоимение *себя* не кодирует ни одного из перечисленных признаков (Kimmelman, 2009a). Однако, он же отмечает, что согласование может быть опционально выражено с помощью дополнительного указательного жеста, выполняемого непосредственно после SEBA или одновременно с ним (в последнем случае указательный жест выполняется недоминантной рукой)³⁰. Кроме того, Киммельман пишет о наличии в РЖЯ специфического жеста BOUNDARIES, выражающем возвратное значение, но имеющим дополнительные лексические оттенки и, как результат, сочетаемостные ограничения. Кроме того, как и в русском языке, в РЖЯ имеется притяжательное возвратное местоимение SVOJ, функционирующее так же, как и номинальное возвратное местоимение SEBA в РЖЯ³¹.

Основной особенностью возвратных местоимений в ЖЯ является их опциональность — вместо них могут быть использованы личные местоимения, что нарушает принцип B (Condition/Principle B) теории

²⁹ Та же конфигурация используется в ASL для эмфатических местоимений и для т.н. «маркеров интимности» (intimacy markers) — последние употребляются для обозначения близких отношений между говорящим и референтом (Bahan et al., 2000); подобный жест также встречается в спонтанной жестикуляции говорящих на устных языках. В РЖЯ в качестве эмфатического местоимения используется несогласующаяся прикреплённая к телу форма SELF-emph (*сам*).

³⁰ Мы предполагаем также, что согласование может быть выражено и немануально — например, направлением взгляда.

³¹ В этом абзаце и в примерах из работы Киммельмана мы использовали его нотацию — в дальнейшем в работе будут использоваться следующие нотационные единицы: SELF для номинального возвратного местоимения, SELF-POSS для притяжательного возвратного местоимения.

управления и связывания (Government and Binding Theory) Хомского (Chomsky, 1981). Сравним:

(6)

- a. Heidi_i bopped her_{*i/j} on the head with the zucchini. [English] (Carnie, 2002, ex. (4.23))
- b. JOHN_a LOVE IX-a. [ASL]

John_i love him_i

‘John loves himself.’

Согласно Киммельману, опциональность возвратных местоимений в ЖЯ обусловлена визуальной модальностью: в устных языках использование возвратных местоимений помогает снизить уровень неоднозначности — в ЖЯ местоимения принципиально однозначны. Однако, опциональность возвратных местоимений в ЖЯ не означает их полной атавистичности: Киммельман убедительно показывает на материале РЖЯ и NGT, что возвратные местоимения в ЖЯ присутствуют не только из-за влияния устных языков, но и с целью выражения значения семантического связывания (в отличие от значения кореферентности):

(7) [Context: there are some children in the class. They are painting.]

- a. ALL PAINT SEBA [RSL]
- b. ALL PAINT IX-A IX-B IX-C [RSL]
- c. ALL PAINT IX-PL [RSL] (Kimmelman, 2009a, ex. (116), (117))

(7a) имеет следующее прочтение: $x \in M, \forall x(\text{paint}(x, x))$ (*Каждый ребёнок рисует себя*). В свою очередь, (7b) и (7c) либо аграмматичны, либо имеют следующее прочтение: $x \in M, \forall x(\text{paint}(x, \forall x))$ (*Каждый ребёнок рисует всех детей*).

2.2.2. Глагольное согласование в ЖЯ

Эксплицитное указание на локус с помощью личных, возвратных, эмфатических или притяжательных местоимений не является единственным способом реализации коиндексации в ЖЯ. В 1.4.8. мы уже описывали морфологию согласующихся глаголов³², начальная и конечная точка движения которых кодирует субъект и/или объект действия сообразно реальному размещению присутствующих референтов или условному размещению локусов для референтов в пространстве. Наличие согласования не налагает полного запрета на использование эксплицитных местоимений при согласующихся глаголах, но лицензирует их опущение, т.е. наличие нулевых аргументов (Lillo-Martin, 1986, 1991; подробнее см. 2.3.1.2.).

Стоит отметить, что согласование глаголов не является однородным феноменом: все согласующиеся глаголы обязательно согласуются с объектом, в то время как согласование с субъектом для одних глаголов может быть optionalным, а для других — полностью отсутствовать. Кроме того, при наличии у глагола двух аргументов со значением объекта согласование происходит с непрямым объектом. Заметим также, что согласование глаголов в числе возможно только с объектом. (Padden, 1988 (1983); Lillo-Martin, 1991; Sandler, Lillo-Martin, 2006)

Альтернативную точку зрения на согласование высказывают Бенджамин Бахан и др. (Bahan, 1996; Bahan et al., 2000): они утверждают, что согласование возможно для всех типов глаголов, при этом, оно может

---

³² Стоит отметить, что некоторые исследователи (в частности, Лидделл) оспаривают правомерность термина «согласующиеся глаголы», предлагая в качестве альтернативного термина «указательные глаголы» (*indicating verbs*). Аргументом в пользу такого мнения является тот факт, что в отличие от глагольного согласования в устных языках, сходный процесс в ЖЯ не является кодированием морфологических признаков субъекта и/или объекта (лицо, число, иногда род), а непосредственным указанием на референтов, т.о. не может называться согласованием. В рамках данной работы мы используем термин «согласующиеся глаголы», как более распространённый.

выражаться с помощью немануальных маркеров, а именно наклона головы и направления взгляда (подробнее см. 2.3.1.3.).

2.2.3. Референция к классификаторам

Использование классификаторов в ЖЯ, о которых мы писали в 1.4.9., не ограничивается классификаторными конструкциями. Присутствие классификатора в дискурсе может выполнять референциальные функции (Liddell, 2003; Прозорова, 2006). Так, например, говорящий может указать доминантной рукой на недоминантную в форме классификатора, который представляет какого-то референта. Лидделл назвал присутствие референта в пространстве дискурса в виде классификатора «буйком» (buoy). Одним из часто используемых типов буйков является т.н. «буёк-список» (list buoy), который представляет собой конфигурацию со значением числа (от двух до пяти), за каждым пальцем которой закреплён референт из списка. Таким образом, возможна отсылка как ко всей группе референтов, представленной этим классификатором, так и к отдельным элементам списка.

2.2.4. Референциальный сдвиг

Важным и крайне распространённым механизмом референции в ЖЯ является т.н. «референциальный сдвиг» (referential shift). В рамках референциального сдвига говорящий принимает точку зрения (перспективу) одного из референтов и излагает события с точки зрения этого референта. Референциальный сдвиг позволяет передать не только слова и мысли, но также эмоции, которые испытывает референт, и действия, которые референт производит сам или которые производятся над ним.

Стоит отметить, что в отношении данного феномена терминология не устоялась: в литературе можно встретить термины «ролевой сдвиг» (role shift), «ролевая игра» (role play), «переключение ролей» (role switching) и др. Мы оговоримся, что, ввиду неоднородности феномена, в рамках данной работы мы будем использовать сочетание «референциальный сдвиг» (далее РС) как зонтичный термин для любого случая смены перспективы, при необходимости уточняя, какой тип РС мы имеем в виду.

Традиционно в литературе выделяют цитационное (quotational) и нецитационное (non-quotational) использование РС. Функционально эти два типа различаются тем, что первый служит для передачи слов и мыслей референта, тогда как второй используется для передачи состояния референта, а также действий совершаемых самим референтом или над референтом. Исследователи расходятся во мнениях относительно того, возможен ли единообразный формальный анализ цитационных и нецитационных конструкций РС (подробнее см. 2.3.3.3.).

Энгберг-Педерсен (Engberg-Pedersen, 1993, 1995) выделила три базовых механизма РС:

- смешённая референция (shifted reference) — использование местоимений с точки зрения цитируемого лица (в первую очередь, местоимения первого лица для референции к лицу, отличному от говорящего);
- экспрессивный сдвиг / смещение экспрессивных элементов (shifted attribution of expressive elements) — использование говорящим мимики и позы для передачи чьих-либо эмоций;
- смещение локуса (shifted locus) — использование локуса говорящего (locus c) для лица, отличного от говорящего и наоборот, использование локуса, отличного от локуса с, для референции к говорящему.

Согласно Энгберг-Педерсен, описанные механизмы принципиально разделимы. Так, третий тип противопоставляется первому следующим образом: третий тип описывает исключительно сдвиг локусов при направлении согласующихся глаголов, тогда как первый тип возможен только при цитационном использовании РС и включает сдвиг как элементов согласования, так и эксплицитных местоимений. Экспрессивный сдвиг, в свою очередь, существует независимо от смещения локусов: так, локус *c* может быть использован для референции к объекту действия, в то время как выражение лица будет передавать эмоции субъекта.

РС вводится с помощью немануальных маркеров (в общем случае это смещение ориентации корпуса и/или головы, а также изменение направления взгляда, в т.ч. прерывание зрительного контакта с реальным адресатом); кроме того, при цитационном использовании РС возможны эксплицитные глаголы речи и мысли, однако, они могут опускаться при сохранении немануального маркирования смены перспективы.

2.3. Актуальные проблемы референции в ЖЯ

2.3.1. Нулевые аргументы в ЖЯ

Одной из проблем, которые вызывают повышенный интерес исследователей, является анализ нулевых аргументов в ЖЯ. Имеющиеся данные показывают, что, как и во многих устных языках, в ЖЯ возможно наличие субъектов и объектов, не выраженных фонологически. Основные вопросы в рамках данной проблемы можно сформулировать следующим образом:

- Каковы стратегии лицензирования нулевых аргументов в ЖЯ, т.е. что именно делает опущение местоимений в ЖЯ возможным и каковы ограничения на подобное опущение?
- Каковы модели интерпретации нулей в ЖЯ и как они соотносятся с таковыми для эксплицитных местоимений ЖЯ, а также для нулевых и эксплицитных местоимений устных языков?

2.3.1.1. Стратегии лицензирования нулевых аргументов

В традиции лингвистических исследований выделяют две стратегии лицензирования нулевых аргументов в языках с эллипсисом местоимений (pro-drop languages³³): лицензирование через согласование (licensing by agreement; Chomsky, 1981, 1982) и лицензирование через топик (licensing by topic; Huang, 1984). При этом, первый вариант встречается в языках с развитой системой согласования, а второй в языках с отсутствием согласования, в то время как языки со слаборазвитой системой согласования (например, английский) не допускают эллипсиса аргументов (Huang, 1984).

В первом случае информация об аргументах, позволяющая определить референта, содержится в морфологии глагола. Примерами языков, лицензирующих нулевые аргументы через согласование, являются большинство романских языков (за явным исключением французского³⁴):

(8)

a. Hablo Español. [Spanish]

‘Говорю по-испански.’ (Sandler, Lillo-Martin, 2006, ex. (2))

b. Mangia una mela. [Italian]

---

³³ Термин введен Хомским (Chomsky, 1981).

³⁴ Французский, как и английский, относится к языкам с отсутствием эллипсиса местоимений (non-pro-drop languages), что, впрочем, не исключает возможности опущения аргументов в разговорных конструкциях: например, (Je ne) sais pas [фр.] / (I) don't know [англ.] ('Не знаю'). Кроме того, французский, как и немецкий, является примером языка, который не допускает эллипсиса местоимений, несмотря на наличие спряжения глаголов — предположительно, это объясняется фонологическим совпадением многих глагольных форм.

‘Ест яблоко.’ (Lillo-Martin, 1986, ex. (1))

В приведённых примерах в морфологии глагола закодирована информация о лице и числе субъекта, что позволяет говорить о данных языках как о языках с нулевым субъектом. Языки, в которых имеется согласование с объектом (чоктавский, палауский, валпир, пашто, и др.), могут лицензировать опущение объектов. Так, например, в языке пашто в прошедшем времени непереходные глаголы согласуются с субъектом, а переходные — с объектом:

(9)

- a. e ra-ğ-ay. [Pashto]
DIR-come-3msg
‘[He] came.’
- b. ma e wə-xwar-a. [Pashto]
I PRF-eat-3fsg
‘I eat [it (fem.)].’ (Huang, 1984, ex. (14))

Следует отметить, что поведение нулевых аргументов в языках с эллипсисом местоимений неоднотипно: так, например, в испанском и итальянском языках опущение субъекта опционально, но предпочтительно; в ирландском случае опущения аргументов строго кодированы и обязательны; в иврите опущение субъекта возможно и предпочтительно в прошедшем и будущем временах, но недопустимо в настоящем времени (поскольку настоящее время в иврите образуется с помощью причастия настоящего времени, которое, подобно прошедшему времени в русском языке, кодирует род и число, но не лицо); в русском языке и многих других славянских языках допустим, но в большинстве случаев необязателен эллипсис как субъекта, так и объекта, при этом данный эллипсис далеко не всегда обуславливается согласованием.

Нулевые аргументы, лицензируемые согласованием, сохраняют свойства эксплицитных местоимений, т.е. являются синтаксически присутствующими,

хоть и фонологически не выражеными. Такие аргументы называют пустыми категориями местоименного типа — pro.

Вторая стратегия лицензирования нулевых аргументов свойственна языкам с отсутствующим согласованием. Наиболее подробно эта стратегия была описана С.Т. Джеймсом Хуангом (Harvard University, США) для китайского языка (Huang, 1984). Хуанг относит китайский язык к дискурсивно-ориентированным языкам (в противоположность языкам, ориентированным на предложение — например, английскому), в которых лицензирование нулевых аргументов осуществляется через топик. Каждое предложение в цепочке содержит синтаксический топик, коиндексированный с дискурсивным топиком и связывающий пустые категории в рамках предложения; при этом, синтаксический топик может быть нулевым. Так, в китайском языке возможно опущение как субъекта, так и объекта, причём как раздельное, так и одновременное:

(10)

Speaker A: Zhangsan kanjian Lisi le ma? [кит.]
Zhangsan see Lisi LE³⁵ Q
'Did Zhangsan see Lisi?'

Speaker B:

- a. ta kanjian ta le.
he see he LE
'He saw him.'
- b. e kanjian ta le.
'[He] saw him.'
- c. ta kanjian e le.
'He saw [him].'
- d. e kanjian e le.
'[He] saw [him].'
- e. wo cai [e kanjian e le].
I guess see LE

---

³⁵ Маркер глагольного аспекта.

‘I guess [he] saw [him]’

- f. Zhangsan shuo [e kanjian e le].

Zhangsan say see LE

‘Zhangsan said that [he] saw [him].’ (Huang, 1984, ex. (7))

Согласно Хуангу, пустая категория, связанная нулевым топиком, является не нулевым местоимением *pro*, а переменной. Согласно Хуангу, нулевые местоимения должны, подобно эксплицитным, подчиняться двум правилам:

- запрет на кореферентность (Disjoint Reference, DJR), соответствующий принципу В теории управления и связывания: местоимение должно быть свободным (несвязанным) в своей области управления (см. (6а));
- общее контрольное правило (Generalized Control Rule, GCR): нулевое местоимение следует коиндексировать с ближайшим именным элементом, т.е. в общем случае нулевое местоимение выбирает ближайший возможный антецедент³⁶.

Нулевые аргументы китайского языка не подчиняются этим правилам и, следовательно, не могут быть проанализированы как местоимения, за одним исключением: нулевой аргумент в позиции субъекта вложенной клаузы, кореферентный субъекту главной клаузы, как в случае (10f) удовлетворяет обоим вышеизложенным условиям и поэтому является *pro*.

В отношении описанных стратегий лицензирования нулевых аргументов был выдвинут тезис о существовании в языке единого параметра нулевого аргумента с двумя возможными значениями: лицензирование через согласование или лицензирование через топик, при этом каждый конкретный язык допускает только одну опцию.

---

³⁶ При этом, А ближе к В, чем С, если А имеет структурный приоритет над В (A c-commands B), а С не имеет структурного приоритета над В; если же и А, и С имеют структурный приоритет над В, то А ближе к В, чем С, если А находится в одной клаузе с В или отстоит от В на меньшее число клауз, чем С. Так, в предложении They told me that Mary expected that John would promise e to come ближайшим антецедентом для пустой категории будет John, а не Mary или they. (Huang, 1984)

2.3.1.2. Два типа нулевых аргументов в ЖЯ

Лилло-Мартин предположила, что ASL³⁷ является исключением из описанного выше правила, поскольку использует обе стратегии лицензирования нулевых аргументов (Lillo-Martin, 1986, 1991). Если данный тезис верен, значит, следует пересмотреть представление о едином параметре нулевого аргумента как о наличии двух взаимоисключающих опций.

Согласно Лилло-Мартин, в ЖЯ нулевые аргументы при согласующихся глаголах лицензируются согласованием и являются *pro*. В доказательство того, что эти нули демонстрируют поведение, свойственное эксплицитным местоимениям, она приводит ряд доказательств.

Во-первых, флексивные аргументы при согласующихся глаголах могут, подобно эксплицитным местоимениям³⁸, устанавливать локусы для референтов:

- (11) BROTHER SICK MOTHER _aPREACH_b[cont]. _aINDEX _aTELL_b CLEAN ROOM.

My brother is sick of mother preaching at (-him). Now she's telling (-him) to clean the room. (Lillo-Martin, 1986, ex. (6))

Во-вторых, флексивные аргументы подчиняются тем же моделям распределения, что и эксплицитные местоимения, при топикализации (см. 1.5.3.). В работе 1986 года Лилло-Мартин не проводит формального разделения между структурами с топиком в начальной позиции и нулём в позиции аргумента при глаголе и подобными структурами с местоимением, заполняющим лакуну в позиции аргумента при глаголе (resumptive pronoun), хоть утверждает, что такое местоимение необходимо в случае, если аргумент

---

³⁷ А, значит, предположительно, и все изученные на сегодня ЖЯ.

³⁸ А точнее флексивным же элементам при этих местоимениях.

извлекается из вложенной клаузы. Однако уже в более масштабной работе 1991 года исследовательница анализирует первые структуры как структуры с перемещением топика (собственно, топикализация), а вторые — как структуры, не включающие синтаксическую операцию перемещения. Она считает более корректным называть этот второй тип структур структурами с левой дислокацией (left-dislocation structures), однако, сознательно придерживается единообразной терминологии в отношении обоих типов, используя нейтральный термин «извлечение» (extraction). Впоследствии в совместной работе с Сэндлер (Sandler, Lillo-Martin, 2006) она утверждает (следом за другими лингвистами) разделение топиков в начальных позициях предложений на перемещённые (moved topics) и находящиеся в исходной позиции (base-generated topics).

Впрочем, терминологические и структурные расхождения между типами топиков не оказывают влияния на общий ход анализа нулевых аргументов в ASL, предлагаемого Лилло-Мартин. Она приводит следующие примеры топикализации:

- (12) $\frac{t}{a \text{THAT } a \text{BOOK } b \text{STEVE } a \text{READ } \_\_}$

That book_i, Steve read (-it_i). (Lillo-Martin, 1991, ex. (12))

- (13)

- a. $\frac{t}{a \text{EXERCISE CLASS}, f \text{PRONOUN HOPE } b \text{SISTER SUCCEED } b \text{PERSUADE } c \text{MOTHER } a \text{TAKE-UP } \_\_}$

The exercise class_i, I hope my sister manages to persuade my mother to take (-it_i). (Lillo-Martin, 1991, ex. (13); изначально — Padden 1988 (1983))

- b. $\frac{t}{a \text{BROTHER}, b \text{JULIE THINK } (a \text{PRONOUN}) } \frac{br}{a \text{LOOK-OVER } c \text{CAR FINISH}}$

My brother_i, Julie thinks (he_i) already looked over the car. (Lillo-Martin, 1991, ex. (14))

Пример (12) показывает возможность извлечения объекта из главной клаузы, а примеры (13a) и (13b) — соответственно, возможность извлечения объекта

и субъекта из вложенной клаузы, содержащей согласующийся глагол³⁹. Однако, как утверждает Лилло-Мартин, в случае извлечения аргумента из вложенной клаузы, содержащей простой (несогласующийся) глагол, необходимо употребление эксплицитного местоимения, заполняющего лакуну в позиции аргумента при глаголе:

(14)

- a. $\frac{\text{_____} t}{^a \text{THAT } ^a \text{COOKIE}, ^f \text{PRONOUN HOPE } ^b \text{SISTER SUCCEED } ^b \text{PERSUADE } ^c \text{MOTHER EAT } ^a \text{PRONOUN.}}$
- b. $\frac{\text{_____} t}{^* ^a \text{THAT } ^a \text{COOKIE}, ^f \text{PRONOUN HOPE } ^b \text{SISTER SUCCEED } ^b \text{PERSUADE } ^c \text{MOTHER EAT } \underline{\quad}.}$

That cookie_i, I hope my sister manages to persuade my mother to eat it_i. (Lillo-Martin, 1991, ex. (16))

(15)

- a. $\frac{\text{_____} t \text{_____} br}{^a \text{BROTHER, JULIE THINK } ^a \text{PRONOUN BRUSH-TEETH FINISH.}}$
- b. $\frac{\text{_____} t \text{_____} br}{^* ^a \text{BROTHER, JULIE THINK } \underline{\quad} \text{BRUSH-TEETH FINISH.}}$

My brother_i, Julie thinks (he_i) already brushed his teeth. (Lillo-Martin, 1991, ex. (15))

Сопоставление (13) с (14) и (15) позволяет Лилло-Мартин заключить, что при извлечении аргумента флексивные аргументы при глаголах достаточны для заполнения лакуны, т.е. они подобны эксплицитным местоимениям. Также флексивные аргументы выступают в роли местоимений, заполняющих лакуну, чтобы предотвратить нарушения островных ограничений (*island constraints*), т.е. чтобы сделать возможным извлечение элементов из конструкций, из которых это извлечение запрещено:

(16)

- a. $\frac{\text{_____} t}{^* [CP [Top ^a MOTHER_i], [IP ^f PRONOUN DON'T-KNOW [CP "WHAT" [IP e_i LIKE]]]].}$

---

³⁹ В сноске к этому примеру в работе 2006 года отмечается, что глагол TAKE-UP в ASL не является согласующимся в строгом смысле слова, а относится к глаголам, которые исполняются в определённом локусе. Морфосинтаксическое поведение таких глаголов не изучено до конца, но, судя по всему, в отношении лицензирования нулевых аргументов они ведут себя подобно согласующимся глаголам. (Sandler, Lillo-Martin, 2006)

- b. $\underline{\quad}$ ^t
_aMOTHER, _fPRONOUN DON'T-KNOW "WHAT" *_(a)PRONOUN) LIKE.
Mother_i, I don't know what she_i likes. (Lillo-Martin, 1991, ex. (19))
- c. $\underline{\quad}$ ^t
_aMOTHER, _fPRONOUN DON'T-KNOW WHAT _(a)PRONOUN) _aSEND_b _bJULIE.
Mother_i, I don't know what (she_i-) sent Julie. (Lillo-Martin, 1991, ex. (20))⁴⁰

Наконец, Лилло-Мартин указывает на параллели между поведением флексивных аргументов и эксплицитных местоимений в предложениях с эффектом сильного перекрёста (strong crossover)⁴¹:

- (17)
- a. $\underline{\quad}$ ^t
*_aSTEVE, _aPRONOUN EXPECT _fPRONOUN LOVE _{t_i}.
Steve_i, he_i expects me to love e_i. (Lillo-Martin, 1991, ex. (29))
- b. $\underline{\quad}$ ^t
_aSTEVE, _aPRONOUN EXPECT _fPRONOUN LOVE _aPRONOUN.
Steve_i, he_i expects me to love him_i. (Lillo-Martin, 1991, ex. (31))
- c. $\underline{\quad}$ ^t
_aSTEVE, _aPRONOUN EXPECT _fPRONOUN _fFALL-FOR_a (_aPRONOUN).
Steve_i, he_i expects me to fall for (-him_i). (Lillo-Martin, 1991, ex. (33))

Таким образом, основываясь на приведённых эмпирических данных, Лилло-Мартин делает вывод, что нулевые аргументы при согласующихся глаголах функционируют как синтаксически присутствующие элементы типа pro. Однако, нулевые аргументы при простых глаголах ведут себя иначе, на основе чего исследовательница заключает, что они являются не pro, а переменными, подобными описанным Хуангом для китайского языка. Это

⁴⁰ Лилло-Мартин приводит аналогичные примеры для извлечения субъектов и для других островных ограничений, но для иллюстративных целей нам достаточно примера (16).

⁴¹ Недавние исследования Филиппа Шленкера и Гаурава Матхура (Gallaudet University, США) показали схожие результаты для предложений с эффектом слабого перекрёста (Schlenker, Mathur, 2010): (18)

- a. *WHICH PROFESSOR POSS-a STUDENT IXarc LOVE *(IX-a) Q [IX-a is obligatory]
'[Which professor]_i do his_i students all love?' (= [Which professor]_i is loved by all his_i students?)
- b. WHICH PROFESSOR POSS-a STUDENT IXarc LIKE-a Q
'[Which professor]_i do his_i students all like?' (= [Which professor]_i is liked by all his_i students?)

предположение тем более правдоподобно, что ASL (как и другие исследованные ЖЯ) обладает свойствами, типичными для дискурсивно-ориентированных языков: для него характерны структуры типа «топик—комментарий», дискурсивная анафора и отсутствие эксплицитных плеонастических элементов (вроде *it* и *there* в английском языке). Лилло-Мартин приводит пример нулевого аргумента, связанного нулевым топиком предложения, который, в свою очередь, коиндексирован с дискурсивным топиком (19a), и анализ этого нулевого аргумента (19b):

(19)

- a. $_a \text{JOHN} \ _a \text{FLY} \ _b \text{CALIFORNIA LAST-WEEK. ENJOY SUNBATHE[dur].}$

John flew to California last week. (*He's*) *enjoying a lot of sunbathing.* (Lillo-Martin, 1986, ex. (2))

- b. [Null topic]_i, $t_i \text{ ENJOY SUNBATHE[dur].}$ (Sandler, Lillo-Martin, 2006, ex. (48))

Лилло-Мартин утверждает, что подобные пустые категории в ASL имеют те же модели распределения, что и аналогичные и в китайском языке, являясь переменными, а не нулями местоименного типа *pro*. При этом, они допускают такое же исключение, какое было описано Хуангом: нулевой аргумент в позиции субъекта вложенной клаузы, кореферентный субъекту главной клаузы, является *pro*:

(20)

- $\frac{t}{_a \text{MOTHER}, \ _a \text{PRONOUN DON'T-KNOW "WHAT"} (_a \text{PRONOUN}) \text{ LIKE.}}$

‘Mother_j, she_j doesn't know what_k (she_j) likes t_k.’ (Sandler, Lillo-Martin, 2006, ex. (49))

Итак, суммируем гипотезу Лилло-Мартин. ASL допускает нулевые аргументы двух типов: первые встречаются при согласующихся глаголах, лицензируются согласованием и функционируют подобно эксплицитным местоимениям; вторые встречаются при простых глаголах, лицензируются топиком и функционируют как переменные, связанные нулевым синтаксическим топиком.

2.3.1.3. Единообразное лицензирование нулевых аргументов в ЖЯ через согласование

Гипотеза Лилло-Мартин была поставлена под сомнение коллективом авторов из Бостона во главе с Бенджамином Баханом⁴² (Bahan et al., 2000), которые предложили альтернативный подход к анализу нулевых аргументов в ЖЯ (в частности, в ASL). Согласно этому походу, все нулевые аргументы в ASL лицензируются через согласование⁴³, однако, это согласование может быть выражено немануально.

Как неоднократно упоминалось выше, немануальные маркеры в ЖЯ часто выполняют синтаксические функции, выражая, например, отрицание или вопрос. Они, как правило, выполняются одновременно с мануальными элементами, распространяясь как минимум на узел, с которым ассоциируются, и опционально — на всю область, над которой этот узел имеет структурный приоритет. В случае опущения мануальных элементов (например, см. (1)) немануальные маркеры распространяются на всю область структурного приоритета их узла в обязательном порядке. Однако, интенсивность выражения немануального маркера снижается по мере удаления от узла.

Бахан и др. утверждают, что согласование также может кодироваться с помощью немануальных маркеров, которые включают в себя наклон головы и направление взгляда (в сторону соответствующего локуса); при этом, при переходном глаголе наклон головы кодирует субъект, а направление взгляда — объект. Немануальные маркеры согласования встречаются как при согласующихся, так и при простых глаголах:

---

⁴² См. Введение.

⁴³ С самого начала исследователи делают оговорку, что единообразный подход к лицензированию нулевых аргументов в ЖЯ не означает полного отсутствия влияния дискурсивных факторов на распределение местоимений (как нулевых, так и эксплицитных); однако, с их точки зрения, на уровне синтаксиса лицензирование нулей осуществляется именно через согласование.

(21)

- head tilt_i
eye gaze_j
- a. JOHN_i [+ agr_i]_{AgrS} [+ agr_j]_{AgrO} iSHOOT_j FRANK_j
'John shoots Frank.' (Bahan et al., 2000, ex. (12))
- head tilt_i
eye gaze_j
- b. IX_i [+ agr_i]_{AgrS} [+ agr_j]_{AgrO} LOVE MOTHER_j
'He/she loves mother.' (Bahan et al., 2000, ex. (13))

При непереходных глаголах (с одним аргументом) может использоваться любой из этих маркеров или оба одновременно:

(22)

- head tilt_i
a. JOHN [+ agr_i]_{AgrS} BATHE
- eye gaze_i
b. JOHN [+ agr_i]_{AgrS} BATHE
- head tilt_i
eye gaze_i
c. JOHN [+ agr_i]_{AgrS} BATHE
'John is bathing.' (Bahan et al., ex. (17), (18), (19))

Важно отметить, что при наличии мануально выраженного согласования (т.е. при согласующихся глаголах) немануальные маркеры optionalны, а при отсутствии онного (т.е. при простых глаголах) — обязательны для лицензирования нулевых аргументов⁴⁴:

(23)

- a. pro_i [+ agr_i]_{AgrS} [+ agr_j]_{AgrO} iSHOOT_j FRANK_j (Bahan et al. 2000, ex. (20))
- b. pro_i [+ agr_i]_{AgrS} [+ agr_j]_{AgrO} iSHOOT_j FRANK_j
'He/shoots Frank.' (Bahan et al. 2000, ex. (21))
- c. pro_i [+ agr_i]_{AgrS} LOVE MOTHER_j
'He/shes loves mother.' (Bahan et al. 2000, ex. (24))
- d. *pro_i [+ agr_i]_{AgrS} [+ agr_j]_{AgrO} LOVE MOTHER_j (Bahan et al. 2000, ex. (23))

⁴⁴ Мы приводим здесь только примеры с нулевым субъектом — у Бахана и др. приведены примеры с нулевым объектом, аналогичные (23a—d) (Bahan et al., 2000, ex. (30—33)).

Бахан и др. делают ещё одно важное замечание: согласно их точке зрения, в ASL возможна альтернативная «немаркированная» реализация мануального согласования с субъектом, в рамках которой начальной точкой движения согласующегося глагола является нейтральная позиция в пространстве⁴⁵. Этот взгляд идёт вразрез со сложившимся представлением об отсутствии и/или опциональности согласования глаголов ЖЯ с субъектом: то, что традиционно воспринимается как отсутствие (или опущение) согласования, описывается Баханом и др. как нейтральное немаркированное согласование. Немаркированная форма согласования с субъектом обязательна в случае отсутствия локуса, закреплённого за этим субъектом (например, это справедливо для нереференциальных субъектов вроде NOBODY)⁴⁶. Бахан и др. утверждают, что нейтральная форма согласования также может лицензировать нулевые субъекты:

- (24) $\text{pro}_i [+ \text{agr}_{\text{neu}}]_{\text{AgrS}} [+ \text{agr}_j]_{\text{AgrO}} \text{neu} \text{SHOOT}_j \text{FRANK}_j$ (Bahan et al. 2000, ex. (22))

Немануальное согласование с субъектом проявляет похожую двойственность — оно может принимать нейтральную форму, которая, тем не менее, отличается от полного отсутствия согласования⁴⁷. Эта нейтральная форма немануального согласования также может, согласно Бахану и др., лицензировать нулевые субъекты:

- (25) $\text{pro}_i [+ \text{agr}_{\text{neu}}]_{\text{AgrS}} \text{LOVE MOTHER}_j$
 $\text{head} \text{ tilt}_{\text{neu}}$
‘(He/she) loves mother.’ (Bahan et al. 2000, ex. (25))

---

⁴⁵ Немаркированная форма совпадает, таким образом, с формой первого лица; это позволяет Бахану заключить, что в ASL именно форма первого лица является морфологически немаркированной.

⁴⁶ Там же Бахан и др. пишут о различиях в форме согласования с объектом некоторых глаголов в зависимости от статуса определённости объекта.

⁴⁷ Аналогичным образом, формы немануального согласования с объектом могут варьироваться в зависимости от статуса определённости объекта.

Итак, Бахан и др. утверждают, что только согласование (мануальное или немануальное) может лицензировать нулевые аргументы. Наличие топика, даже эксплицитного, по мнению авторов, этого сделать не может⁴⁸:

- (26) $\frac{\text{t2-bg}}{\text{??}^{\text{49}} \text{JOHN}_i \text{IX}_{2p} \text{SAY pro}_i \text{LOVE MARY}}$

‘As for John, you say (he) loves Mary’ (Bahan et al., 2000, ex. (28))

При этом, Бахан и др. утверждают наличие различий в немануальном маркировании перемещённых топиков и топиков, находящихся в исходной позиции. Разделение этих двух типов топиков является принципиально важным для их анализа. В (26) представлено предложение с топиком в исходной позиции, кореферентным нулевому местоимению *pro*; при этом отсутствие согласования делает предложение аграмматичным. Однако, следующий пример с перемещённым топиком, оставившим след (trace) в позиции субъекта, вполне грамматичен, но не имеет отношения к лицензированию нулей:

- (27) $\frac{\text{t1-mv}}{\text{JOHN}_i t_i \text{LOVE MOTHER}}$

‘John loves mother.’ (Bahan et al., 2000, ex. (29))

Итак, согласно анализу Бахана и др., нулевые аргументы в ЖЯ единообразно лицензируются согласованием, которое должно быть выражено мануально и/или немануально. При этом, согласующиеся глаголы всегда лицензируют нули, а простые — только при наличии немануальных маркеров согласования. Топик в исходной позиции не может лицензировать нулевой аргумент (тот всё равно должен быть лицензирован согласованием), а

---

⁴⁸ Мы приводим здесь только примеры с нулевым субъектом — у Бахана и др. приведены примеры с нулевым объектом, аналогичные (26) и (27) (Bahan et al., 2000, ex. (35), (36)).

⁴⁹ Бахан и др. признают, что маргинальный статус (26) представляет проблему для их анализа, поскольку тот предсказывает полную аграмматичность подобного предложения. Причину такого результата они видят в деликатной природе различий между немануальными маркерами грамматичной и неграмматичной версий этого предложения — в частности, нулевой субъект в (26) мог бы быть лицензирован нейтральной формой немануального согласования, отсутствие которой может быть недостаточно заметным для информанта. Тем не менее, Бахан и др. утверждают, что сами носители ASL всегда исполняют подобные предложения с использованием необходимых немануальных маркеров.

перемещённый топик оставляет след, который не нуждается в лицензировании.

Бахан и др. также критикуют тезис Лилло-Мартин, согласно которому нули при простых глаголах имеют те же модели распределения, что пустые категории в китайском языке. Их основной аргумент заключается в том, что в китайском языке отношения между топиком и нулевым аргументом не подчиняются условию прилегания (subjacency condition). Однако Лилло-Мартин возражает, что, согласно Хуангу, пустые категории типа переменных подчиняются условию прилегания. (Huang, 1984: 3.2; Sandler, Lillo-Martin, 2006; см. анализ Хуанга в 2.3.1.1.)

Кроме того, Лилло-Мартин оспаривает достоверность эмпирических данных из работы Бахана и др., основываясь на исследовании Робина Томпсона и Кэрэн Эммори (Thompson et al., 2006)⁵⁰. Результаты данного исследования показали, что при простых глаголах нулевые объекты отсутствуют (Sandler, Lillo-Martin, 2006)⁵¹, а взгляд направлен в основном не на локус объекта, а на адресата⁵².

2.3.1.4. Специфичный подход к анализу эксплицитных и нулевых местоимений в ЖЯ

Текущие исследования постулируют необходимость своеобразного анализа нулевых аргументов в ЖЯ. Так, например, Елена Кулидброва (University of Connecticut, США) выдвигает следующие тезисы:

⁵⁰ Лилло-Мартин даёт ссылку на исследование, датируемое 2003 годом. Мы приводим библиографическую ссылку на более позднюю статью тех же авторов с изложением сходных результатов.

⁵¹ Согласно результатам более поздней статьи, нули в позиции объекта встретились всего дважды, причём оба раза предложения содержали топикализованный объект (т.е. нулевые объекты могли быть лицензированы через топик).

⁵² Что любопытно, взгляд был, как правило, направлен на объект при согласующихся глаголах, хотя согласно анализу Бостонской группы, немануальные маркеры согласования при согласующихся глаголах опциональны.

- т.н. «согласование» представляет собой не аффиксально обусловленное согласование, а присоединение эксплицитных местоимений к глаголу в качестве клитик⁵³ (Koulidobrova, 2010a);
- «настоящие» пустые категории в ASL (e_{ASL}) не идентифицируются согласованием и не имеют аналогов ни в языках с нулевым субъектом (в частности, испанском), ни в дискурсивно-ориентированных языках (в частности, японском) (Koulidobrova, 2010b);
- e_{ASL} в каком-то смысле подобно эксплицитным местоимениям в устных языках (в частности, в английском) (Koulidobrova, 2010b).

Кулидоброва приводит эмпирические данные в подтверждение второму и третьему тезисам, сопоставляя кросслингвистическое поведение нулей. Для e_{ASL} и $e_{Spanish}$ она проводит тест на интенсификацию нулей, т.е. добавляет эмфатические местоимения к нулям:

(28)

- a. LOWEL_i FEEL e_i / [e SELF]_i ASK [ASL]

‘Lowel thinks that (he) / (he) himself *(rather than others in the contexts) will ask’ (Koulidobrova, 2010b, ex. (2))

- b. Podemos preguntar a María_i, porque ella_i / [ella misma]_i / e_i / *[e misma]_i vió el accidente [Spanish]

‘We can ask Maria because she / she herself / (she) / herself saw the accident.’ (Koulidobrova, 2010b, ex. (4))

Невозможность интенсификации $e_{Spanish}$ в сопоставлении с возможностью интенсификации e_{ASL} позволяет говорить о разной природе нулей в данных языках.

Для e_{ASL} , e_{Jap} и эксплицитных местоимений английского языка Кулидоброва проводит тест на «нестрогую интерпретацию» (sloppy interpretation) e , т.е. проверяет отношения, связывающие e и его антецедент. Идея этого теста

---

⁵³ Это сообразуется с ранним представлением Джуди Кегл (University of Southern Maine, США; Kegl, 1986).

проистекает из тезиса Серкана Сенера (University of Connecticut, США) и Даико Такахashi (Tohoku University, Япония), которые предложили анализировать e_{Jap} как эллипсис аргумента. Соответственно, если для e доступна нестрогая интерпретация (т.е. между e и его антецедентом могут устанавливаться отношения семантического связывания, а не только кореферентности), e следует анализировать как эллипсис аргумента (по аналогии с эллипсисом глагольной группы), а не нулевой аргумент местоименного типа. Кулидброва приводит следующие примеры:

(29)⁵⁴

- a. Taro_i-wa [zibun_i-no kodomo-ga eigo-o sitteiru to] itta. [Japanese]
 Taro-TOP self-GEN child-NOM English-ACC know that said
 ‘Taro_i said that self’_{s_i} child knew English.’
 Hanako_j-wa [e_{i/j} furansugo-o sitteiru to] itta.
 Hanako-TOP French-ACC know that said
 ‘Hanako said that e (Taro’s_i/Hanako’s_j child) knew French.’ (Sener, Takahashi, 2010, ex. (14))
- b. PETER_i FEEL DEAN ASK_{cont} MARY_j (FEEL) INFORM_{cont} [ASL]
 ‘Peter feels like his dean is always asking questions, but Mary feels like e (Peter’s_i/*Mary’s_j dean) is always telling things.’
- c. PETER_i FEEL DEAN SMART MARY_j (FEEL) STUPID [ASL]
 ‘Peter_i thinks that his_i dean is smart, but Mary_j thinks e (Peter’s_i/*Mary’s_j dean) is stupid’ (Koulidobrova, 2010b, ex. (8))
- d. Peter_i thinks that his_i dean is smart, but Mary_j thinks he (Peter’s_i/*Mary’s_j dean) is stupid. [English] (Koulidobrova, 2010b, ex. (9))

Невозможность нестрогой интерпретации e в (29b—d) в противоположность возможности нестрогой интерпретации e в (29a) позволяет Кулидбровой

---

⁵⁴ Нас несколько смутит этот пример, в особенности, предложения (29b) и (29c), поскольку, во-первых, их транскрипция с ASL не содержит никаких указаний на употребление посессива при слове DEAN, однако, в англоязычном переводе посессив his присутствует. Во-вторых, Кулидброва пишет, что намеренно включила в пример предложения из ASL как с согласующимися, так и с простыми глаголами (очевидно, под простыми глаголами она понимает имплицитный аналог глагола to be, поскольку SMART и STUPID явно не относятся к глаголам). Однако, транскрипция (29b) и (29c) не содержит индексальных указаний на локусы ни для DEAN, ни для ASK, ни для INFORM. Тем не менее, мы воспользуемся идеей Кулидбровой для похожего теста на материале РЖЯ и русского языка в 3.1.

заключить, что e_{ASL} отличается от e_{Jap} и схоже с эксплицитным местоимением английского языка.

Третий тезис Кулидобровой также частично подтверждается результатами исследования Шленкера (Schlenker, 2011b). Шленкер сохраняет нейтралитет в вопросах типологии нулевых аргументов в ЖЯ и рассматривает только нули при простых глаголах, в качестве категориального критерия указывая отсутствие эксплицитного индексирования локусов. Он исследует возможные анафорические модели для дизъюнктивных антецедентов в ASL и LSF, с какой целью представляет парадигму эквивалентов ЖЯ для следующего англоязычного примера:

- (30) [An African-American male]_x or [an Asian-American male]_y will win the next presidential election. He_{x+y} will win by a landslide. (Schlenker, 2011b, ex. (76))

Полученная парадигма для ASL⁵⁵ выглядит так⁵⁶:

- (31)
- $_m$ ASIAN-AMERICAN OR $_m$ AFRICAN-AMERICAN WILL WIN NEXT PRESIDENT ELECTION. IX- m WIN LARGE⁵⁷
  - * $_a$ ASIAN-AMERICAN OR $_b$ AFRICAN-AMERICAN WILL WIN NEXT PRESIDENT ELECTION. IX- m WIN LARGE
  - $_a$ ASIAN-AMERICAN OR $_b$ AFRICAN-AMERICAN WILL WIN NEXT PRESIDENT ELECTION. WIN LARGE

‘An Asian-American or an African-American will win the next presidential election. He will win by a large margin.’ (Schlenker, 2011b, ex. (79))

В (31) очевидным образом не хватает ещё одного варианта — с общим локусом и нулевым местоимением. Шленкер приводит недостающий вариант для другого предложения:

- (32) IX-1 HAVE ONE TICKET. IF 1-GIVE- m EITHER $_m$ JOHN OR $_m$ BILL, HAPPY.

⁵⁵ Данные для LSF аналогичны данным для ASL, с тем исключением, что суждение об аграмматичности варианта с разными локусами и эксплицитным местоимением неоднозначно (Schlenker, 2011b, ex. (80), (82)).

⁵⁶ Шленкер включает также примеры тройной дизъюнкции со сходными результатами (Schlenker, 2011b, ex. (79)), но мы ограничимся двойной.

⁵⁷ Индекс “ m ” в нотации Шленкера обозначает нейтральную (среднюю) позицию в пространстве.

'I have one ticket. If I give it to John or Bill, he will be happy.' (Schlenker, 2011b, footnote 40)

Полученные данные Шленкер обобщает в виде таблицы:

	Antecedents in different loci	Antecedents in the same (default) locus
Null Pronoun	A. possible	B. possible
Visible Pronoun	C. impossible	D. possible

Таким образом, Шленкер приходит к следующим выводам относительно пресуппозиций эксплицитных и нулевых местоимений в ЖЯ:

- каждое местоимение должно что-то обозначать, т.е. сумма его референтов должна обозначать непустое множество;
- предыдущее условие также приложимо к каждому случаю эксплицитного индексирования локуса в ЖЯ (т.е. по сути, к каждому эксплицитному местоимению), т.е. в случае эксплицитной активации локуса, референты, которые закреплены за этим локусом, должны — в данный момент дискурса — представлять собой непустое множество.

В англоязычном примере (30) единственным требованием к местоимению *he* является необходимость *x+y* обозначать непустое множество (это условие выполняется, если первое предложение истинно). Таким образом, эксплицитные местоимения английского языка и нулевые местоимения ЖЯ имеют одинаковые пресуппозиции, что отличает и те, и другие от эксплицитных местоимений ЖЯ.

Шленкер также проводит анализ возможного использования локусов в устных языках на примере анафорических выражений *the former — the latter* и *le premier — ce dernier* в английском и французском языках соответственно. Согласно Шленкеру, подобно тому, как это происходит в ЖЯ, приведённые

выражения отсылают к антецедентам сообразно расположению оных в пространстве — но не в жестовом пространстве, а во «временном пространстве» (*temporal space*). При этом, эти выражения несут те же пресуппозиции, что и эксплицитные местоимения в ЖЯ — «локус», к которому они отсылают должен обозначать непустое множество⁵⁸:

(33)

- Some Frenchmen and some Italians were eliminated from the competition. Some Englishmen and some Americans will reach the semi-final.
- a. [Ambiguous reference] The latter are delighted, while the former are heavily disappointed.
  - b. [Non-ambiguous reference] The latter two are delighted, while the former two are heavily disappointed. (Schlenker, 2011b, ex. (87))
Some Frenchmen and some Italians were eliminated from the competition. Some Englishmen or some Americans will win the final.
  - c. [Ambiguous reference] The latter will be delighted, while the former (two) are heavily disappointed.
  - d. [Unambiguous reference] #The latter two will be delighted, while the former two are heavily disappointed. (Schlenker, 2011b, ex. (88))

Очевидно, что в (33d) the latter two не может означать «кто бы ни выиграл, англичане или американцы», поскольку эксплицитно отсылает к двум референтам (по аналогии с одновременным индексированием двух локусов в ЖЯ с помощью двойственного местоимения), из-за чего предложение становится некорректным; однако в (33c) the latter отсылает к сумме референтов, означая «кто бы ни выиграл» (такое же значение можно получить в случае употребления местоимения *they*).

---

⁵⁸ Здесь мы приводим только примеры из английского — примеры из французского (Schlenker, 2011b, footnotes 48, 49) аналогичны (33).

2.3.2. Анафорическая референция к именным, временным и модальным референтам

2.3.2.1. Референция к именным референтам в ЖЯ

В 2.2.1. мы уже описывали основной механизм анафорической отсылки в ЖЯ: говорящий закрепляет за референтами локусы в пространстве, к которым впоследствии производит отсылку. Как мы уже упоминали, особенностью данного механизма является безошибочная идентификация референта, что в общем случае отличает анафору в ЖЯ от анафоры в устных языках, которая «всего лишь» сужает круг потенциальных референтов. Рассмотрим подтверждающие данный тезис примеры из разных языков:

(34)

- a. John_i thinks that he_{i/j} is smart. [англ.]
- b. Иван_i считает, что он_{i/j} умён. [русс.]
- c. Jean_i pense qu'il_{i/j} est intelligent. [фр.]
- d. a-GOVERNOR FEEL a-IX(Gov) INTELLIGENT. [ASL]

‘The governor_i thinks he_j is intelligent.’ (Sandler, Lillo-Martin, 2006, ex. (21.7))
e. a-GOVERNOR FEEL b-IX(he) INTELLIGENT. [ASL]

‘The governor_i thinks he_j is intelligent.’ (Sandler, Lillo-Martin, 2006, ex. (21.7))

(35)

- a. Sarkozy_i told Obama_j that he_{i/j/k} would win the election. [англ.] (Schlenker, 2010b)
- b. Путин_i сказал Медведеву_j, что он_{i/j/k} выиграет выборы. [русс.]
- c. Sarkozy_i à dit à Obama_j qu'il_{i/j/k} gagnerait les élections. [фр.]
- d. aSARKOZY bOBAMA a b a-TELL-b IX-a WIN [LSF]

‘Sarkozy told Obama that he [= Sarkozy] would win.’ (Schlenker, 2010b)
e. aSARKOZY bOBAMA a b a-TELL-b IX-b WIN [LSF]

‘Sarkozy told Obama that he [= Obama] would win.’ (Schlenker, 2010b)

При этом, устанавливать локусы и производить к ним анафорическую отсылку можно как для имён собственных (35d, e), так и для определённых и неопределённых дескрипций:

(36)⁵⁹

- a. IX-1 KNOW PAST PRESIDENT IX-a IX-1 KNOW PRESENT PRESIDENT IX-b. IX-b SMART BUT IX-a NOT SMART.

‘I know the former President and I know the current President. He [= the current President] is smart but he [= the former President] is not smart.’

- b. IX-1 KNOW PAST SENATOR CL IX-a IX-1 KNOW PRESENT SENATOR CL IX-b. IX-b SMART BUT IX-a NOT SMART.

‘I know a former senator and I know a current senator. He [= the current senator] is smart but he [= the former senator] is not smart.’ (Schlenker, 2011a, ex. (2))

Кроме того, как мы уже поверхностно упоминали в 2.2.1., местоимения ЖЯ кодируют число. Эта процедура может исполняться с помощью стандартного местоимения множественного числа, которое представляет собой дугообразное движение, индексирующее необходимые локусы, или с помощью местоимений с инкорпорированным значением числа (двойственное, тройственное, и т.п.):

(37)

- a. a-GOVERNOR TELL-b b-SENATOR c:e-IX(they) SHOULD c:e-LEAVE. [ASL]

‘The Governor_i told the Senator_j that they_k should leave.’

- b. a-GOVERNOR TELL-b b-SENATOR b:d-IX(they) SHOULD b:d-LEAVE. [ASL]

‘The Governor_i told the Senator_j that they_{j,k} should leave.’

- c. a-GOVERNOR TELL-b b-SENATOR a:b-IX(they) SHOULD a:b-LEAVE. [ASL]

‘The Governor_i told the Senator_j that they_{i,j} should leave.’ (Sandler, Lillo-Martin, 2006, ex. (21.8))

- d. IX-1 HAVE TWO TICKET. IF 1-GIVE _aJOHN _bBILL, THE-TWO-a,b HAPPY. [ASL]

‘I have two tickets. If I give them to John_i and Bill_j, they_{i+j} will be happy.’ (Schlenker, 2010b)

---

⁵⁹ Мы позволили себе опустить немануальные маркеры из транскрипций оригинала. В своей нотации Шленкер использует только один немануальный маркер re, который означает, что информант поднял брови в момент исполнения местоимения — практически все IX, используемые анафорически, сопровождаются этим немануальным маркером.

- e. US PLACE WEATHER DIVERSE. SOME _aWHERE _aSUNNY-a SOME _bWHERE _bRAIN. SOME _cWHERE _cCLOUD. SOME _dWHERE _dSNOW. IX-d COLD. ALL-THREE-a,b,c WARM. [ASL]

‘The US climate is very diverse. Somewhere it’s sunny, somewhere it’s raining, somewhere it’s cloudy, and somewhere it’s snowing. There [= where it’s snowing] it’s cold. There [= where it’s sunny and where it’s raining and where it’s cloudy] it’s warm.’ (Schlenker, 2011a, ex. (11b))

Наконец, в рамках именной анафоры существует такое явление как локативный сдвиг (locative shift), или локативное согласование (locative agreement). Этот феномен включает в себя использование локусов, установленных для локаций (например, географических единиц), для отсылки к референту, ассоциирующемуся с этими локациями. Сдвигом это явление можно назвать, поскольку в его рамках происходит как бы сдвиг локуса для референта. Приведём пример:

- (38) JOHN _a[WORK IX-a _aFRENCH CITY] SAME _b[WORK IX-b AMERICAN CITY]. IX-a IX-1 HELP **IX-a**, IX-c IX-1 NOT HELP **IX-c**.

‘John does business in a French city and he does business in an American city. There [= in the French city] I help him. There [= in the American city] I don’t help him.’ (Schlenker, 2011a, ex. (24))

В (38) выделенные жирным случаи индексации локусов отсылают не к географическим локациям (FRENCH CITY и AMERICAN CITY), а к Джону.

2.3.2.2. Отсылка к временным и модальным референтам в устных языках

Начиная с работы Барбары Парти (University of Massachusetts Amherst, США), посвящённой аналогиям между грамматическими временами и местоимениями (Partee, 1973), многие исследователи выступают в поддержку идеи, согласно которой в естественных языках существуют эксплицитные механизмы референции к временным и модальным референтам (т.е.,

выражаясь в терминах формальной логики, к временам и возможным мирам), подобные местоимениям, отсылающим к именным референтам. В частности, сама Парти показала, что морфемы прошедшего и настоящего времён (морфемы Past и Present) в английском языке обладают возможностью совершать как дейктическую, так и анафорическую референцию, по какой причине их можно анализировать в рамках формальной семантики не только как простые операторы, но и как переменные. Так, например, она приводит в пример следующее высказывание и его анализ:

(39) I didn't turn off the stove. (Partee, 1973, ex. (3))

Очевидно, что интерпретация этого высказывания, произнесённого, например, человеком, едущим по автостраде, не может быть следующей:

- *Существует какой-то момент времени в прошлом, в котором я не выключил плиту;*
- *Не существует такого момента времени в прошлом, в котором я выключил плиту.*

Данное высказывание определённо отсылает к какому-то конкретному моменту времени (а точнее интервалу), отнесённость которого понятна из экстралингвистического контекста. Парти интерпретирует это высказывание как пример дейктического использования грамматического времени, подобное дейктическому использованию местоимений (третьего лица, разумеется, поскольку местоимения первого и второго лица, как правило, дейктичны сами по себе).

Парти также приводит примеры анафорического использования грамматических времён в качестве местоимений, но предварительно она указывает на аналоги непосредственной референции (как правило, с помощью имён собственных) и определённых дескрипций в сфере временной референции — таковыми являются обстоятельства времени. При этом, она

отмечает, что в случае наличия обстоятельств времени использование грамматических времён оказывается избыточным (подобно тому, как местоимения плеонастично используются в некоторых диалектах и речи детей⁶⁰). Любопытно, что Парти отмечает существование языков, в которых маркер субъекта или объекта в обязательном порядке присоединяется в качестве аффикса к глаголу вне зависимости от наличия или отсутствия эксплицитного выраженного субъекта или объекта (тем самым усиливая параллели между использованием местоимений и грамматических времён); однако, она не находит примеров для языков, в которых маркеры грамматического времени опускались бы в случае наличия эксплицитных обстоятельств времени. Вероятно, ЖЯ могут послужить примерами таких языков, поскольку использование маркеров грамматического времени во многих ЖЯ опционально не только в случае наличия эксплицитных обстоятельств времени в предложении, но и на протяжении целого отрезка дискурса, временная отнесённость которого понятна из контекста⁶¹.

Итак, согласно Парти, грамматические времена способны отсылать к времененным антецедентам подобно местоимениям, отсылающим к именным антецедентам. Так, например, время, указанное в одной клаузе, и грамматическое время в следующей клаuze могут иметь общую временную отнесённость (быть кореферентными):

- (41) Sheila had a party last Friday and Sam got drunk. (Partee, 1973, ex. (10))

Антецедент может представлять собой придаточное времени, представляющее собой аналог определённой дескрипции:

- (42) When Susan walked in, Peter left. (Partee, 1973, ex. (11))

---

⁶⁰ (40) The woman in the house next door, she almost ran over me. (Partee, 1973, ex. (8))

⁶¹ Впрочем, как раз последний факт говорит скорее в пользу смежного, но всё-таки отличного анализа: феномен опущения грамматических маркеров в ЖЯ можно рассматривать как своеобразный тип референциального сдвига — сдвиг временной перспективы в настоящее (немаркированное) время.

Кроме того, грамматические времена могут получать значение связанных переменных:

- (43) If Susan comes in, John will leave immediately. (Partee, 1973, ex. (14))

Не вдаваясь в технические детали, отметим, что в (43) будущее время во второй клаузе интерпретируется как непосредственное будущее относительно настоящего времени в первой клаузе, причём последнее также не обладает конкретной временной отнесённостью. В таком случае данное высказывание получает следующую интерпретацию: *Если существует момент времени, в котором Сьюзан войдёт в комнату, тогда Джон уйдёт в непосредственном будущем относительно того момента, когда Сьюзан войдёт.*

При этом, переменные грамматических времён могут быть связаны кванторами, подобным never в следующем примере:

- (44) John never drives when he has been drinking. (Partee, 1973, ex. (21e))

В своей более поздней работе (Partee, 1984) Парти представила дополнительные анафорические модели для грамматических времён, в частности, случаи референции к временным антецедентам, представленным неопределёнными дескрипциями:

- (45) Mary woke up some time during the night. She turned on the light. (Partee, 1984, ex. (3b))

Очевидно, что грамматическое время второго предложения в (45) отсылает не к *какому-то моменту в течение ночи*, а к *тому моменту времени в течение ночи, в который Мэри проснулась* — т.е. грамматическое время в данном случае получает т.н. E-type прочтение, характерное для местоимений, отсылающих к именным антецедентам. Для сравнения:

- (46) Some of the students came to my party. They had a good time.

В (46) they нельзя интерпретировать как some of the students (иначе всё высказывание получает прочтение *Несколько студентов пришли ко мне на вечеринку, и несколько студентов хорошо провели время*), а следует интерпретировать как the students that came to the party.

Мэтью Стоун (Rutgers University, США) распространяет идею Парти на сферу модальной референции (Stone, 1997). Он выступает за единообразный подход ко всем онтологическим категориям дискурса: индивидам, временам, событиям или сценариям. Согласно Стоуну, модальные выражения получают такую же интерпретацию в анафорическом процессе, как и грамматические времена; свой тезис он иллюстрирует примерами для случаев, аналогичных описанным Парти, но в сфере модальной референции. Так, в качестве примера дейктической референции к очевидному из контекста возможному сценарию он приводит высказывание человека, рассматривающего мощную стереоустановку в магазине электроники:

(47) My neighbours would kill me. (Stone, 1997, ex. (19))

Естественно, (47) не имеет интерпретации: *Потенциально возможна ситуация, в которой мои соседи меня убьют*. Соседи говорящего прибегнут к насильственным мерам только в случае, если тот приобретёт установку и включит её на внушительной громкости. Таким образом, модальная отнесённость высказывания (47) понятна из экстралингвистического контекста.

Также Стоун приводит примеры референции к антецедентам, представленным определёнными дескрипциями (в их роли очевидным образом выступают придаточные условия) и неопределенными дескрипциями (в их роли выступают гипотетические сценарии, введённые с помощью модальных выражений), а также аналоги связанный анафоры и Е-type анафоры в сфере модальной референции.

Итак, на основании работ Парти и Стоуна можно заключить, что грамматические времена и наклонения могут, подобно местоимениям, осуществлять референцию всех основных типов к временными и модальными референтам, соответственно.

Вторым свидетельством существования анафорических механизмов отсылки к временам и возможным мирам являются особенности поведения слова *then* (*то/тогда*) и его кросслингвистических эквивалентов. Главным образом, следует отметить, что если представить придаточное условия как определённую дескрипцию возможного мира, то слово *then* можно анализировать как местоимение, кореферентное этой дескрипции. (Schlenker, 2004; Bhatt, Pancheva, 2005)

2.3.2.3. Анафорическая отсылка к времененным и модальным референтам в ЖЯ

В одном из своих текущих исследований (Schlenker, 2011a) Шленкер представляет данные из ASL и LSF в поддержку вышеизложенного представления о наличии в естественных языках переменных для обозначения времён и возможных миров. Он выдвигает четыре эмпирически подтверждаемых аргумента в пользу того, что местоимения ЖЯ, используемые для отсылки к именным антецедентам, могут также использоваться для отсылки к времененным и модальным антецедентам:

- как и для именных, для временных и модальных референтов возможна установка локусов и их последующая активация;
- в случае т.н. «расщеплённых» антецедентов (*split antecedents*) местоимения множественного числа или с инкорпорированным

значением числа могут быть использованы для отсылки как к именным, так и к временным и модальным референтам;

- в рамках временной и модальной анафоры в ЖЯ можно получать интерпретации, характерные для E-type анафоры;
- в рамках временной и модальной анафоры в ЖЯ встречается явление, аналогичное локативному сдвигу, характерному для именной анафоры.

Обратимся к примерам, которые приводит Шленкер в поддержку каждого из аргументов⁶²:

(48)

- a. TOMORROW WILL _aRAIN DAY-AFTER-TOMORROW WILL _bSNOW. IX-b IX-1 HAPPY. IX-a IX-1 NOT HAPPY.

‘Tomorrow it will rain and the day after tomorrow it will snow. Then [= the day after tomorrow] I will be happy but then [= tomorrow] I won’t be happy.’

- b. YESTERDAY _aRAIN DAY-BEFORE-YESTERDAY _bSNOW. IX-b IX-1 HAPPY. IX-a IX-1 NOT HAPPY.

‘Yesterday it rained and the day before yesterday it snowed. Then [= the day before yesterday] I was happy but then [= yesterday] I wasn’t happy.’

- c. _a[WHILE RAIN] FEEL WARM. _b[WHILE SNOW] FEEL COLD. IX-b IX-1 HAPPY. IX-a IX-1 NOT HAPPY.

‘When it rains it is warm, but when it snows it is cold. Then [= when it snows] I am happy but then [= when it rains] I am not happy.’

- d. Context: I went skiing during the holidays.

_a[SOMETIMES RAIN] _b[SOMETIMES SNOW]. IX-b IX-1 HAPPY. IX-a IX-1 NOT HAPPY.

‘Sometimes it rained and sometimes it snowed. Then [= when it snowed] I was happy but then [= when it rained] I wasn’t happy.’ (Schlenker, 2011a, ex. (3))

(49)

- a. TOMORROW _a[CAN RAIN] _b[CAN SNOW]. IX-b IX-1 HAPPY. IX-a IX-1 NOT HAPPY.

‘Tomorrow it might rain and it might snow. Then [= if it snows] I’ll be happy. Then [= if it rains] I won’t be happy.’

⁶² В этом подразделе мы цитируем только примеры для ASL. Данные для LSF в целом повторяют данные для ASL, однако, в случаях с выражениями непосредственной референции (подобных (48a, b)) информант предпочитала повторять сами выражения, а не использовать IX для анафорической отсылки.

- b. _a[IF RAIN TOMORROW] WILL WARM. _b[IF SNOW TOMORROW] WILL COLD. IX-b
IX-1 HAPPY. IX-a IX-1 NOT HAPPY.

‘If it rains tomorrow it will be warm, but if it snows tomorrow it will be cold. Then [= if it snows] I’ll be happy. Then [= if it rains] I won’t be happy.’ (Schlenker, 2011a, ex. (7))

Таким образом, в ЖЯ выражения непосредственной референции (действительные указатели временной отнесённости в (48 а, б)), определённые дескрипции (придаточные времени в (48с)) и временные кванторы существования (SOMETIMES в (48д)) в сфере временной референции, а также определённые дескрипции (придаточные условия в (49б)) и модальные кванторы существования (CAN в (48а)) в сфере модальной референции допускают те же анафорические модели, что и именные референты. Однако Шленкер признаёт наличие возможности альтернативных интерпретаций приведённых примеров, которые могут быть основаны на двух следующих посылках:

- в тематической литературе отмечалось наличие в ЖЯ механизма «сопоставления двух ситуаций» (comparing two situations) как средства обеспечения связности дискурса (Winston, 1991); при этом, под двумя ситуациями⁶³ могут пониматься как конкретные, так и абстрактные единицы; однако, с формальной точки зрения категория «сопоставления двух ситуаций» оказывается довольно размытой — судя по всему, в неё включается и обычное использование локусов для именных референтов, и (по мнению Шленкера) случаи пропозициональной анафоры, но в любом случае необходимо учитывать возможность подобной интерпретации высказываний в (48), (49);
- глаголы в (48), (49) не имеют аргументов и неоднозначны, поскольку допускают именное употребление, поэтому необходимо исключить

---

⁶³ В соответствующей литературе указывается, что в принципе ситуаций может быть больше, чем две, но релевантных примеров не приводится.

вариант, при котором местоимение IX отсылает к именным референтам SNOW и RAIN.

Приведём некоторые из примеров Шленкера, призванные исключить вышеизложенные альтернативные трактовки:

(50)

- Context: Every year there are flu outbreaks.
- a. IX-1 SOMETIMES INFECTED_a. IX-1 SOMETIMES [CONTINUE HEALTHY]_b. IX-a IX-1 PROBLEM.
‘Sometimes I get infected. Sometimes I stay healthy. Then [= when I get infected] I have a problem.’ (Schlenker, 2011a, ex. (4b))
  - b. FLU OUTBREAK. IX-1 POSSIBLE INFECTED_a. IX-1 POSSIBLE HEALTHY_b. IX-a IX-1 PROBLEM.
‘There was a flu outbreak. I might get infected. I might stay health. Then [= if I get infected] I’ll have a problem.’ (Schlenker, 2011a, ex. (8b))

Также Шленкер приводит примеры в подтверждение тезиса об использовании местоимений множественного числа и с инкорпорированным значением числа для референции к «расщеплённым» временным и модальным антецедентам:

(51)

- Context: Every year, the speaker plays in the lottery.
- a. SOMETIMES IX-1 VERY LUCKY_a. SOMETIMES LITTLE-BIT LUCKY_b. NO-MATTER THE-TWO-a,b / IX-arc-a,b IX-1 HAPPY.
‘Sometimes I am very lucky. Sometimes I am a little lucky. In both cases, I am happy.’
  - b. SOMETIMES IX-1 VERY LUCKY_a. SOMETIMES MEDIUM LUCKY_b. SOMETIMES LITTLE-BIT LUCKY_c. NO-MATTER THE-THREE-a,b,c / IX-arc-a,b,c IX-1 HAPPY.
‘Sometimes I am very lucky. Sometimes I am somewhat lucky. Sometimes I am a little lucky. In all three cases I am happy.’ (Schlenker, 2011a, ex. (12))

(52)

- Context: The speaker is playing in a lottery, and he believes he has won.
- a. NOW IX-1 POSSIBLE VERY RICH_a. POSSIBLE LITTLE-BIT RICH_b. NO-MATTER THE-TWO-a,b / IX-arc-a,b IX-1 LUCKY.

‘Now I might be rich, and I might a little rich. In both cases I am lucky.’

- b. NOW IX-1 POSSIBLE VERY RICH_a. IX-1 POSSIBLE MEDIUM RICH_b. POSSIBLE LITTLE-BIT RICH_c. NO-MATTER THE-THREE-a,b,c / IX-arc-a,b,c IX-1 LUCKY.

‘Now I might be very rich, I might be somewhat rich, and I might be a little rich. In all three cases, I am lucky.’ (Schlenker, 2011a, ex. (13))

При этом, Шленкер отмечает, что в случае двух антецедентов предпочтение отдаётся двойственному местоимению THE-TWO.

Теперь приведём примеры Шленкера для E-type интерпретации случаев временной и модальной анафоры. В этих примерах ключевое значение имеют умозаключения информантов на основе предложенных им высказываний⁶⁴:

(53)

Context: Every year there are flu outbreaks.

- a. IX-1 SOMETIMES INFECTED_a. IX-a IX-1 PROBLEM.

‘Sometimes I get infected. Then I have a problem.’

⇒ the speaker has a problem if he is infected.

‘When does the speaker have a problem? When infected.’

- b. IX-1 SOMETIMES INFECTED_a. IX-1 PROBLEM.

‘Sometimes I get infected. I have a problem.’

⇒ the speaker has a problem.

‘When does the speaker have a problem? [He] currently has problem because [he] is often infected.’ (Schlenker, 2011a, ex. (17))

(54)

- a. FLU OUTBREAK. IX-1 POSSIBLE INFECTED_a. IX-a IX-1 PROBLEM.

‘There was a flu outbreak. I might be infected. Then I have a problem.’

⇒ The speaker has a problem if he is infected.

‘In what case does the speaker have a problem? If infected.’

- b. FLU OUTBREAK. IX-1 POSSIBLE INFECTED_a. IX-1 PROBLEM.

‘There was a flu outbreak. I might be infected. I have a problem.’

⇒ The speaker has a problem.

⁶⁴ Шленкер также приводит более детальные примеры с несколькими возможными антецедентами (Schlenker, 2011a, ex. (18), (21)), а также с пересечениями времён или возможных миров (Schlenker, 2011a, ex. (19), (22)), однако в иллюстративных целях мы удовлетворимся наиболее простыми случаями.

‘In what case does the speaker have a problem? [He] currently has [a] problem because [he is] possibly infected.’ (Schlenker, 2011a, ex. (20))

Таким образом, (53a), (54a) получают E-type прочтение, а (53b), (54b) — не получают, из чего Шленкер заключает, что IX играет роль, схожую с then в англоязычных переводах данных примеров.

Наконец, Шленкер приводит примеры аналога локативного сдвига для случаев временной и модальной анафоры:

(55)

Context: John is retired.

- a. JOHN IX-b _a[PAST COLLEGE STUDENT CL] _b[PAST COLLEGE PROFESSOR CL]. IX-a IX-1 HELP **IX-a**, IX-c IX-1 NOT HELP **IX-c**.

‘At some point John was a college student and at some point he was a university professor.

Then [= when he was a student] I helped him. Then [= when he was a professor] I didn’t help him.’

- b. JOHN IX-b _a[POSSIBLE COLLEGE STUDENT CL] _c[POSSIBLE COLLEGE PROFESSOR CL]. IX-a IX-1 HELP **IX-a**, IX-c IX-1 NOT HELP **IX-c**.

‘It’s possible that John is a college student and it’s possible that he is a university professor.

Then [= if he is a student] I will help him. Then [= if he is a professor] I won’t help him.’

Подобно тому, как в (38) выделенные жирным случаи индексации локусов отсылают не к географическим локациям (FRENCH CITY и AMERICAN CITY), а к Джону, в (55a, b) аналогичные случаи индексации отсылают уже не к моментам времени/возможным ситуациям, когда Джон являлся/является студентом или профессором колледжа, а к самому Джону, локус которого смещается в зависимости от момента времени/возможной ситуации. Это смещение Шленкер называет временным (temporal shift) и модальным сдвигом (modal shift) соответственно. Кроме того, Шленкер отмечает, что глагол HELP имеет согласующийся аналог, что делает возможным тестирование приемлемости случаев, когда индексация смещённого локуса происходит не с помощью эксплицитного указательного жеста, а с помощью

направления согласующегося глагола. При этом, согласование может быть опционально усилено эксплицитным указательным жестом. Результаты тестов показали, что информанты предпочитают использовать временной и модальный сдвиг, причём наиболее предпочтительной является модель, в которой согласование продублировано эксплицитным местоимением. Наличие временного и модального сдвига в ЖЯ позволяют Шленкеру заключить, что референция к временным и модальным референтам наиболее близка по своей специфике к референции к локациям.

Таким образом, исследование Шленкера показывает, что в ЖЯ возможно использование одних и тех же местоимений для референции как к именным, так и к временным и модальным антецедентам. Эти данные подтверждают тезисы Парти и Стоуна о том, что в естественных языках существуют анафорические модели для временной и модальной референции. Следует также заметить, что сам Шленкер воздерживается от окончательного категориального анализа полученного эмпирического материала, но признаёт совместимость имеющихся данных как с традиционной онтологией, в рамках которой выделяются три отдельные категории времён, возможных миров и локаций, так и с единообразным анализом перечисленных категорий в рамках единой категории «ситуаций» (или событий/состояний), противопоставленной категории индивидов.

2.3.3. Структура референциального сдвига и его аналоги в устных языках

В 2.2.4. мы дали определение РС и кратко описали его основные механизмы. В этом разделе мы осветим основные подходы к разрешению ключевых проблем РС:

- Как РС представлен на уровне синтаксиса?
- Какова семантика РС?

- Каковы функциональные и/или формальные эквиваленты РС в устных языках?

2.3.3.1. Передача чужой речи, мыслей и действий в коммуникативной деятельности человека

Ранние лингвистические исследования ЖЯ рассматривали РС как явление, уникальное для языков в визуальной модальности. Во многом такая точка зрения объяснялась консервативными взглядами на прямую речь в устных языках. Традиционно прямая речь противопоставлялась косвенной не только на структурном уровне⁶⁵, но и в плане требований к формулировке передаваемого материала. Считалось, что прямая речь обязана передавать высказывание цитируемого лица дословно (*verbatim*), однако, современные исследователи исповедуют иной подход к анализу прямой речи. Роль говорящего, т.е. передающего чужие слова, очень высока: ведь именно он отбирает материал для передачи, а также средства, с помощью которых эта передача будет осуществлена. При этом, говорящий волен использовать не только лингвистические, но и паралингвистические инструменты: модуляцию голоса, жесты, пантомиму, и т.п. (Lillo-Martin, 2009)

Дебора Таннен (Georgetown University, США) предлагает рассматривать прямую речь как «сконструированный диалог» (*constructed dialogue*), т.е. в первую очередь, как результат деятельности говорящего, а не цитируемого. В качестве показательного примера сконструированного диалога Таннен приводит передачу (а точнее конструирование) чужих мыслей. (Tannen, 1989)

---

⁶⁵ Их основное синтаксическое отличие заключается в том, что косвенная речь включается в состав предложения в виде вложенной клаузы, а прямая речь предположительно представляет собой отдельную клаузу. Семантически косвенная и прямая речь отличаются тем, что в первой дейктические элементы передаваемого высказывания соответствуют контексту основного высказывания, а во второй дейктические элементы интерпретируются относительно контекста передаваемого высказывания.

Таким образом, участники коммуникативного акта могут передавать реальные, видоизменённые или приписываемые речь, мысли и даже действия другого лица с помощью целого арсенала языковых и неязыковых средств. РС в ЖЯ, таким образом, не является абсолютно уникальным феноменом, свойственным только визуальной модальности (хотя бы потому что речевые акты на устных языках тоже могут осуществляться в т.ч. и в визуальной модальности и эксплуатировать её возможности), однако, стоит отметить особый статус РС как в лингвистике ЖЯ (поскольку многое — хоть, безусловно, и не всё — из того, что в коммуникации на устных языках является опциональным и спонтанным, является неотъемлемой частью языковой компетенции носителей ЖЯ), так и в лингвокультуре глухих, особенно, в традиции жестовых нарративов (свообразного сказительства).

2.3.3.2. Референциальный сдвиг как сконструированное действие в рамках когнитивного подхода

По аналогии с понятием сконструированного диалога, предложенным Таннен, исследователи Скотт Лидделл и Мелани Метцгер (Gallaudet University, США) стали рассматривать РС в ЖЯ как сконструированное действие (Liddell, Metzger, 1998). При этом сконструированный диалог (т.е., по сути, цитационное использование РС) может вкрапляться в континуум сконструированного действия (также как и ремарки или действия рассказчика, его интеракция с адресатом, и т.п.). Лидделл и Метцгер исследовали как языковые, так и неязыковые средства передачи информации, используемые в речи, и пришли к выводу, что сконструированное действие (для обеих модальностей) представляет собой комбинацию грамматически и жестикуляционно кодированной информации (мы уже частично затрагивали этот вопрос в 1.8.). С когнитивной точки зрения Лидделл и Метцгер рассматривают сконструированное действие (в обеих модальностях) как

продукт смешения ментальных пространств⁶⁶ — реального (т.е. ментальной репрезентации непосредственной обстановки) и многочисленных пространств, отражающих различные аспекты излагаемого события.

Отталкиваясь от предложенного Лидделлом и Метцгер представления о сконструированном действии, Пол Дудис (Gallaudet University, США) описывает механизм использования говорящим собственного тела для референции к действиям другого человека (*body partitioning*): он показывает, как разные части тела говорящего могут одновременно представлять референта с разных перспектив (Dudis, 2004). В качестве примера Дудис приводит два способа изображения мотоциклиста, который поднимается на холм. В первом случае положение корпуса и головы, движения рук, выражение лица, направление взгляда говорящего изображают мотоциклиста, его действия и реакции — таким образом, говорящий создаёт бленд в реальном пространстве (*real space blend*). В свою очередь информация о мотоцикле и холме остаётся «за кадром» и может быть получена из информации о мотоциклисте (например, направление взгляда может помочь оценить крутизну холма) и/или из предшествующего дискурса. Во втором случае говорящий сохраняет предыдущий бленд (т.е. положение корпуса и головы, выражение лица и направление взгляда продолжают изображать мотоциклиста), но при этом руками производит классификаторную конструкцию, в рамках которой транспортное средство, представленное одной рукой в виде классификатора, поднимается вверх по поверхности холма, представленной другой рукой, тем самым создавая ещё один бленд, который эксплицитно предоставляет информацию о холме и мотоцикле. Естественно, что руки говорящего в этот момент не изображают руки мотоциклиста, но на концептуальном уровне сохраняется понимание, что руки мотоциклиста держат руль. Следовательно, второй способ (с множественными блендами) оказывается более информативным.

---

⁶⁶ В рамках теории концептуального смешения Жиля Фоконье и Марка Тёрнера (Fauconnier, Turner, 1996).

Таким образом, Дудис выделяет две разномасштабных перспективы, в которых могут описываться действия: перспектива участника (элементы события изображаются в натуральную величину, в масштабе 1:1) и глобальная перспектива. Дудис сравнивает эти две перспективы, соответственно, с крупным (close-up shot) и дальним/широкоугольным (wide-angle shot) планами в кино. Примечательно, что смена планов далеко не всегда сопровождается сменой положения тела, которая обычно характерна для РС — таким образом, для верной идентификации референтов требуется большая вовлечённость в дискурс со стороны адресата (Janzen, 2004).

2.3.3.3. Цитационный и нецитационный РС

В свою очередь, формальная лингвистика занимается исследованием формальных структур РС, в частности, синтаксическим устройством разных типов РС и референциальным поведением дейктических элементов в области действия РС. При этом, одной из важных проблем в рамках формального анализа РС является изучение структурных различий между цитационным и нецитационным использованием РС. Для наглядности приведём примеры для обоих типов из ASL:

(56)

- a. HUSBAND   rs: husband
                      <REALLY I NOT MEAN>

‘The husband goes, “Really, I didn’t mean it.”’ (Padden, 1986, ex. (8))

- b. HUSBAND   rs: husband
                      <WORK>

‘The husband was like — “here I am, working”’ (Padden, 1986, ex. (9))

(56a) передаёт слова или мысли референта, а (56b) — действия, но с точки зрения референта. Примечательно, что для англоязычного перевода в (56b) Падден использует конструкцию *be+like*. Особенности разговорного

использования конструкций со словом like не обойдены вниманием исследователей — подобные примеры включают передачу как чужого высказывания, так и внутренней речи или отношения, реакции:

(57)

- a. I was like, “Who was it?”
- b. You’re like, “Okay.”
- c. She’s like, “Well I take it y’all are dating now.”
- d. My Mom’s like, you know, “I trust your driving.”
- e. So we’re like, “What?” [motorist in another car tries to signal to the narrator that his car is on fire] (Ferrara, Bell, 1995; цитируется по Lillo-Martin, 2009, ex. (4))

Более того, подобные примеры могут включать цитирование невербального поведения (жесты, выражение лица, телодвижения, звукоподражания, и т.п.):

(58) He was like [the speaker rolls his eyes].

Неудивительно, что исследователи ЖЯ отмечают сходство механизмов РС и использования конструкций с like (Lillo-Martin, 1995, 2009).

Однако, РС в ЖЯ может также относительно нейтрально передавать чужие действия, не связанные с речью, мыслями, отношением или реакциями:

(59) YESTERDAY INDEX_s SEE_j GIRL. [ASL]

WALK_j PERSON-WALK-TO_k

gaze down
mm   gaze i
1[WALK.]   LOOK-UP_i.

gaze i   gaze i   gaze i
MAN_i PERSON-MOVE-TO_s. INDEX_s SCARED. HIT_s]₁

‘Yesterday I saw this girl. She walked by in front of me. She was strolling along, then she looked up and saw this man come up to her. “I’m scared” [she said]. He hit her.’ (Meier, 1990; цитируется по Lillo-Martin, 2009, ex. (5a))

В 2.2.4. мы уже приводили классификацию механизмов РС, введённую Энгберг-Педерсен. Разделяя смешённую референцию (shifted reference) и смещение локуса (shifted locus), исследовательница отмечает, что первый

механизм характеризуется, в числе прочего, сдвигом в референции местоимения первого лица, и может использоваться только при цитационном РС, в то время как второй механизм характеризуется сдвигом только в направлениях согласующихся глаголов и может использоваться как в цитационном, так и в нецитационном РС. Желая найти объяснение этому загадочному феномену, Лилло-Мартин выдвигает предположение, что подобное ограничение носит не структурный характер: в самом деле, судя по всему, дело не в том, что смещение референции местоимения первого лица запрещено в области действия нецитационного РС, а в том, что в рамках нецитационного РС запрещено любое эксплицитное именование лица (будь то местоимения или полные ИГ), чья перспектива передаётся говорящим (Lillo-Martin, 2009). В подтверждение своей гипотезы Лилло-Мартин приводит аналогичные примеры из нарратива на английском языке:

(60)

a. And she ate it all up.

g(eating)⁶⁷

b. And she was, like, eating it all up.

g(eating) (Lillo-Martin, 2009, ex. (18))

c. And she was, like, I'm eating it all up.

g(eating) (Lillo-Martin, 2009, ex. (19))

Очевидно, что в отличие от (60a, b), высказывание (60c) интерпретируется как цитата именно из-за включения эксплицитного именования цитируемого персонажа с помощью местоимения первого лица. Таким образом, можно предположить, что ограничение на именование лица, чья перспектива передаётся говорящим, является универсальным свойством нецитационного сконструированного действия.

---

⁶⁷ Жест, используемый в рамках сконструированного действия.

2.3.3.4. Синтаксис референциального сдвига

В рамках рассмотрения синтаксической структуры РС можно выделить два основных подхода. Первый был предложен Лилло-Мартин (Lillo-Martin, 1995); она предлагает единообразный анализ для цитационного и нецитационного РС в ASL и постулирует наличие в предложениях с РС особого предиката точки зрения/перспективы (*point of view predicate*; далее POV-предикат). В качестве аргументов POV-предикат присоединяет субъект, с которым он согласуется (морфологически согласование выражается сдвигом корпуса говорящего в сторону референта) и клаузу (CP), содержащую цитируемый материал. При этом, цитируемый материал понимается как вложенный даже в случае отсутствия эксплицитного глагола речи или мысли в главной клаузе. Все местоимения первого лица во вложенной клаузе при POV-предикате функционируют логофорически⁶⁸ и понимаются как кореферентные субъекту POV-предиката. Эта кореферентность обеспечивается абстрактным синтаксическим оператором Op, который связан субъектом POV-предиката и связывает все логофорические местоимения в своей области структурного приоритета. Синтаксическое дерево предложения с POV-предикатом выглядит следующим образом:

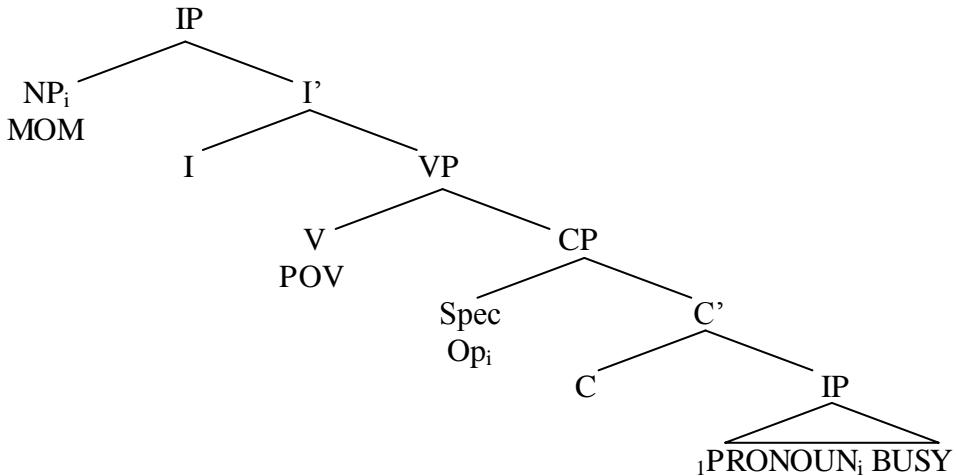
(61)

- a. $\begin{array}{c} < \\ _a\text{MOM} \quad _a\text{POV} \quad _1\text{PRONOUN} \quad \text{BUSY.} \end{array}$ [ASL]
‘Mom (from Mom’s point of view), I’m busy’
= ‘Mom’s like, I’m busy!’ (Lillo-Martin, 1995, ex. (9))

---

⁶⁸ Т.е. в общем случае как кореферентные субъекту (или иногда объекту) главной клаузы, как правило, содержащей глагол речи, мысли или восприятия.

b.

Лилло-Мартин приводит ряд аргументов в поддержку своей точки зрения:

- невозможность распространения немануального вопросительного маркера за пределы вложенной клаузы с цитируемым материалом, содержащим вопрос;
- возможность топикализации аргумента из вложенной клаузы;
- поведение возвратного местоимения в области действия PC;
- эллипсис глагольной группы даёт только нестрогую интерпретацию, что подтверждает тезис о том, что местоимение первого лица во вложенной клаузе с цитируемым материалом является связанным.

Второй подход к анализу синтаксической структуры PC был предложен Бостонской группой исследователей (Lee et al., 1997). Они утверждают, что конструкции с PC (по крайней мере, в рамках цитационного использования PC) состоят из двух логически связанных, но синтаксически независимых предложений. Таким образом, они оспаривают идею Лилло-Мартин, согласно которой цитируемый в рамках PC материал содержится во вложенной клауде. Они последовательно опровергают аргументы Лилло-Мартин, доказывая:

- нерелевантность тезиса о немануальных вопросительных маркерах (в самом деле, этот тезис доказывает только, что субъект клауды,

вводящей РС, лежит вне области действия вопроса, что самоочевидно, если вопрос содержится как во вложенной клаузе, так и в отдельном предложении);

- несостоятельность эмпирических данных по топикализации аргумента из цитируемого материала;
- некорректность выводов относительно связывания возвратных местоимений в ASL.

Кроме того они проводят ряд тестов, проверяющих наличие предсказываемых синтаксических последствий существования POV-предиката:

- в случае наличия эксплицитного глагола речи или мысли Лилло-Мартин постулирует наличие нулевого субъекта при POV-предикате — логично предположить, что этот нулевой субъект может быть заменён эксплицитной DP (группой детерминатива), однако, тесты показывают неграмматичность такой замены;
- клауза, содержащая POV-предикат, должна иметь возможность сочетаться с отрицанием, маркерами грамматического времени и модальными выражениями, а также должна существовать возможность задать к ней вопрос, однако, тесты не подтверждают наличие таких опций при РС.

Аргументация Бостонской группы представляется довольно убедительной, однако, в своей работе они не рассматривают случаи нецитационного РС, в то время как не исключено, что синтаксис высказываний с нецитационным РС отличается от синтаксиса высказываний с цитационным РС.

2.3.3.5. Монстры в естественных языках

Прежде чем обратиться к семантике РС, следует осветить проблему контекстного сдвига в естественном языке вообще. В своей работе, посвящённой дейктическим средствам референции (Kaplan, 1989), Дэвид Каплан утверждает, что в естественных языках значение дейктических элементов фиксировано контекстом высказывания и не может быть изменено никакими логическими операторами. Разумеется, такой контекстный сдвиг возможен в рамках прямой речи, однако, Каплан целенаправленно исключает случаи прямой речи из своего правила (поскольку, с его точки зрения, дейктические элементы в рамках прямой речи не используются референциально, а только упоминаются). Разница между прямой и косвенной речью показана в следующих примерах:

(62)

- a. Otto said “I am a fool”
- b. Otto said that I am a fool. (Kaplan, 1989, VIII)

В высказывании (62a) дейктик I не обозначает говорящего актуального контекста (он обозначает говорящего передаваемого контекста, т.е. Отто), в то время как в (62b) I не может обозначать никого иного, кроме как говорящего актуального контекста. Каплан допускает принципиальную возможность изобретения логических операторов, сдвигающих референцию дейктиков, но утверждает невозможность их существования в естественном языке, подобном английскому, и называет такие операторы «монстрами».

В своей работе, посвящённой монстрам, Шленкер выступает с эмпирическими данными, призванными фальсифицировать тезис Каплана. В

частности, он постулирует существование монстров в амхарском языке, логофорически использующем местоимение первого лица⁶⁹:

(63) Situation: John says: ‘I am a hero’.

a. јон јәгна пә-ññ yil-all [Amharic]

John hero be.PF-1sO 3M.say-AUX.3M.

John_i says that I_i am a hero. [lit.]

‘John says that he is a hero’

b. John_i says that he_i is a hero/*John_i says that I_i am a hero. [English] (Schlenker, 2003, ex. (3), (53))

В (63а) местоимение первого лица в области действия глагола речи обозначает не говорящего актуального контекста, а говорящего передаваемого контекста, т.е. Джона. Этот факт и подобные ему дают основания Шленкеру утверждать, что глаголы отношения (attitude verbs) систематически сдвигают контекст и, как результат, референцию дейктиков. В рамках этого анализа глаголы отношения выступают как кванторы, связывающие свободные контекстные переменные, а кросслингвистические различия в референции дейктиков в рамках смешённого контекста объясняются их лексическими особенностями (наличием/отсутствием в их денотатах свободных переменных). Так, местоимение первого лица в амхарском обладает лексически обусловленным потенциалом к смещению референции, а I в английском языке таким потенциалом не обладает.

В рамках анализа Шленкера принциален статус глаголов отношения как кванторов, а не операторов контекстного сдвига, которые переписывают весь контекст и принудительно сдвигают референцию всех дейктиков в своей области действия. Свидетельством в поддержку этого тезиса служит

⁶⁹ Безусловно, амхарский не является единственным примером языка, использующего логофорические местоимения в принципе. Так, Лилло-Мартин приводит примеры из языков эве и гокана, в которых встречается специальное логофорическое местоимение, используемое в контекстах, аналогичных (63а), для референции к агенту передаваемого контекста — однако, в отличие от местоимения первого лица в амхарском, они не могут быть использованы для референции к агенту актуального контекста. Примечательно, что и в эве, и в гокана клаузы, в которых используются логофорические местоимения, вводятся специальными комплементайзерами (бе и кә, соответственно), которые исторически родственны основному глаголу речи в этих языках (аналогу *сказать*). (Lillo-Martin, 1995)

поведение некоторых обстоятельств времени в английском языке, например, two days ago. Согласно Шленкеру, в (64b) two days ago интерпретируется относительно передаваемого контекста, однако, это же выражение может быть проинтерпретировано относительно актуального контекста:

(64) John has told me repeatedly over the years: ‘I was sick two days ago/the day before yesterday’.

- a. #John has told me repeatedly over the years that he was sick the day before yesterday.
- b. John has told me repeatedly over the years that he was sick two days ago. (Schlenker, 2003, ex. (44))

Также в поддержку гипотезы «смешения перспектив» Шленкер приводит использование настоящего времени в русском языке:

(65)

- a. Петя сказал, что он плачет.⁷⁰ [Russian]

Petja_i said that he_i is-crying.

‘Petja said that he was crying [at the time of his utterance]’

- b. Петя встретил человека, который плачет.

Petja met a person who is crying/cries.

‘Petja met a person who is crying/cries.’

NOT: ‘Petja met a person who was crying [at the time of the meeting].’ (Schlenker, 2003, ex.

(56))

В (65a) для референции к агенту передаваемого контекста используется местоимение третьего лица, но грамматическое время⁷¹ вложенной клаузы интерпретируется относительно передаваемого контекста. При этом, сдвиг грамматического времени в русском языке происходит только при глаголах отношения, что иллюстрируется примером (65b).

Альтернативный анализ был предложен Пранавом Анандом (University of California, Santa Cruz, США) и Эндрю Невинсом (University College London,

---

⁷⁰ Для удобства мы приводим здесь запись авторского примера кириллицей.

⁷¹ Которое, как мы помним из 2.3.2.2., тоже может анализироваться подобно местоимению.

Великобритания) (Anand, Nevins, 2004). Ананд и Невинс анализируют глаголы отношения как операторы; причём, от лексических свойств глагола зависит, какие дейктики сдвигаются, и насколько опционален этот сдвиг. Кроме того, они постулируют правило совместного сдвига (Shift-Together Constraint) которое гласит: дейктики, которые могут подвергаться референциальному сдвигу, должны сдвигаться все вместе.

2.3.3.6. Семантика референциального сдвига в ЖЯ

Ввиду актуальности темы контекстного сдвига, особенности референции дейктиков в рамках РС в ЖЯ вызывают повышенный интерес исследователей. Так, Alessandro Zucchi (Università degli Studi di Milano, Италия) предпринимает попытку поиска каплановских монстров в визуальной модальности на материале итальянского жестового языка (LIS)⁷² (Zucchi, 2004). Зукки видит своей целью единообразный анализ для цитационного и нецитационного РС; он приводит пример последнего, сопоставляя его с аналогичным примером, где РС отсутствует:

(66)

- a. GIANNI ARRIVE BOOK $\underline{\text{he}} - \text{DONATE} - \text{you}$
→Gianni

b. GIANNI ARRIVE BOOK $\underline{\text{I}} - \text{DONATE} - \text{you}$

¹‘When Gianni arrives, he will give you a book as a present.’ (Zucchi, 2004, ex. (6—8))

В рамках своего анализа Зукки вводит новую переменную σ для говорящего, которая в общем случае отсылает к говорящему актуального контекста. Однако, согласно Зукки, в грамматике LIS имеется скрытый оператор, который присваивает новое значение переменной σ . При этом, немануальные

⁷² Кроме того, в качестве побочного тезиса Зукки выдвигает любопытное предположение о причине распространённости РС в ЖЯ. Он объясняет данный феномен особенностями лексикона ЖЯ: поскольку довольно большое количество жестов являются прикреплёнными к телу, кажется естественным продолжать использовать тело говорящего в качестве референциальной точки для передачи информации о третьем лице, и РС в этом смысле представляется удобным механизмом.

маркеры РС вводят пресуппозицию, согласно которой переменная σ обозначает референта, соответствующего той позиции в пространстве, на которую указывают немануальные маркеры (например, смещение корпуса по направлению к нужному локусу). Для выполнения данной пресуппозиции и запускается оператор, присваивающий новое значение σ . Дополнительный шаг в виде пресуппозиции вводится, поскольку Зукки полагает, что сам по себе немануальный маркер не может быть грамматическим средством, вводящим как цитационный, так и нецитационный РС (а Зукки, как мы помним, стремится к единообразному анализу цитационного и нецитационного РС).

При этом, Зукки отрицает «монструозность» РС в LIS, равно как и примеров из амхарского (63а), указывая, что в этих случаях смещается референция только одного элемента — первого лица, а не переписывается весь контекст, что не соответствует каплановскому представлению о монстрах. Проблема подхода Зукки заключается главным образом в том, что он ограничивает свой анализ только особенностями референции первого лица, ошибочно предполагая, что остальные дейктики не сдвигаются в рамках РС⁷³. Любопытно также, что он, с одной стороны, утверждает нерелевантность цитационного РС в рамках проблемы каплановских монстров, приравнивая его к прямой речи в устных языках, но с другой стороны, стремится к разработке единообразного анализа для цитационного и нецитационного РС, при этом, сосредотачивая своё внимание исключительно на референции первого лица в обоих случаях.

К такому же единообразному анализу стремится Хосеп Кер (Universitat Pompeu Fabra, Испания) (Quer, 2005). Кер указывает на просчёт Зукки и демонстрирует на материале эмпирических данных из каталанского

---

⁷³ Такой же просчёт встречается в работе Лилло-Мартин, посвящённой POV-предикату (Lillo-Martin, 1995).

жестового языка (LSC), что референция второго лица также подвержена сдвигу в рамках РС:

(67)

- RS-i
- a. YESTERDAY ANNA_i IX-3a 3a-TELL-3b PEDRO IX-1_i ANGRY AGR-2
‘Yesterday Anna told Pedro that she was angry at him.’ (Quer, 2005, ex. (19))
- RS-i
- b. YESTERDAY ANNA_i IX-3a 3a-TELL-1 IX-1_i 1-HELP-2
‘Yesterday Anna told me that she would help me.’ (Quer, 2005, ex. (20))
- t RS-i
- c. JOAN_i MAIL ELECTRONIC 3-SEND-1 IX-2 ALL GUILT IX-2
‘In an e-mail Joan sent to me, he was like ‘It’s all your fault.’’ (Quer, 2005, ex. (8))

Примечательно, что Кер утверждает что (67c) является примером нецитационного РС по причине отсутствия в нём эксплицитных глаголов речи или мысли и приводит его в качестве аналога примера Зукки (66). Мы не можем согласиться с такой интерпретацией, поскольку в нашем понимании под цитационным РС должно подразумевать любое цитирование реального или приписываемого содержания высказывания или мысли. В (67c) цитируемый в рамках РС материал, безусловно, не является дословной цитатой (*verbatim*), но он содержит вольное изложение содержания электронного письма в виде приписываемого субъекту РС высказывания. Строго говоря, само наличие местоимения второго лица подразумевает цитационную природу материала внутри РС, поскольку референция ко второму лицу есть ничто иное, как референция к адресату, а адресат заведомо возможен только в рамках речевого акта (реального или воображаемого). Таким образом, все три примера в (67) являются примерами цитационного РС, в рамках которого происходит смещение референции второго лица. Заметим, что пример Зукки (66) является именно примером нецитационного РС, поскольку не содержит референции ко второму лицу — в транскрипции встречается местоимение *you*, но только потому, что непрямой объект цитируемого действия и адресат актуального высказывания совпадают.

Ещё одним моментом в примерах Кера, требующим прояснения, является морфологическая реализация референции ко второму лицу в рамках РС. Кер утверждает, что в примерах (67а, б) «морфология второго лица привязана к параметрам вложенного контекста, а не актуального контекста высказывания»⁷⁴. В начале своей статьи Кер даёт описание этой морфологии («прекращение зрительного контакта с актуальным адресатом; взгляд направлен в сторону предполагаемого адресата передаваемого контекста»), однако, транскрипция Кера кажется нам несколько неоднозначной⁷⁵. Можно, например, предположить (как нам думается, ошибочно), что IX-2 и AGR-2 в примерах Кера соответствуют активации локуса адресата актуального высказывания, но интерпретируются как референция к адресату цитируемого контекста. Более правдоподобным нам кажется предположение, что в этих примерах в рамках РС какой-то другой локус приобретает статус локуса адресата, причём подобная смена статуса маркируется немануально, а именно с помощью изменения характера и направления взгляда. В своей работе, посвящённой роли взгляда говорящего в различении первого, второго и третьего лиц в ЖЯ (Meurant, 2008), Лоранс Мёран (Facultés Universitaires Notre-Dame de la Paix, Бельгия) выделяет т.н. «адресованный взгляд» (addressed gaze), который, по её мнению, фиксирует положение адресата и является ключевым элементом в определении лица: так, например, адресованный взгляд, совпадающий по направлению с указательным жестом, является индикатором местоимения второго лица. Мы примем дефиницию Мёран⁷⁶ и будем пользоваться ей в дальнейшем для определения референции ко второму лицу.

Возвращаясь к работе Кера, отметим, что он предпринимает попытку ввести в рассмотрение данные по сдвигу хронотопических (временных и

---

⁷⁴ Здесь и в непосредственно следующей цитате перевод наш.

⁷⁵ В практической части нашего исследования мы постараемся избежать подобной неоднозначности.

⁷⁶ Что не означает, однако, что мы безоговорочно принимаем всю её теорию.

локативных) дейктиков. Результаты его исследования показывают, что такие дейктики демонстрируют нестабильное поведение в рамках РС⁷⁷:

(68)

- a. $\frac{t}{IX_a \text{ MADRID}_m \text{ MOMENT} \text{ JOAN}_i \text{ THINK} \text{ IX-1}_i \text{ STUDY} \text{ FINISH} \text{ HERE}_b}$ RS-i
‘When he was in Madrid, Joan thought he would finish his study in Barcelona.’ (Quer, 2005, ex. (23))
- b. $\frac{t}{IX_a \text{ MADRID} \text{ JOAN}_i \text{ THINK} \text{ IX-1}_i \text{ STUDY} \text{ FINISH} \text{ HERE} \text{ MADRID}}$ RS-i
‘When he has in Madrid, John thought he would finish his studies there in Madrid.’ (Quer, 2005, ex. (24))
- c. $\frac{t}{LAST\text{-YEAR} \text{ JOAN}_i \text{ THINK} \text{ IX-1}_i \text{ STUDY} \text{ FINISH} \text{ NOW}}$ RS-i
‘Last year, Joan thought he would finish his studies {now/#then}.’ (Quer, 2005, ex. (25))
- d. $\frac{t}{LAST\text{-YEAR} \text{ JOAN}_i \text{ IX-3} \text{ THINK} \text{ IX-1}_i \text{ STUDY} \text{ FINISH} \text{ YEAR} \text{ THIS}\#}$ RS-i
‘Last year, Joan thought he would finish his studies {this year/#then-that year}.’ (Quer, 2005, ex. (26))

Так, локативный дейктик HERE в (68a) интерпретируется относительно актуального контекста (Барселона), а в (68b) — относительно передаваемого контекста (Мадрид). В свою очередь, временные дейктики NOW и YEAR THIS в LSC, согласно данным Кера, не допускают смещённой референции (68c, d).

Наконец, Кер приводит примеры связанного прочтения местоимений первого лица со смещённой референцией в рамках РС, что является ещё одним аргументом в пользу анализа дейктиков внутри РС (и в принципе внутри любого передаваемого контекста) как связанных переменных:

(69)

- a. $\frac{t}{PUPIL \text{ ALL}_i \text{ THINK}^{\wedge} \text{ SEE.refl} \text{ IX-1}_i \text{ INTELLIGENT} \text{ SUPERLATIVE}}$ RS-i
eg:1 eg:front
‘Every pupil thinks that he is the most intelligent.’

⁷⁷ По-прежнему речь идёт только о случаях цитационного РС.

t	eg:1	RS-i eg:front
b.	PUPIL EACH _i THINK [^] SEE.refl IX-1 _i INTELLIGENT SUPERLATIVE	

‘Each pupil thinks that he is the most intelligent.’

В рамках семантического анализа РС Кер предполагает наличие в LSC скрытого контекстного оператора PVO_p, который действует по аналогии с глаголами отношения в теории Шленкера (2.3.3.5.) и является монстром в каплановском понимании — причём механизм его действия однотипен как для цитационных, так и для нецитационных случаев РС. При этом, контекстные переменные (агент/автор, адресат, время и локация) могут либо связываться независимо друг от друга оператором PVO_p, либо интерпретироваться в соответствии с актуальным контекстом высказывания. Таким образом, валидность правила совместного сдвига, предложенного Анандом и Невинсом (2.3.3.5.), признаётся Кером кросслингвистически относительной.

Примечательно, что свежие данные из ASL отличаются от данных по LSC и скорее являются свидетельством в поддержку правила совместного сдвига:

(70)

- a. IN LA WHO IX-a JOHN_a SAY IX-a WILL MEET HERE WHO
‘In LA, who did John say he would meet here [in NYC]?’
- b. IN LA WHO IX-a JOHN_a SAY IX-1 WILL MEET HERE WHO
‘In LA, who did John say he would meet there [in LA]? (Schlenker, Mathur, 2010)

2.3.3.7. Несобственно-прямая речь в устных языках

В своём обзорном очерке по РС в ЖЯ (Lillo-Martin, 2009) Лилло-Мартин, суммируя подход Кера, предлагает в качестве варианта дальнейшего анализа сопоставление РС в ЖЯ со случаями «свободной косвенной речи» (free indirect discourse) или «смешанного цитирования» (mixed quotation),

описанных в литературе (Cumming, 2003; Sharvit, 2008). Это предложение частично сообразуется с нашими изначальными интенциями, таким образом, в 3.3.2. мы предпримем черновую попытку сопоставительного анализа РС в ЖЯ и некоторых вариантов передачи цитируемого материала в русском языке.

Тем не менее, сначала нам стоит определиться с терминологией. Так, русскоязычный термин «несобственно-прямая речь» в некоторых источниках (Розенталь et al., 1998) понимается как способ передачи материала, который характеризуется:

- отсутствием эксплицитных выражений, вводящих прямую речь (в частности, глаголов речи и мысли);
- отсутствием пунктуационного выделения прямой речи на письме;
- сохранением лексических, стилистических и смысловых особенностей передаваемого материала;
- сохранением грамматических маркеров третьего лица (т.е. сохранением перспективы автора на морфосинтаксическом уровне).

Однако, явления, которые мы рассматриваем в ЖЯ, выходят за рамки описанных ограничений, в особенности, в том, что касается смещения референции дейктических элементов и отсутствия эксплицитных маркеров чужой речи. В самом деле, если мы ставим перед собой задачу найти максимально точные лингвистические эквиваленты РС в устном языке, нам необходима модель передачи цитируемого материала, допускающая смещение референции и по возможности сохраняющая какие-то эксплицитные маркеры (сообразные немануальным маркерам РС в ЖЯ). В свою очередь, приведённое выше представление о несобственно-прямой речи в большей степени соответствует механизму экспрессивного сдвига в ЖЯ (в терминологии Энгберг-Педерсен).

Нам же гораздо больше подходит взгляд на несобственно-прямую речь, изложенный Б.А. Успенским (Успенский, 2000). Успенский относит описанное выше явление к т.н. «внутреннему монологу», в рамках которого происходит взаимовлияние авторской речи и речи персонажа, но это взаимовлияние не затрагивает морфосинтаксического уровня. В свою очередь, несобственно-прямую речь он рассматривает с позиции объединения различных точек зрения в одном предложении (в т.ч. на морфосинтаксическом уровне) и определяет её как пограничное явление между прямой и косвенной речью. В частности, он анализирует следующие примеры из художественной литературы:

- (71)
- a. ...трактирщик сказал, что не дам вам есть, пока не заплатите за прежнее. (Н.В. Гоголь; цитируется по (Успенский, 2000))
  - b. Его величество обратил его [французского посланника] внимание на grenadierскую дивизию и церемониальный марш, и будто посланник никакого внимания не обратил и будто позволил себе сказать, что мы у себя во Франции на такие пустяки не обращаем внимания. (Л.Н. Толстой, цитируется по (Успенский, 2000))
  - c. Заключил же он тем, что, дескать, простите мою дерзость и мое неприличие, Макар Алексеевич... (Ф.М. Достоевский; цитируется по (Успенский, 2000))

Смещение референции в (71a, b) Успенский трактует как незаметное «скольжение авторской позиции»; при этом, он отмечает, что над подобными примерами довольно легко провести «операцию» по подстановке кавычек, превращая их в случаи «речевой интерференции»⁷⁸. Однако, как отмечает Успенский, кавычки встречаются только в письменной речи⁷⁹, в то время как и в устной, и в письменной речи их функцию с успехом выполняют частицы *мол*, *дескать*, *де*, как показано в примере (71c). Успенский делает ещё один шаг в нужном нам направлении и признаёт возможность трактовки

⁷⁸ Подобное явление описывается в англоязычной литературе как “mixed quotation” (Cumming, 2003).

⁷⁹ Здесь мы можем возразить Успенскому, что в устной речевой деятельности весьма распространено употребление жеста *кавычки*, который, в числе прочего, является невербальным маркером передачи чужой речи. Примечательно, что, по меньшей мере, в РЖЯ существует аналогичный по форме жест, передающий значения «название», «тема» и им подобные, но никогда не использующийся для введения цитационного и тем более нецитационного РС.

примеров (71a, b) как случаев эллипсиса подобных частиц. Таким образом, он заключает, что примеры, подобные (71c) тоже можно рассматривать как случаи несобственно-прямой речи; при этом, частицы *мол*, *дескать*, *де* он называет «цитатными элементами» и характеризует как операторы, служащие для перевода прямой речи в авторскую.

Наконец, рассмотрим англоязычный термин “free indirect discourse” в том виде, в каком он представлен у Яэль Шарвит (University of Connecticut, США) (Sharvit, 2008). Шарвит разделяет прямую речь (DD, direct discourse), стандартную непрямую речь (SID, standard indirect discourse) и свободную непрямую речь (FID, free indirect discourse):

(72)

- Context: Suppose I want to report today that a few days ago John had the following thought, as he looked at my picture in his room: “She doesn’t like me today.”
- a. As he looked at my picture, he thought: “She doesn’t like me today.”
  - b. As he looked at my picture, he thought that I didn’t like him that day.
  - c. I didn’t like him today (, he thought as he looked at my picture.) (Sharvit, 2008, ex. (1—3))

Любопытно, что в (72c) мы наблюдаем сдвиг временного дейктика *today* к передаваемому контексту при сохранении референции местоимений и грамматического времени⁸⁰ актуального контекста. Таким образом, явление FID включает смешение перспектив и, следовательно, вполне сообразуется с явлением несобственно-прямой речи в представлении Успенского. Опуская технические детали, отметим, что Шарвит предполагает наличие в FID «нулевых» местоимений с удалёнными признаками и скрытого оператора, подобного глаголам отношения, который лицензирует эти «нулевые» местоимения.

---

⁸⁰ Шарвит разделяет точку зрения Парти, согласно которой грамматическое время выступает как местоимение.

2.3.3.8. Частицы *мол*, *дескать*, *де* в русском языке

В кратком очерке, посвящённом пресуппозициям частиц *мол*, *де*, *дескать*⁸¹, Н.П. Перфильева и Ю.Б. Хальзова описывают следующие функции данных частиц:

- функция маркера чужой речи:
  - косвенной;
  - несобственно-прямой;
- функция реализации пояснительной конструкции (обычно сопровождается описанием невербальных компонентов коммуникативного акта, пояснение значения которых вводится одной из вышеуказанных частиц);
- прагматическая функция (например, при необходимости подчеркнуть свою отстранённость от чужого сообщения из-за стилистических или содержательных особенностей оного, выразить сомнение в правдоподобности передаваемого высказывания, и т.п. — релевантно, как правило, в случаях косвенной речи).

Кроме того, авторы приводят довольно любопытные примеры употребления названных частиц, в частности, когда «субъект речи» (т.е. говорящий актуального контекста) и «субъект авторизации» (т.е. говорящий передаваемого контекста) являются одним лицом⁸²:

---

⁸¹ Отметим, что все три частицы этимологически произошли от глаголов речи (см. также сноску 68).

⁸² Сравним (73) с примерами из ASL:

(74)

a. ₁PRONOUN DREAM ₁PRONOUN BECOME PRESIDENT.

< _aSHIFT> _ashift>
_aSHIFT ₁PRONOUN CONTROL PEOPLE. ₁PRONOUN MEET[mult] PEOPLE.

'I dreamed I became the president. (From the point of view of the signer-as-president) I controlled people. I met all sorts of people.'

'I dreamed I became the president. I was like, controlling people, meeting all sorts of people.' (Lillo-Martin, 1995, ex. (3c))

b. Context: the signer's name is John.

LAST NIGHT _bPRONOUN STRANGE DREAM. _bPRONOUN DREAM _bSELF BECOME JESUS

_bFORMAL-PRONOUN. _bPRONOUN SEE JOHN _aPRONOUN. _bPITY _a. _bSINS _bFORGIVE _a. (shift a) RELIEF.

(73) Красавкина ленива. Уж сколько раз я ей говорила, что, мол, ты никуда не съездишь или к себе гостей не позовешь. (А.Н. Островский; цитируется по (Перфильева, Хальзова, 1991))

Авторы очерка склонны объяснять употребление *мол* в контекстах, подобных (73), временной отдалённостью актуального и передаваемого контекстов друг от друга. При этом, они отмечают, что при опущении *мол* в (73) «изменяется референт *ты*». Собственно, смещение референции дейктиков в области действия подобных маркеров и будет иметь для нас первостепенное значение.

Поскольку особой разницы между особенностями значения и употребления частиц *мол*, *де*, *дескать* не выявлено⁸³, мы будем применять к примерам с данными частицами единообразный анализ.

‘Last night I had a strange dream. I dreamed I became a Jesus. I saw John (myself), had pity on me, and forgave all my sins. Boy, was I relieved.’ (Lillo-Martin, Klíma, 1990, ex. (10.10))

В (74а) говорящий и субъект РС — *de* — одно лицо, но мыслятся как два разных референта. В свою очередь, (74б) представляет собой изложение сна, в рамках которого говорящий устанавливает локус для себя в другой ипостаси (в пространстве сна), а затем выполняет РС по отношению к этому локусу.

⁸³ Авторы очерка отмечают только, что *мол*, судя по всему, является ядерным элементом группы; кроме того, *де* может выполнять дополнительную функцию акцентного выделения.

Глава 3. Анализ эмпирических данных по РЖЯ

Вопреки названию, данная глава будет включать в себя не только анализ полученных нами данных по РЖЯ, но и их сопоставление с данными из других языков, а также соотнесение с теоретическими выкладками из Главы 2. Мы отдаём себе отчёт в малочисленности, неполноте, а также частой неоднозначности полученных нами примеров, но постараемся компенсировать эти недостатки тщательным анализом.

3.1. Нулевые и эксплицитные местоимения в РЖЯ и других языках

Для нашего анализа мы принимаем следующие положения:

- мы сохраняем нейтралитет в отношении тезиса Бостонской группы о наличии немануального согласования в ЖЯ (у нас не было технических возможностей подтвердить или опровергнуть данный тезис на материале РЖЯ);
- мы склонны принять представление Кулидбровой о т.н. «мануальном согласовании глаголов» как присоединении к глаголам эксплицитных местоимений в форме клитик — таким образом, аргументы при согласующихся глаголах будут анализироваться нами как эксплицитные;
- под нулями в ЖЯ мы будем понимать исключительно случаи отсутствия эксплицитного индексирования локусов (будь то указательный жест или клитика при согласующемся глаголе).

3.1.1. Интерпретация нулевых аргументов в РЖЯ

Вслед за Кулидобровой (Koulidobrova, 2010b) мы решили провести тест на нестрогую интерпретацию *e* в РЖЯ (e_{RSL}). Однако тестирование примеров, подобных (29), на материале РЖЯ сопряжено с дополнительным усложнением парадигмы возможных вариантов, поскольку в РЖЯ, как и в русском языке, имеется как простое притяжательное местоимение POSS, так и возвратное SELF-POSS (Kimmelman, 2009a; см. также 2.2.1.). При этом, модели распределения SELF-POSS и русскоязычного местоимения *свой* предсказуемо различаются. Подобно тому, как возвратное местоимение SELF может быть заменено простым местоимением IX (Kimmelman, 2009a; см. также 2.2.1.), SELF-POSS может быть заменено простым притяжательным местоимением POSS; в русском языке такая замена возможна не всегда:

(75)

- a. Я_i люблю своего_i брата. [русс.]
- b. Я_i люблю моего_i брата. [русс.]
- c. Иван_i любит своего_i брата. [русс.]
- d. Иван_i любит его_{*i/j} брата.⁸⁴ [русс.]
- e. IX-1 ЛЮБИТЬ БРАТ POSS-SELF. [РЖЯ]
‘Я_i люблю своего_i брата.’ (Inf. 8)
- f. IX-1 ЛЮБИТЬ БРАТ POSS-1. [РЖЯ]
‘Я_i люблю моего_i брата.’ (Inf. 8)
- g. И-В-А-Н_{IX-a} ЛЮБИТЬ БРАТ POSS-SELF. [РЖЯ]
‘Иван_i любит своего_i брата.’ (Inf. 8)
- h. И-В-А-Н_{IX-a} ЛЮБИТЬ БРАТ POSS-a. [РЖЯ]
‘Иван_i любит его_i [= своего] брата.’ (Inf. 8)

---

⁸⁴ Киммельман не приводит примеров, аналогичных (75d), но приводит аналоги (75a,b) (Kimmelman, 2009a, ex. (11)), утверждая на их основании, что местоимение *свой* в русском языке опционально. Мы не можем согласиться с ним в данном аспекте. Нам кажется, что грамматичность (75b) объясняется отсутствием неоднозначности в референции местоимения *мой* из-за его дейктической природы; однако местоимение *его* в (75d) однозначной референцией не обладает, поэтому (75d) либо аграмматично, либо *его* некореферентно Ивану (т.е. Иван любит чьего-то ещё брата).

Кроме того, РЖЯ, в отличие от русского, допускает употребление POSS-SELF, кореферентного субъекту главной клаузы, при субъекте финитной вложенной клаузы:

(76)

- a. Маша_i думает, что её_{i/j}/*свой_i муж умный. [русс.]
  - b. М-А-Ш-А_{IX-a} ДУМАТЬ МУЖ POSS-a/POSS-SELF УМНЫЙ. [РЖЯ]
- ‘Маша_i думает, что её_i/свой_i [= её_i] муж умный.’

В свою очередь, русский язык допускает (а в случае третьего лица и предписывает) употребление местоимение *свой*, например, в безглагольных вложенных клаузах:

(77)

- a. Я_i считаю моего_i/своего_i мужа умным.
- b. Маша_i считает её_{i/j}/своего_i мужа умным.

Вспомним, что согласно тезису Киммельмана (см. 2.1.2.), возвратные местоимения в РЖЯ (в т.ч. POSS-SELF) используются для выражения значения семантического связывания (в противоположность простым местоимениям, которые могут выражать только значение кореферентности). Мы протестировали ряд высказываний с глагольным эллипсисом⁸⁵, и результаты тестов подтвердили данный тезис:

(78)

- a. И-В-А-Н_{IX-a} ЛЮБИТЬ БРАТ POSS-a. М-А-Ш-А_{IX-b} ТОЖЕ.
‘Иван_i любит его_i [= своего] брата. Маша_j тоже [= любит его_i/*своего_j брата].’ (Inf. 8)
- b. И-В-А-Н_{IX-a} ЛЮБИТЬ БРАТ POSS-SELF. М-А-Ш-А_{IX-b} ТОЖЕ.
‘Иван_i любит своего_i брата. Маша_j тоже [= любит ??его_i/своего_j брата].’⁸⁶ (Inf. 8)
- c. IX-1 ЛЮБИТЬ БРАТ POSS-1. И-В-А-Н_{IX-a} ТОЖЕ.
‘Я_i люблю моего_i брата. Иван_j тоже [= любит моего_i/*своего_j брата].’ (Inf. 8)
- d. IX-1 ЛЮБИТЬ БРАТ POSS-SELF. И-В-А-Н_{IX-a} ТОЖЕ.
‘Я_i люблю своего_i брата. Иван_j тоже [= любит ??моего_i/своего_j брата].’ (Inf. 8)

⁸⁵ В отличие от Киммельмана, у нас не возникло проблем с тестированием предложений, содержащих эллипсис глагольной группы.

⁸⁶ Суждение информанта: «[Маша любит] его брата [= брата Ивана]. А если у Маши есть брат, любит своего [= Машиного].»

e. М-А-Ш-А_{IX-a} ДУМАТЬ МУЖ POSS-а УМНЫЙ. О-Л-Я_{IX-b} ТОЖЕ.

‘Маша_i думает, что её_i муж умный. Оля_j тоже [= думает, что её_{i/*j} муж умный].’ (Inf. 8)

f. М-А-Ш-А_{IX-a} ДУМАТЬ МУЖ POSS-SELF УМНЫЙ. О-Л-Я_{IX-b} ТОЖЕ.

‘Маша_i думает, что свой_i [= её_i] муж умный. Оля_j тоже [= думает, что её_{i/*j} муж умный].’ (Inf. 8)

Приняв во внимание вышеизложенные факты, мы протестировали следующие парадигмы примеров с нулевыми аргументами в позиции объекта и субъекта:

(79)

a. И-В-А-Н_{IX-a} ЛЮБИТЬ БРАТ POSS-а. М-А-Ш-А_{IX-b} НЕ-ЛЮБИТЬ е.

‘Иван_i любит его_i [= своего] брата, а Маша_j не любит е [= его_{i/*j} брата].’ (Inf. 8)

b. И-В-А-Н_{IX-a} ЛЮБИТЬ БРАТ POSS-SELF. М-А-Ш-А_{IX-b} НЕ-ЛЮБИТЬ е.

‘Иван_i любит своего_i брата, а Маша_j не любит е [= ??его_i/своего_j брата].’ (Inf. 8)

(80)

a. М-А-Ш-А_{IX-a} ДУМАТЬ МУЖ POSS-а УМНЫЙ. О-Л-Я_{IX-b} (ДУМАТЬ) е КРАСИВЫЙ.

‘Маша_i думает, что её_i муж умный, а Оля_j (думает), что е [= Машин_i/*Олин_j муж] красивый.’ (Inf. 8)

b. М-А-Ш-А_{IX-a} ДУМАТЬ МУЖ POSS-SELF УМНЫЙ. О-Л-Я_{IX-b} (ДУМАТЬ) е КРАСИВЫЙ.

‘Маша_i думает, что свой_i [= её_i] муж умный, а Оля_j (думает), что е [= ??Машин_i/Олин_j муж] красивый.’⁸⁷ (Inf. 8)

Сопоставим (79a, b) со следующими русскоязычными высказываниями:

(81)

a. Иван_i любит своего_i брата, а Маша_j его [= брата Ивана_i/*Маши_j] не любит.

b. Иван_i любит своего_i брата, а Маша_j е [= ??брата Ивана_i/Маши_j] не любит⁸⁸.

c. Я_i люблю моего_i брата, а Иван_j е [= моего_i/*своего_j брата] не любит.

d. Я_i люблю своего_i брата, а Иван_j е [= ??моего_i/своего_j брата] не любит⁸⁹.

Сопоставим (80a, b) со следующими русскоязычными высказываниями:

⁸⁷ Прежде чем дать ответ на тестовый вопрос по (80b) Inf. 8 спросила, есть ли у Оли муж; получив утвердительный ответ, предположила, что Оля считает красивым своего мужа.

⁸⁸ См. также суждения русскоязычных информантов в (83d).

⁸⁹ См. также суждения русскоязычных информантов в (83f).

(82)

- a. Маша_i думает, что её_i муж умный, а Оля_j думает, что он [= Машин_i/*Олин_j муж] красивый.
- b. Маша_i думает, что её_i муж умный, а Оля_j думает, что е [= Машин_i/*Олин_j муж] красивый.
- c. Маша_i считает своего_i мужа умным, а Оля_j считает его [= Машиного_i/*Олинного_j мужа] красивым.
- d. ??Маша_i считает своего_i мужа умным, а Оля_j считает е [= Машиного_i/Олинного_j мужа] красивым.⁹⁰
- e. Маша_i считает своего_i мужа умным, а Оля_j считает е [= ??Машиного_i/Олинного_j мужа] красивым.⁹¹

Смущающим моментом в приведённых примерах может стать неожиданная маргинализация строгой интерпретации предложений с POSS-SELF: (78b, d, f); (79b); (80b)⁹². Мы склонны объяснять данную тенденцию в суждениях:

- контрастивностью примеров⁹³, т.е. суждения по указанным предложениям выносились с оглядкой на предыдущие примеры с POSS, в которых была возможна только строгая интерпретация;
- экстралингвистическими представлениями информанта (см. сноски к (78b), (80b)).

Более того, подобная маргинализация (вне зависимости от того, субъективна или объективна её природа) может быть кросслингвистической тенденцией восприятия подобного рода контрастивных примеров. Мы провели эксперимент, предложив несколько аналогичных русскоязычных предложений двум непредубеждённым носителям русского языка⁹⁴:

---

⁹⁰ Этот вариант кажется нам маргинально грамматичным из-за повторения глагола *считает* во втором предложении; (7c) с глагольным эллипсисом представляется гораздо более приемлемым.

⁹¹ См. также суждения русскоязычных информантов в (83j).

⁹² Суждения Inf. 8 в отношении возможности строгой интерпретации не были однозначны (см. сноски к (78b), (80b)), поэтому мы не считаем строгую интерпретацию данных предложений полностью аграмматичной.

⁹³ Мы признаём, что в этом могла быть наша методическая ошибка.

⁹⁴ Мы приводим здесь нетехническую транскрипцию, чтобы максимально точно передать суждения русскоязычных информантов.

(83)

- a. Иван любит своего брата. Маша тоже.

Тестовый вопрос: *Чьего брата любит Маша?*

Ответ₁: *Маша может любить и брата Ивана, и брата Маши.* (строгая/нестрогая интерпретация)

Ответ₂: *Машиного.* (*строгая/нестрогая интерпретация)

- b. Я люблю моего брата. Иван тоже.

Тестовый вопрос: *Чьего брата любит Иван?*

Ответ₁: *Иван любит моего брата.* (строгая/*нестрогая интерпретация)

Ответ₂: *Моего.* (строгая/*нестрогая интерпретация)

- c. Я люблю своего брата. Иван тоже.

Тестовый вопрос: *Чьего брата любит Иван?*

Ответ₁: *Иван любит своего брата.* (*строгая/нестрогая интерпретация)

Ответ₂: *Брата Ивана.* (*строгая/нестрогая интерпретация)

- d. Иван любит своего брата, а Маша не любит.

Тестовый вопрос: *Чьего брата не любит Маша?*

Ответ₁: *Маша не любит своего брата.* (*строгая/нестрогая интерпретация)

Ответ₂: *Машиного.* (*строгая/нестрогая интерпретация)

- e. Я люблю моего брата, а Иван не любит.

Тестовый вопрос: *Чьего брата не любит Иван?*

Ответ₁: *Иван не любит моего брата.* (строгая/*нестрогая интерпретация)

Ответ₂: *Моего.* (строгая/*нестрогая интерпретация)

- f. Я люблю своего брата, а Иван не любит.

Тестовый вопрос: *Чьего брата не любит Иван?*

Ответ₁: *Иван не любит своего брата.* (*строгая/нестрогая интерпретация)

Ответ₂: *Брата Ивана.* (*строгая/нестрогая интерпретация)

- g. Маша думает, что её муж умный. Оля тоже.

Тестовый вопрос: *Оля думает, чей муж умный?*

Ответ₁: *Машин муж.* (строгая/*нестрогая интерпретация)

Ответ₂: *Могут быть оба.* (строгая/нестрогая интерпретация)⁹⁵

⁹⁵ Здесь мы получили довольно неожиданное расхождение в показаниях, в результате чего обратились к ещё одному информанту. Несмотря на то, что мы сами, повинуясь собственному лингвистическому чутью, склонны согласиться со вторым информантом, суждение первого и третьего информанта представляет меньше проблем в рамках сопоставления (83g) и (83i). Если принять суждение первого и третьего информанта относительно примера с эллипсисом глагольной группы, e_{Rus} в (83i) можно было бы проанализировать подобно e_{RSL} (простое притяжательное местоимение используется исключительно для выражения значения кореферентности, соответственно, нестрогая интерпретация e_{Rus} в (83i) запрещена).

Ответ₃: *Оля думает, что Машин муж умный.* (строгая/*нестрогая интерпретация)

- h. Маша считает своего мужа умным. Оля тоже.

Тестовый вопрос: *Чьего мужа Оля считает умным?*

Ответ₁: *Олин мужа.* (*строгая/нестрогая интерпретация)

Ответ₂: *Своего.* (*строгая/нестрогая интерпретация)

- i. Маша думает, что её муж умный, а Оля думает, что красивый.

Тестовый вопрос: *Оля думает, чей муж красивый?*

Ответ₁: *Машин муж красивый.* (строгая/*нестрогая интерпретация)

Ответ₂: *Машин.* (строгая/*нестрогая интерпретация)

- j. Маша считает своего мужа умным, а Оля — красивым.

Тестовый вопрос: *Чьего мужа Оля считает красивым?*

Ответ₁: *Олин муж красивый.* (*строгая/нестрогая интерпретация)

Ответ₂: *Могут быть оба.* (строгая/нестрогая интерпретация)

Можно предположить, что единодушный запрет на строгую интерпретацию для (83c) и (83f) у обоих информантов явился результатом контраста с (83b) и (83e) соответственно. В самом деле, если доступно отдельное однозначное лингвистическое средство выражения кореферентности (дайктик *мой*), не допускающее значения связывания, то использование для выражения кореферентности возвратного притяжательного местоимения *свой*, допускающего значение связывания, может показаться нецелесообразным. Такая трактовка, впрочем, не объясняет, например, единодушного запрета на

Однако, нам кажется, что это не соответствует действительности: простое притяжательное местоимение в русском языке вполне может выражать значение семантического связывания, и именно с этой точки зрения мы склонны интерпретировать (83g). В свою очередь, e_{Rus} в (83i) необходимо анализировать по аналогии с примером из испанского языка, приведённым Сенером и Такахashi (Şener, Takahashi, 2010, ex. (5)):

(84)

- a. María cree que su propuesta será aceptada.
‘Maria believes that her proposal will be accepted.’
- b. Juan también cree que e será aceptada.
‘Juan also believes that it will be accepted.’
= Juan believes that Maria’s proposal will be accepted.
≠ Juan believes that Juan’s proposal will be accepted.

В (84) $e_{Spanish}$ не является эллипсисом аргумента, а анализируется как нулевой аргумент местоименного типа, подобный эксплицитному местоимению в аналогичном примере из английского языка:

(85) Mary_i thinks that her_i husband is intelligent. Ann_j thinks he [= Mary’s_i/*Ann’s_j husband] is handsome.

Таким образом, e_{Rus} в (83i) не является эллипсисом аргумента, а представляет собой нулевой аргумент местоименного типа.

строгую интерпретацию (83d)⁹⁶ у обоих информантов — ведь для выражения значения кореферентности в *Иван любит своего брата* нет иных доступных средств, кроме возвратного притяжательного местоимения *свой*, допускающего также и значение связывания.

В любом случае, следует помнить, что в РЖЯ, в отличие от русского языка, всегда доступно отдельное однозначное средство для выражения кореферентности, не допускающее значения связывания — POSS. Именно контраст с POSS может объяснять тенденцию к маргинализации строгой интерпретации предложений с POSS-SELF.

Как бы то ни было, основополагающим моментом для нас является отчётливое различие между примерами употребления e_{RSL} , содержащими POSS ((79a), (80a)) и POSS-SELF ((79b), (80b)): первые не допускают нестрогую интерпретацию e_{RSL} , вторые допускают нестрогую интерпретацию e_{RSL} . Первые сообразуются с:

- примерами интерпретации e_{ASL} (29b, c);
- примером интерпретации эксплицитного местоимения в английском языке (29d);
- примерами интерпретации эксплицитного местоимения в русском языке (81a), (82a);
- примерами интерпретации e_{Rus} в (81c), (82b).

Вторые сообразуются с:

- примером интерпретации e_{Jap} (29a);
- примерами интерпретации e_{Rus} в (81b, d), (82e).

---

⁹⁶ Наше лингвистическое чутьё не навязывает нам подобного запрета, т.е. для предложения (83d) мы допускаем как строгую, так и нестрогую интерпретации; впрочем, мы, безусловно, не можем претендовать на непредубеждённость.

Сформулируем итоги наших наблюдений для РЖЯ:

- e_{RSL} является нулевым аргументом местоименного типа и не может получать нестрогую интерпретацию, если его антецедент содержит простое притяжательное местоимение POSS, которое в РЖЯ допускает исключительно значение кореферентности;
- e_{RSL} может быть эллипсисом аргумента и получать нестрогую интерпретацию, если его антецедент содержит возвратное притяжательное местоимение SELF-POSS, которое допускает значение семантического связывания.

На данном этапе нам кажется необходимым ещё раз провести разграничение между эллипсисом глагольной группы и эллипсисом аргумента. В ASL (и LSF) эллипсис глагольной группы предсказуемо приводит к возможности как строгой, так и нестрогой интерпретации — в т.ч. в предложениях с POSS⁹⁷:

(86) IX-1 POSS-1 MOTHER LIKE. IX-a SAME-1,a. [ASL]

Ambiguous: I like my mother. He does too [= like my / like his mother] (Schlenker, 2011b, ex. (14))

(87)

a. Strict reading

FANTASTIC. PIERRE LIKE WIFE POSS-a. IX-b JEAN SAME. [LSF]

‘It’s fantastic. Pierre loves his wife, and Jean does too [= like Jean’s wife].’

b. Sloppy reading

COMPLICATED. PIERRE LIKE WIFE POSS-a. IX-b JEAN IX-b SAME. [LSF]

‘Things are complicated. Pierre loves his wife, and Jean does too [= love Pierre’s wife]’⁹⁸ (Schlenker, 2011b, ex. (15))

Для сравнения:

(88)

a. Peter_i loves his_i wife, and John_j does [= love Peter’s_i/John’s_j wife], too. [англ.]

⁹⁷ Ещё раз подчеркнём, что POSS-SELF в ASL и LSF отсутствует — видимо, поэтому в этих языках нет того разделения, которое имеется в РЖЯ, где POSS не допускает значения связывания (см. (78)).

⁹⁸ Мы позволили себе лёгкую коррекцию данных примеров по сравнению с оригиналом в соответствии с нашими экстралингвистическими представлениями.

- b. $Pierre_i$ aime sa_i femme et Jean_j aussi [= aime la femme de Pierre_i/Jean_j]. [фр.]

Однако, в отличие от ASL, РЖЯ и русского, английский и французский не допускают нулевого аргумента в предложениях, подобных (79a, b), (80a, b), (29b, c):

(89)

- a. *Peter_i loves his_i wife, but John_j hates e.
- b. *Pierre_i aime sa_i femme, mais Jean_j hait e.

Примеры, подобные (89), в английском и французском языках требуют эксплицитного местоимения, которое интерпретируется однозначно (как кореферентное антецеденту, т.е. допускается только строгая интерпретация):

(90)

- a. Peter_i loves his_i wife, but John_j hates her [= Peter's_i/*John's_j wife].
- b. Pierre_i aime sa_i femme, mais Jean_j la [= la femme de Pierre_i/*Jean_j] hait.

Составим таблицу, сгруппировав все релевантные данные:

	Простое притяжательное местоимение	Возвратное притяжательное местоимение	Нулевой аргумент, отсылающий к субъекту/объекту другого предложения
Русс.	допускает значение кореферентности/ ??связывания ⁹⁹	допускает значение ??кореферентности ¹⁰⁰ / связывания	может иметь строгую/ нестрогую интерпретацию
Англ.	допускает значение кореферентности/ связывания	отсутствует	запрещён (необходимо эксплицитное местоимение, имеющее строгую/ *нестрогую интерпретацию)
Фр.	допускает значение кореферентности/ связывания	отсутствует	запрещён (необходимо эксплицитное местоимение, имеющее строгую/ *нестрогую интерпретацию)
РЖЯ	допускает значение кореферентности/ *связывания	допускает значение ??кореферентности ¹⁰¹ / связывания	может иметь строгую/ нестрогую интерпретацию

⁹⁹ См. спорный статус (83g).

¹⁰⁰ См. суждения информантов для (83).

¹⁰¹ См. маргинальный статус строгой интерпретации для (78b, d, f).

ASL	допускает значение кореферентности/ связывания	отсутствует	может иметь строгую/ *нестрогую интерпретацию ¹⁰²
LSF	допускает значение кореферентности/ связывания	отсутствует	нет данных

Из таблицы очевидны параллели между английским и ASL¹⁰³, с одной стороны, и русским и РЖЯ, с другой. Разница между ASL и английским лишь в том, что ASL допускает нулевой аргумент (в указанных контекстах). При этом, если эмпирические данные Кулидобровой и их интерпретация верны, то e_{ASL} ведёт себя подобно эксплицитному местоимению в английском, в котором нулевой аргумент запрещён. В свою очередь, разница между русским языком и РЖЯ лишь в том, что простые притяжательные местоимения русского языка, вероятно, допускают значение связывания, в то время как в РЖЯ разделение значений POSS и SELF-POSS гораздо более строго¹⁰⁴. Также e_{RSL} в большинстве случаев ведёт себя подобно e_{Rus} .

Таким образом, можно предположить, что локальные устные языки оказывают довольно сильное влияние на распределение местоимений в соответствующих ЖЯ. Это, разумеется, не значит полного тождества, например, английского и ASL или русского и РЖЯ. Тем не менее, на данном этапе нашего исследования мы склонны полагать, что особенности интерпретации притяжательных местоимений в РЖЯ и поведение e_{RSL} во многом обусловлены влиянием устного русского языка на РЖЯ. Необходима дальнейшая исследовательская работа с целью выявления моделей интерпретации нулевых категорий и эксплицитных местоимений в разнообразных контекстах.

¹⁰² На основе (Koulidobrova, 2010b, ex. (29b, c)).

¹⁰³ У нас нет данных для нулевых аргументов в требуемых контекстах для LSF, поэтому мы воздержимся от каких бы то ни было выводов относительно e_{LSF} и параллелей между LSF и французским.

¹⁰⁴ Об этом говорит и более однозначная система распределения POSS и SELF-POSS (см. (75), (76)).

3.1.2. Пресуппозиции эксплицитных и нулевых местоимений в ЖЯ и устных языках

Вслед за Шленкером (Schlenker, 2011b), мы решили проверить пресуппозиции нулевых и эксплицитных местоимений в РЖЯ и провести аналогичное тестирование для примеров с дизъюнктивными антецедентами. Результаты получились весьма предсказуемыми, за исключением нескольких малозначительных расхождений:

- (91)
- a. ??(ЕСЛИ) ФРАНЦУЗ_a ИЛИ АМЕРИКАНЕЦ_b ВЫИГРАТЬ СОРЕВНОВАНИЕ IX-0 ДОВОЛЬНЫЙ БУДЕТ. /разные локусы, эксплицитное местоимение/
‘Если француз или американец выиграет соревнование, он будет доволен.’ (Inf. 8)
  - b. (ЕСЛИ) ФРАНЦУЗ₀ ИЛИ АМЕРИКАНЕЦ₀ ВЫИГРАТЬ СОРЕВНОВАНИЕ IX-0 ДОВОЛЬНЫЙ БУДЕТ. /общий локус, эксплицитное местоимение/
‘Если француз или американец выиграет соревнование, он будет доволен.’ (Inf. 8)
  - c. (ЕСЛИ) ФРАНЦУЗ_a ИЛИ АМЕРИКАНЕЦ_b ВЫИГРАТЬ СОРЕВНОВАНИЕ е ДОВОЛЬНЫЙ БУДЕТ. /разные локусы, нулевое местоимение/
‘Если француз или американец выиграет соревнование, (он) будет доволен.’ (Inf. 8)
  - d. (ЕСЛИ) ФРАНЦУЗ₀ ИЛИ АМЕРИКАНЕЦ₀ ВЫИГРАТЬ СОРЕВНОВАНИЕ е ДОВОЛЬНЫЙ БУДЕТ. /общий локус, нулевое местоимение/
‘Если француз или американец выиграет соревнование, (он) будет доволен.’ (Inf. 8)

(91a) получило маргинальный статус, поскольку Inf. 8 не высказала эксплицитно суждения о его аграмматичности — однако, на тестовый вопрос («Кто будет доволен?») ответила, что не знает. При повторных исполнениях (91a) исследователем информант иногда воспринимала IX-0 как указание на один из прежде установленных локусов, что приводило к неверным интерпретациям предложения. Во всех остальных случаях суждение было одинаковым: «Кто выиграет, тот и будет доволен» (video 91_judgment). На просьбу предоставить свой вариант информант предпочла эквивалент (91d) с той разницей, что локусы для ФРАНЦУЗ и АМЕРИКАНЕЦ не были ею установлены в принципе (по крайней мере, с помощью мануальных

средств)¹⁰⁵. Кроме того, в рамках обсуждения данного примера информант периодически использовала дактилирование местоимения русского языка О-Н для референции к тому, кто выиграет¹⁰⁶.

Схожие данные мы получили для примера с пропозициональной дизъюнкцией¹⁰⁷:

(93)

- a. ??(ЕСЛИ) И-В-А-Н_a КУПИТЬ РЫБА_b ИЛИ П-Ё-Т-Р_c КУПИТЬ КУРИЦА_{IX-d} М-А-Ш-А ГОТОВИТЬ IX-0. /разные локусы, эксплицитное местоимение/
‘Если Иван купит рыбу или Пётр купит курицу, Маша приготовит её.’ (Inf. 8)
- b. (ЕСЛИ) И-В-А-Н_a КУПИТЬ РЫБА_b ИЛИ П-Ё-Т-Р_c КУПИТЬ КУРИЦА_{IX-d} М-А-Ш-А ГОТОВИТЬ е. /разные локусы, нулевое местоимение/
‘Если Иван купит рыбу или Пётр купит курицу, Маша приготовит (её).’ (Inf. 8)

Определение статуса (93a) было затруднено тем, что информанту сначала показалось, что исследователь указал на локус для РЫБА¹⁰⁸. Для (93b) ответ на тестовый вопрос («Что приготовит Маша?») был однозначным: «Что купят, то и приготовят». Когда в процессе обсуждения информанту был предложен письменный русскоязычный эквивалент, она, как и для (91), несколько раз использовала дактилирование русскоязычного местоимения Е-Ё для референции к тому, что приготовит Маша. Сама информант не устанавливалась локусов для именных референтов РЫБА и КУРИЦА, но в процессе обсуждения явным образом изменяла положение корпуса — предположительно, для сопоставления двух ситуаций (см. 2.3.2.3.). Никаких

¹⁰⁵ Оба жеста в РЖЯ можно исполнить без агентивного аффикса (т.е. просто исполнив жесты ФРАНЦИЯ и АМЕРИКА, которые являются прикреплёнными к телу), если в контексте понятно, что речь идёт о людях, а не странах.

¹⁰⁶ Что объясняется влиянием КЖР и русского языка (см. Приложение 1). Кроме того, важно отметить, что дактилируемое местоимение О-Н стало использоваться информантом только после того, как она ознакомилась с письменным русскоязычным эквивалентом примера.

¹⁰⁷ Шленкер также приводит примеры пропозициональной дизъюнкции (Schlenker, 2011b, ex. (81), (82)) по аналогии со следующим примером Мэтью Стоуна (Stone, 1992, ex. (18)):

(92) If Mary catches a fish or John traps a rabbit, Bill cooks it.

В (93) мы приводим упрощённый (с лексической точки зрения) аналог примера Стоуна для РЖЯ.

¹⁰⁸ Жест РЫБА не является прикреплённым к телу, поэтому, как видно из транскрипции, исследователь не стал устанавливать локус для него с помощью эксплицитного указательного жеста, а исполнил его слева от себя.

попыток указать на объект при глаголе ГОТОВИТЬ с помощью эксплицитной отсылки к локусу, в т.ч. нейтральному, ею предпринято не было.

Таким образом, наши выводы относительно пресуппозиций эксплицитных и нулевых местоимений на материале РЖЯ сообразны аналогичным выводам Шленкера на материале ASL и LSF:

- сумма референтов любого местоимения должна представлять собой непустое множество;
- любой эксплицитное указание на локус в РЖЯ также подразумевает, что в данный момент дискурса сумма референтов данного локуса представляет собой непустое множество.

Однако, стоит заметить, что ни один из этих выводов не подразумевает абсолютного тождества нулевых местоимений ЖЯ и эксплицитных местоимений устных языков. Речь в этих выводах идёт только о пресуппозициях, которые содержатся в местоимениях и невыполнение которых ведёт к аграмматичности; эти пресуппозиции одинаковы для нулевых местоимений ЖЯ и местоимений устных языков, однако, пространственный характер эксплицитной референции в ЖЯ накладывает дополнительные ограничения на эксплицитные местоимения ЖЯ.

3.2. Анафорическая отсылка к именным, временным и модальным референтам

3.2.1. Отсылка к именным референтам в РЖЯ и русском языке

Модели анафорической референции к именным референтам в РЖЯ повторяют аналогичные модели для других изученных ЖЯ. Мы приводим

здесь пример, аналогичный (35d, e), чтобы проиллюстрировать это положение:

(94)

- a. ПУТИН_{IX-a} СКАЗАТЬ_b¹⁰⁹ МЕДВЕДЕВ_b IX-а ВЫИГРАТЬ ВЫБОРЫ БУДЕТ.
‘Путин_i сказал Медведеву_j, что он_i выиграет выборы.’ (Inf. 2; + Inf. 1, 3, 5, 6, 7, 8; video 94a-2, 94a-3, 94b-7)
- b. ПУТИН_a СКАЗАТЬ_b МЕДВЕДЕВ_b IX-б ВЫИГРАТЬ ВЫБОРЫ.
‘Путин_i сказал Медведеву_j, что он_j выиграет выборы.’ (Inf. 2; + Inf. 1, 3, 5, 6, 7, 8; video 94b-2, 94b-3, 94b-7)

Предложения (94) были получены нами в том виде, в каком они зафиксированы транскрипцией, на основании их русскоязычных письменных эквивалентов от Inf. 2 с одобрения Inf. 1. Остальным информантам были предоставлены аналогичные версии данных предложений, по которым они выносили суждения о приемлемости и давали ответы на тестовые вопросы. Суждения и интерпретации всех информантов для (94) оказались единообразны.

В (35b) мы уже показали, что в аналогичных примерах из русского языка эксплицитное местоимение *он* допускает неоднозначную интерпретацию. Однако в русском языке есть возможность снятия неоднозначности в подобных контекстах через опущение эксплицитного субъекта во вложенной клаузе, в каком случае e_{Rus} будет безошибочно интерпретироваться как кореферентное субъекту предыдущей клаузы:

(95)

- a. Путин_i сказал Медведеву_j, что $e_{i/*j/*k}$ выиграет выборы — или через введение указательного местоимения *тот* в позиции субъекта во вложенной клаузе, в каком случае местоимение *тот* будет интерпретироваться как кореферентное объекту предыдущей клаузы¹¹⁰:

---

¹⁰⁹ Inf. 2 использовала двойное согласование при глаголе СКАЗАТЬ — некоторые из наших информантов отдавали предпочтение согласованию только с объектом. Отсутствие согласования с субъектом (или нейтральное согласование — в терминах Бахана) в данном случае может быть обусловлено иконичной природой глагола (в исходной форме движение руки идёт как бы от рта говорящего).

- b. Путин_i сказал Медведеву_j, что тот_{*i/j} выиграет выборы.

Впрочем, референция местоимения *тот* в (95b) не так однозначна, как референция IX в (94) или e_{Rus} в (95a) — основным условием его трактовки является некореферентность субъекту предыдущей клаузы, однако, ограничения на его интерпретации довольно сложны¹¹¹. Однако, местоимение *тот* в отличие от IX и e_{Rus} кодирует род, что является дополнительным идентификационным параметром. Сравним:

(96)

- a. Путин_i представил Медведева_j Саркози_k и сказал, что тот_{*i/j/k} выиграет выборы.¹¹²
- b. Путин_i представил Медведева_j Саркози_k и тот_{*i/j/k} сказал, что рад его_{?i/k/j} видеть.
- c. Путин_i представил Медведева_j Меркель_k и сказал, что та_k выиграет выборы.

Мы пробовали протестировать предложения, аналогичные (94), но с опущением IX во вложенной клаузе, как в (95a):

(97) ??ПУТИН_{IX-a} СКАЗАТЬ_b МЕДВЕДЕВ_b ВЫИГРАТЬ ВЫБОРЫ БУДЕТ.

К сожалению, нам не удалось получить однозначных трактовок данного предложения, равно как и суждений о его неоднозначности (чаще всего на тестовый вопрос мы получали однозначный ответ, что выборы выигрывает один из референтов, но единообразия ответов не наблюдалось). Можно предположить, что:

- предложение (97) неграмматично;
- предложение (97) неоднозначно, а на наших информантов повлияли экстралингвистические представления о действительности и/или знание русского языка, где e_{Rus} в позиции субъекта однозначно интерпретируется как кореферентное субъекту предыдущей клаузы.

---

¹¹⁰ Такое же наблюдение делает Прозорова в своей дипломной работе (Прозорова, 2006).

¹¹¹ Подробно референциальные свойства местоимения *тот* описаны у А.А. Кибрика (Кибрик, 1987).

¹¹² В данных примерах стоит игнорировать экстралингвистические представления о действительности.

3.2.2. Отсылка к временным и модальным референтам в РЖЯ

Работа с первой группой информантов (Inf. 1, 2, 3) не увенчалась успехом, возможно, из-за методической ошибки с нашей стороны (см. Приложение 1). Сталкиваясь с примерами временной и модальной анафоры, информанты отрицали возможность использования локусов для временных или модальных референтов. Вместо этого они предпочитали повторять обстоятельства времени или эллиптические клаузы. Тем не менее, в большинстве случаев они устанавливали локусы для референтов (впрочем, в большинстве случаев не эксплицитно — в основном, выполняя жест в зоне, отличной от нейтральной, или с помощью изменения позиции тела, что могло быть бессознательным действием¹¹³), но отказывались активировать их с помощью указательного жеста:

(98)¹¹⁴

- a. ТЕЛЕВИЗОР ЗАВТРА _{IX-a}ФУТБОЛ ПОСЛЕЗАВТРА ХОККЕЙ_b. IX-1 ЗАВТРА ₁СМОТРЕТЬ_{a?/0?} ТЕЛЕВИЗОР_{a?/0?} БУДЕТ. ПОСЛЕЗАВТРА ₁СМОТРЕТЬ_{b?/0?} НЕ-БУДЕТ.

‘По телевизору завтра будет футбол, послезавтра — хоккей. Я завтра смотреть телевизор буду, а послезавтра — не буду смотреть.’ (Inf. 2; + Inf. 1; video 98a)

- b. ТЕЛЕВИЗОР ИНОГДА ₁ПОКАЗЫВАТЬ_a ФУТБОЛ_a ИНОГДА_b ХОККЕЙ_b. IX-1 ₁СМОТРЕТЬ_a КОГДА ФУТБОЛ_a. ХОККЕЙ_b ₁СМОТРЕТЬ_b НЕТ.

‘Иногда по телевизору показывают футбол, иногда — хоккей. Я смотрю, когда (показывают) футбол, а (когда показывают) хоккей — не смотрю.’ (Inf. 2; + Inf. 1; video 98b)

Приведём транскрипцию суждения информанта относительно возможности анафорического использования локусов в (98a):

---

¹¹³ Возможно, это сообразуется с представлением о «сопоставлении двух ситуаций», о котором мы упоминали в 2.3.2.3.

¹¹⁴ В этой группе мы протестировали довольно большое количество примеров, в т.ч. предложения с тремя возможными антецедентами и случаи модальной анафоры, однако, результаты были однотипны, поэтому мы не приводим весь этот материал здесь.

- (99) whq
КАК. IX-_b IX-1 БУДЕТ ₁СМОТРЕТЬ_b ТЕЛЕВИЗОР_b IX-а БУДЕТ-НЕТ
₁СМОТРЕТЬ_a. НУЖНО ЗАВТРА ПОСЛЕЗАВТРА. НУЖНО НУЖНО. ПОТОМУ-ЧТО НЕПОНЯТНО.

‘А как (иначе)? Тогда [IX-_b] я буду смотреть телевизор, а тогда [IX-_a] я не буду смотреть… Нужно завтра, послезавтра. Нужно, нужно! Потому что (иначе) — непонятно.’ (Inf. 2; video 99_judgment)

Однако, изменение методики и работа с другими информантами дали иные результаты. Так, Inf. 4 в контексте неформального общения было предложено оценить приемлемость следующего высказывания:

- (100) ИНОГДА IX-1 УЧИТЬСЯ_{IX-а} ИНОГДА IX-1 РАБОТАТЬ_{IX-_b}. IX-а НРАВИТСЯ. IX-_b НРАВИТСЯ-НЕТ. ‘Иногда я учусь, а иногда работаю. Это [= когда я учусь] мне нравится, но это [= когда я работаю] мне не нравится.’ (Inf. 4)

Информант оценила (100) как вполне приемлемое. Впрочем, мы, безусловно, отдаём себе отчёт в сомнительности интерпретации данного примера как случая временной анафоры. Подобно примерам (48), (49), высказывание (100) может быть проинтерпретировано с точки зрения неоднозначности статуса глаголов УЧИТЬСЯ и РАБОТАТЬ — т.е. вероятно, что отсылка производится к именным референтам, и второе предложение получает следующую (приблизительную) интерпретацию: *Учёба мне нравится, а работа не нравится*. Анализ (100) как примера референции к ситуациям (в каком случае прочтение всего высказывания принимает следующий вид: *Иногда имеет место ситуация «я учусь», иногда имеет место ситуация «я работаю». Мне нравится ситуация «я учусь», но мне не нравится ситуация «я работаю».*) гораздо лучше соответствовал бы нашим задачам, но мы отдаём себе отчёт, что он довольно шаток. Более того, здесь мы опять оказываемся близки к возможности трактовать (100) как случай неопределённого «сопоставления двух ситуаций».

В рамках дальнейшей работы с информантами (Inf. 5, 6, 7, 8) был протестирован ряд примеров, по крайней мере, некоторые из которых, как нам кажется, смогут преодолеть вышеуказанные противоречия. Рассмотрим примеры анафорической отсылки к разнотипным времененным антецедентам и суждения информантов:

(101)¹¹⁵

- a. ИНОГДА IX-1 УЧИТЬСЯ_{IX-a} ИНОГДА РАБОТАТЬ_{IX-b}. IX-a IX-1 ДОВОЛЬНЫЙ. IX-b НЕДОВОЛЬНЫЙ.

‘Иногда я учусь, а иногда работаю. Тогда [= когда я учусь] я довольна, а тогда [= когда я работаю] — недовольна.’ (Inf. 7, 8)

(Inf. 7, тестовый вопрос: «Когда я довольна?»; ответ: IX-a ДОВОЛЬНЫЙ, IX-a. IX-a УЧИТЬСЯ. ‘Тогда [= когда учишься] довольна, тогда. Тогда, (когда) учишься.’)

- b. ПОНЕДЕЛЬНИК IX-1 УЧИТЬСЯ_{IX-a} ВТОРНИК РАБОТАТЬ_{IX-b}. IX-a IX-1 ДОВОЛЬНЫЙ. IX-b НЕДОВОЛЬНЫЙ.

‘В понедельник я учусь, а во вторник работаю. Тогда [= в понедельник] я довольна, а тогда [= во вторник] недовольна.’ (Inf. 7, 8)

(Inf. 7, тестовый вопрос: «Когда я довольна?»; ответ: ПОНЕДЕЛЬНИК. ‘В понедельник.’)

- c. ПОНЕДЕЛЬНИК_{IX-a} IX-1 УЧИТЬСЯ ВТОРНИК_{IX-b} РАБОТАТЬ. IX-b IX-1 ДОВОЛЬНЫЙ. IX-a НЕДОВОЛЬНЫЙ.

‘В понедельник я учусь, а во вторник работаю. Тогда [= во вторник] я довольна, а тогда [= в понедельник] недовольна.’ (Inf. 8)

Мы намеренно ввели в эксперимент видоизменённую версию (101b): в (101c) локусы устанавливались исследователем не после глаголов УЧИТЬСЯ и РАБОТАТЬ, а после выражений временной отнесённости — информант не высказала выражений в отношении такой модификации, и на её интерпретацию высказывания это никак не повлияло.

---

¹¹⁵ На самом деле, примеры, которые мы тестировали с Inf. 8, несколько отличались от представленных в (101); мы позволили себе слегка распространить предложения, содержащие анафорическую отсылку, по следующему принципу:

(101)'

- a. ИНОГДА IX-1 УЧИТЬСЯ_{IX-a} ИНОГДА РАБОТАТЬ_{IX-b}. IX-a IX-1 ДОВОЛЬНЫЙ ИНТЕРЕСНО. IX-b (IX-1) НЕ-ДОВОЛЬНЫЙ СКУЧНО. (Inf. 8)

‘Иногда я учусь, а иногда работаю. Тогда [= когда учусь] я довольна, мне интересно. Тогда [= когда работаю] я недовольна, мне скучно.’

Рассмотрим дополнительные примеры:

(102)

- a. ЗАВТРА ТЕЛЕВИЗОР БУДЕТ ФУТБОЛ_{IX-a} ПОСЛЕЗАВТРА БУДЕТ ХОККЕЙ_{IX-b}. IX-a ТЕЛЕВИЗОР_a 1СМОТРЕТЬ_a БУДЕТ. IX-b 1СМОТРЕТЬ_b НЕ-БУДЕТ.

‘Завтра по телевизору будет футбол, а послезавтра будет хоккей. Тогда [= завтра] я телевизор смотреть буду, а тогда [= послезавтра] смотреть не буду.’ (Inf. 6, 7, 8)

(Inf. 6, суждение: IX-a ФУТБОЛ_a БОЛЕТЬ IX-b ХОККЕЙ_b БОЛЕТЬ НЕТ ‘За футбол болеешь, за хоккей не болеешь.’¹¹⁶;

Inf. 7, тестовый вопрос: «Когда я буду смотреть телевизор?»; ответ: ЗАВТРА. ФУТБОЛ СМОТРЕТЬ. ‘Завтра. Футбол смотреть (будешь).’)

- b. ЗАВТРА_{IX-a} ТЕЛЕВИЗОР (БУДЕТ) ФУТБОЛ ПОСЛЕЗАВТРА_{IX-b} (БУДЕТ) ХОККЕЙ. IX-a ТЕЛЕВИЗОР_a 1СМОТРЕТЬ_a БУДЕТ. IX-b 1СМОТРЕТЬ_b НЕ-БУДЕТ.

‘Завтра по телевизору будет футбол, а послезавтра будет хоккей. Тогда [= завтра] я телевизор смотреть буду, а тогда [= послезавтра] смотреть не буду.’ (Inf. 8)

Следующие примеры примечательны наличием временного подобия локативного сдвига, реализующегося через направление согласующегося глагола; кроме того, в (103b) мы ввели три потенциальных антецедента и протестирували возможность отсылать к расщеплённому антецеденту с помощью местоимения множественного числа и двойственного местоимения:

(103)

- a. СНАЧАЛА IX-1 УЧИТЬСЯ_{IX-a} ПОТОМ РАБОТАТЬ_{IX-b}. IX-a РОДИТЕЛИ_a ПОМОГАТЬ₁. IX-b_b ПОМОГАТЬ₁ НЕТ.

‘Сначала я учился, а потом работал. Тогда [= когда я учился] родители мне помогали, а тогда [= когда работал] — не помогали.’¹¹⁷ (Inf. 6, 8)

---

¹¹⁶ Мы специально привели это суждение, высказанное информантом до того, как исследователь задал тестовый вопрос. Характер суждения может являться косвенным свидетельством того, что информант всё-таки воспринял (102a) как случай именной анафоры с антецедентами ФУТБОЛ и ХОККЕЙ.

¹¹⁷ Для (103a) мы попросили Inf. 6 повторить высказывание:

(103)'

- a. IX-1 СНАЧАЛА УЧИТЬСЯ_{IX-a} -А- ПОТОМ РАБОТАТЬ_{IX-b}. IX-a_a ПОМОГАТЬ₁. -А- IX-b_b Н-Е_b ПОМОГАТЬ₁ РОДИТЕЛИ. (Inf. 6; video 103a)

- b. СНАЧАЛА IX-1 УЧИТЬСЯ ШКОЛА_{IX-a} ПОТОМ УНИВЕРСИТЕТ_{IX-b} ПОТОМ РАБОТАТЬ_{IX-c}. IX-arc-a,b / ЭТИ-ДВОЕ-a,b РОДИТЕЛИ _{a/b}ПОМОГАТЬ₁. IX-c ПОМОГАТЬ₁ НЕТ.

‘Сначала я учился в школе, потом — в университете, а потом работал. Тогда [= когда я учился в школе и когда я учился в университете] родители мне помогали, а тогда [= когда я работал] родители мне не помогали.’¹¹⁸ (Inf. 6, 8)

Также мы протестирували примеры отсылки к модальным антецедентам, в том числе варианты с тремя потенциальными антецедентами и использованием местоимения множественного числа и двойственного местоимения:

(104)

- a. ЗАВТРА IX-1 СДАВАТЬ ЭКЗАМЕН. МОЖЕТ-БЫТЬ БУДЕТ ПЯТЬ_{IX-a} МОЖЕТ-БЫТЬ БУДЕТ ЧЕТЫРЕ_{IX-b}. IX-a IX-1 РАДОВАТЬСЯ. IX-b IX-1 ОГОРЧАТЬСЯ.

‘Завтра я сдаю экзамен. Возможно, я сдам экзамен на пять, а возможно — на четыре. Тогда [= если сдам на пять] я буду рада, а тогда [= если сдам на четыре] я расстроюсь. (Inf. 6, 7)

(Inf. 6, суждение: ЗАВТРА БУДЕТ СДАТЬ ЭКЗАМЕН. ПЯТЬ_a ДОВОЛЬНЫЙ. ЧЕТЫРЕ_b Н-Е ДОВОЛЬНЫЙ. ‘Завтра будешь сдавать экзамен. (Если получишь) пять, будешь довольна, а (если) четыре — недовольна.’)

Inf. 7, тестовый вопрос: «Когда [в каком случае] я буду рада?»; ответ: КОГДА СДАТЬ ПЯТЬ. ‘Когда сдашь на пять.’)

- b. ЗАВТРА ТЕЛЕВИЗОР МОЖЕТ-БЫТЬ ФУТБОЛ_{IX-a} МОЖЕТ-БЫТЬ ХОККЕЙ_{IX-b}. IX-a ТЕЛЕВИЗОР_a 1СМОТРЕТЬ_a БУДЕТ. IX-b 1СМОТРЕТЬ_b НЕ-БУДЕТ.

‘Завтра по телевизору, может быть, будет футбол, а может быть, хоккей. Тогда [= если будет футбол] я буду смотреть телевизор, а тогда [= если будет хоккей] я не буду смотреть телевизор.’ (Inf. 8)

- c. ЗАВТРА ТЕЛЕВИЗОР МОЖЕТ-БЫТЬ ФУТБОЛ_{IX-a} МОЖЕТ-БЫТЬ ХОККЕЙ_{IX-b} МОЖЕТ-БЫТЬ БАЛЕТ_{IX-c}. IX-arc-a,b / ЭТИ-ДВОЕ-a,b ТЕЛЕВИЗОР 1СМОТРЕТЬ_{a/b} БУДЕТ. IX-c 1СМОТРЕТЬ_c НЕ-БУДЕТ.

---

¹¹⁸ Для (103b) мы также попросили Inf. 6 повторить высказывание; примечательно, что информант использовал и двойственное, и множественное местоимение для референции к расщеплённому антецеденту: (103)’

b. IX-1 СНАЧАЛА ?ХОДИТЬ_{a,b} ШКОЛА_{a/b} -И- ИНСТИТУТ. -А- ПОТОМ _{IX-c}РАБОТАТЬ. ЭТИ-ДВОЕ-a,b IX-arc-a,b _{a/b}ПОМОГАТЬ₁. -А- IX-c РАБОТАТЬ КОГДА Н-Е _cПОМОГАТЬ₁ IX-1. (Inf. 6; video 103b)

‘Завтра по телевизору, может быть, (будет) футбол, может быть, хоккей, а может быть, балет. Тогда [= если будет футбол или хоккей] я буду смотреть телевизор, а тогда [= если будет балет] я не буду смотреть (телевизор).’ (Inf. 8)

- d. ЗАВТРА ТЕЛЕВИЗОР МОЖЕТ-БЫТЬ ФУТБОЛ_{IX-a} МОЖЕТ-БЫТЬ ХОККЕЙ_{IX-b}
МОЖЕТ-БЫТЬ БАЛЕТ_{IX-c}. IX-с ТЕЛЕВИЗОР ₁СМОТРЕТЬ_c БУДЕТ. ЭТИ-ДВОЕ-а, б
₁СМОТРЕТЬ_{a/b} НЕ-БУДЕТ.

‘Завтра по телевизору, может быть, (будет) футбол, может быть, хоккей, а может быть, балет. Тогда [= если будет балет] я буду смотреть телевизор, а тогда [= если футбол или хоккей] я не буду смотреть (телевизор).’ (Inf. 8)

Наибольшие затруднения у всех информантов вызвала следующая парадигма примеров:

(105)

- a. ??ЗАВТРА М-А-Ш-А_{IX-c} МОЖЕТ-БЫТЬ УХОДИТЬ УНИВЕРСИТЕТ_{IX-a} МОЖЕТ-БЫТЬ УХОДИТЬ РАБОТА_{IX-b}. IX-a ₁ВСТРЕТИТЬСЯ_a. IX-b ₁ВСТРЕТИТЬСЯ_b НЕТ.

‘Завтра Маша, может быть, пойдёт в университет, а может быть, пойдёт на работу. Тогда [= если она пойдёт на университет] я увижу её с ней, а тогда [= если она пойдёт на работу] я не увижу её с ней.’ (Inf. 7)

(Inf. 7; не понял, попросил повторить, после чего ответил на уточнённый тестовый вопрос; изначальный тестовый вопрос: «Когда я увижу с Машей?»; изначальный ответ: ЗАВТРА. ‘Завтра.’; уточнённый тестовый вопрос: «Когда я увижу с Машей: если она пойдёт в университет или если она пойдёт на работу?»; ответ: _сУХОДИТЬ_a УНИВЕРСИТЕТ. ‘(Если) пойдёт в университет.’)

(106)

Контекст:

t

М-А-III-А_{IX-d} IX-1 НЕ-ЗНАТЬ ЧТО ДЕЛАТЬ (БУДЕТ) ЗАВТРА.

‘Маша, я не знаю, что делает завтра. [= Что до Маши, то я не знаю, что она делает завтра.]’

- a. ??МОЖЕТ-БЫТЬ (IX-d) _dУХОДИТЬ_a УНИВЕРСИТЕТ_{IX-a} МОЖЕТ-БЫТЬ _dУХОДИТЬ_b
РАБОТА_{IX-b}. IX-a IX-1 ₁ВСТРЕТИТЬСЯ_a. IX-b ₁ВСТРЕТИТЬСЯ_b НЕТ.

‘Может быть, она пойдёт в университет, может быть, пойдёт на работу. Тогда [= если пойдёт в университет] я с ней увижуся. Тогда [= если пойдёт на работу] я с ней не увижуся.’ (Inf. 8)

- b. ??МОЖЕТ-БЫТЬ (IX-d) _dУХОДИТЬ_a УНИВЕРСИТЕТ_{IX-a} МОЖЕТ-БЫТЬ _dУХОДИТЬ_b РАБОТА_{IX-b} МОЖЕТ-БЫТЬ ДОМ БУДЕТ_{IX-c}. IX-arc-a,b / ЭТИ-ДВОЕ-a,b IX-1 ₁ВСТРЕТИТЬСЯ_{a/b}. IX-c ₁ВСТРЕТИТЬСЯ_c НЕТ.

‘Может быть, она пойдёт в университет, может быть, пойдёт на работу, а может быть, дома будет. Тогда [= если пойдёт в университет или на работу] я с ней увижуся. Тогда [= если будет дома] я с ней не увижуся.’ (Inf. 8)

- c. МОЖЕТ-БЫТЬ (IX-d) _dУХОДИТЬ₀ УНИВЕРСИТЕТ CL:3.IX-a МОЖЕТ-БЫТЬ _dУХОДИТЬ₀ РАБОТА CL:3.IX-b МОЖЕТ-БЫТЬ ДОМ БУДЕТ CL:3.IX-c. CL:3.IX-a,b IX-1 ₁ВСТРЕТИТЬСЯ_d. CL:3.IX-c ₁ВСТРЕТИТЬСЯ_d НЕТ.

‘Может быть, она пойдёт в университет, может быть, пойдёт на работу, а может быть, дома будет. Тогда/в первых двух случаях [= если пойдёт в университет или на работу] я с ней увижуся. Тогда/в последнем случае [= если пойдёт на работу или будет дома] я с ней не увижуся.’¹¹⁹ (Inf. 8)

Суждения Inf. 8 относительно всей парадигмы (106) были очень неоднозначными; мы не уверены, стоит ли отнести этот факт за счёт неграмматичности примеров или некомпетентности исследователя. Примечательно, что меньше всего проблем вызвал вариант (106c), в рамках которого анафорическая референция производилась не в жестовом пространстве, а с использованием буйка-списка (см. 2.2.3.). Мы не готовы делать какие бы то ни было выводы на основании одного примера, но, тем не менее, убеждены, что необходимы дальнейшие тесты с обязательным включением вариантов с использованием буйка-списка в парадигму тестируемых высказываний.

Подведём итоги по проблеме анафорической отсылки к временным и модальным референтам в ЖЯ. В принципе, проверенный на материале ASL и LSF тезис Шленкера, что для временных и модальных референтов в ЖЯ можно устанавливать локусы и производить к ним анафорическую отсылку,

---

¹¹⁹ Мы неслучайно используем в переводе варианта (106c) выражения типа *в первом/втором/последнем случае*. Предположительно, подобные выражения и их кросслингвистические аналоги являются эквивалентами использования локусов для отсылки к модальным референтам в устных языках (подобно тому, как для отсылки к именным референтам используются выражения типа *the former — the latter* в (33)).

подтвердился на материале РЖЯ. Однако сильна вариативность данных для разных информантов — мы склонны предполагать, что эта вариативность обусловлена индивидуальными предпочтениями информантов, а не диалектными особенностями (см. социолингвистические показатели информантов в Приложении 1).

Также на материале РЖЯ подтвердился тезис о возможности использования местоимения множественного числа и двойственного местоимения для референции к расщеплённым временным и модальным антецедентам. Мы не тестировали примеров аналогичного употребления местоимения тройственного числа. Кроме того, мы предприняли попытку проверить возможность использования буйка-списка в качестве референциального средства в сфере временной и модальной референции, однако, имеющихся данных недостаточно для каких бы то ни было выводов. Необходимо проведение дальнейших тестов на возможность использования данного референциального механизма для отсылки к временным и модальным референтам.

Мы не тестировали целенаправленно минимальные пары для проверки наличия/отсутствия E-type прочтения местоимений (подобные (53), (54)), однако, суждения информантов подтверждают возможность E-type интерпретаций во временных и модальных анафорических моделях РЖЯ.

Наконец, примеры (103), (103)' показали возможность временного аналога локативного сдвига в РЖЯ, однако, данных для выявления иерархии предпочтений различных вариантов оногого у нас недостаточно. Кроме того, нашу попытку протестировать возможность модального аналога локативного сдвига в (105), (106) можно считать неудачной из-за общего маргинального статуса примера.

В заключение отметим, что мы склонны предварительно предположить, что примеры т.н. временной и модальной анафоры стоит рассматривать как референцию к единой категории «ситуаций».

3.3. Референциальный сдвиг в РЖЯ и его русскоязычные аналоги

Эмпирические данные, включённые в этот раздел, были получены нами не в процессе непосредственной работы с информантами, а путём анализа имеющегося языкового корпуса. Для удобства обработки транскрипции некоторых примеров содержат сознательно произведённые нами упрощения (например, удаление повторяющихся элементов в (107)), которые не оказывают влияния на репрезентацию структуры исследуемых конструкций.

3.3.1. Поведение дейктических элементов в рамках референциального сдвига в РЖЯ

Практически во всех рассмотренных нами примерах в том или ином виде встречалась смешённая референция первого лица. Приведём наиболее простой пример сконструированного диалога:

(107)

К-О-Л-Я _a	1/0	ГОВОРИТЬ _b	<u>q-rs-a</u>	IX-1	УХОДИТЬ.
			<u>q-rs-b</u>		
			<u>whq</u>		
С-А-Ш-А _b		КУДА.			

q-rs-a

IX-1 ДОМОЙ SELF ДОМОЙ.

‘Коля_i говорит, мол, я_{*1/i} ухожу. Саша_j такой, «Куда?» «Домой, к себе_{*1/i} домой»’ (video 107)

В (107) мы можем наблюдать только цитационный РС, в рамках которого смещается референция эксплицитного местоимения первого лица: в первом и

третьем предложении IX-1 кореферентно говорящему передаваемого контекста, т.е. Коле.

Теперь рассмотрим пример, в котором РС выражается не только через смещение референции IX-1, но и через использование локуса говорящего актуального контекста для референции к агенту передаваемого контекста при направлении согласующегося глагола:

(108)

С-А-Ш-А_a ЗАМЕТИТЬ ЧТО IX-Ь CL:ПЛОСКИЙ-ПРЕДМЕТ.УПАСТЬ ЧТО IX-Ь.

ЛАДНО IX-1 ₁СМОТРЕТЬ_в IX-Ь. С-А-Ш-А_a CL:ЧЕЛОВЕК._aИДТИ_в ₁СМОТРЕТЬ_{в-}^{rs-a}^{q-rs-a}¹²⁰

‘Саша заметил, что там что-то упало. Думает, мол, ладно, пойду посмотрю. Саша подошёл такой и смотрит.’ (video 108)

Первый случай РС в (108) — цитационный. Второй же случай представляет собой пример сконструированного действия. При этом, говорящий использует механизм, описанный нами в 2.3.3.2. (в транскрипции это не отражено): во время исполнения руками классификаторной конструкции CL:ЧЕЛОВЕК-_aИДТИ_в положение корпуса и головы, направление взгляда и выражение лица говорящего передают перспективу цитируемого персонажа (Саши). Затем говорящий выполняет согласующийся глагол в рамках РС (начальная точка движения глагола СМОТРЕТЬ соответствует локусу говорящего актуального контекста, но в рамках РС кодирует в качестве субъекта цитируемого персонажа — Сашу).

Приведём ещё один пример нецитационного использования РС, в котором все согласующиеся глаголы проявляют субъектное согласование с локусом говорящего актуального контекста, принявшего перспективу референта ПАПА:

---

¹²⁰ Обозначение локуса b^- значит, что локус сместился ниже уровня взгляда говорящего; это связано с представлением говорящего об описываемой ситуации (неизвестный предмет упал вниз).

(109)

ПАПА_a ДЕЛАТЬ КАК.

1ОСМАТРИВАТЬСЯ IX-b⁺ 1ВИДЕТЬ_{b+} ГЛАВНЫЙ Г-Л-А-В-А-Р-Ь IX-b⁺¹²¹ rs-a
1/0ОБРАЩАТЬСЯ_{b+} КАРТОЧКА CL:ПЛОСКИЕ-ПРЕДМЕТЫ-ВЕЕРОМ ХОРОШИЙ
CL:ПЛОСКИЙ-ПРЕДМЕТ. 1ДАВАТЬ_{b+} 1/0ДАРИТЬ_{b+} IX-b⁺. rs-a

‘Папа как делал: такой наблюдает, видит — вон, главный, главарь. Такой подходит к нему и дарит ему несколько хороших карточек.’ (video 109)

Теперь приведём пример смещения референции ко второму лицу в рамках РС, который был бы сообразен примерам Кера (67a, b):

(110)

НАЧАЛЬНИК IX-a ЛЮБИТЬ 0ТРОГАТЬ-ЗА-ПЛЕЧО_b¹²² rs-a
POSS-b/2 ДРУГ ГЛУХОНЕМОЙ IX-c⁻ ВЫПИВАТЬ-asp.¹²³ q-rs-a

‘Начальник любил такой трогать меня за плечо, мол, твой друг глухонемой пьёт всё время.’ (video 110)

В (110) местоимение POSS-b/2 направлено к локусу b, не совпадающему с локусом адресата актуального высказывания, однако, в рамках цитационного РС локус b представляет адресата цитируемого высказывания, что выражается в направлении и характере взгляда говорящего, принявшего перспективу референта НАЧАЛЬНИК. Таким образом, местоимение POSS-b/2 обладает морфологией второго лица.

¹²¹ Обозначение локуса b⁺ значит, что локус установлен выше уровня взгляда говорящего; это связано с представлением говорящего об описываемой ситуации (главарь находится в окне вагона, а папа — на перроне).

¹²² Мы отмечаем здесь наличие нецитационного РС, поскольку локус b, к которому направлен глагол ТРОГАТЬ-ЗА-ПЛЕЧО, представляет говорящего актуального контекста (правда, в другом временном, или ситуационном, контексте). Подобный случай мы более подробно разбираем в (113).

¹²³ Обозначение локуса c⁻ значит, что локус установлен ниже уровня взгляда говорящего; это связано с представлением говорящего об описываемой ситуации (рабочий пьян и лежит на земле).

Нам также удалось найти примеры поведения локативных дейктиков в области действия РС. В частности, дейктики ЗДЕСЬ и СЮДА проявили принципиальную возможность к сдвигу в следующих примерах:

(111)

МЫШКА_a ДУМАТЬ IX-1 БУДЕТ ЗДЕСЬ ЖИТЬ

‘Мышка_i думает, мол, я_{*1/i} буду здесь [= в теремке] жить.’ (video 111)

(112)

	eye-gaze-b	eye-gaze-c	eye-gaze-c
y/nq ¹²⁴	q-rs-a		rs-a
ФАШИСТ _a	УДИВЛЯТЬСЯ	ЛАДНО _c ПОДЗЫВАТЬ ₁ ¹²⁵	ФАШИСТ _{?c} ¹²⁶ ПОДЗЫВАТЬ ₁
	rs-a		
	eye-gaze-c		
	q-rs-a		
НИЖЕ СОЛДАТ	с/2ПОДЗЫВАТЬ ₁	СЮДА.	(video 112)

‘Фашист_i такой удивился. Ну, ладно, мол. Такой подзывает другого фашиста, рядового — иди, мол, сюда [= к фашисту_i].’

В (112), помимо смешённой референции локативного дейктика СЮДА, мы встречаемся с включением цитационного РС в нецитационный, что наглядно показывает, насколько многомерно явление РС. Кроме того, (112) является доказательством смещения референции второго лица в рамках РС. Мы неслучайно отметили в транскрипции изменение направления взгляда говорящего¹²⁷: говорящий сигнализирует, что принимает перспективу персонажа ФАШИСТ_a, в рамках которой он сначала обращается к одному адресату (обозначеному локусом b), затем меняет направление взгляда,

¹²⁴ Здесь и в аналогичном случае в (113) мы понимаем немануальное выражение общего вопроса как показатель удивлённого переспроса и заведомо относим этот переспрос к цитационному РС (передающему реальную или приписываемую вербальную реакцию цитируемого лица), но не отмечаем это в транскрипции, чтобы не перегружать онью. Аналогом может служить англоязычное: He's like, “Oh really?”.

¹²⁵ Глагол ПОДЗЫВАТЬ относится к глаголам с обратным согласованием.

¹²⁶ Мы проинтерпретировали это вхождение жеста ФАШИСТ как обозначение объекта глагола ПОДЗЫВАТЬ; можно понять этот жест как повтор субъекта РС, призванный напомнить актуальному адресату — в таком случае на время исполнения этого жеста говорящий производит «разрыв» в РС.

¹²⁷ Чтобы не перегружать транскрипцию, мы не отмечали направление взгляда в камеру (т.е. на актуального адресата) вне и внутри РС. Мы не отмечали каждый отдельный взгляд на актуального адресата в рамках РС как «разрыв» РС, хотя, безусловно, такие случаи следует интерпретировать как — по меньшей мере, частичный — возврат к собственной перспективе, встречающийся, как правило, при вводе новых референтов (говорящий как бы договаривается с адресатом о референтах).

имитируя действие персонажа и устанавливая с помощью направления взгляда и согласующегося глагола локус для ФАШИСТ_c¹²⁸. Когда впоследствии говорящий, по-прежнему действуя с точки зрения персонажа ФАШИСТ_a, обращается к референту ФАШИСТ_c, локус *c* служит для референции ко второму лицу в рамках цитационного РС (то, что именно референция ко второму лицу, определяется по характеру и направлению взгляда). Таким образом, смещение референции второго лица происходит и внутри РС, в рамках передачи перспективы одного и того же персонажа — каждый раз, когда меняется адресат, к которому тем или иным способом обращается цитируемый персонаж.

Приведём ещё один комплексный пример:

(113)

					rs-a
		<u>eye-gaze-b</u>			
IX-а НАЧАЛЬНИК _a НЕ-НРАВИТЬСЯ ТАК			ГЛУХОЙ ЧИТАТЬ-asp ПОСТОЯННО.		
		rs-a			rs-b
	<u>eye-gaze-b</u>	<u>eye-gaze-b</u>			
			q-rs-a	?	eye-gaze-a
ВЗОРВАТЬСЯ ГАЗЕТА _b ВЫРВАТЬ ₁ ЗАПРЕЩАТЬ. IX-1					y/nq
					УДИВЛЯТЬСЯ
		rs-b			
ТОЖЕ ВСТАТЬ ВЗОРВАТЬСЯ ИДТИ...					(video 113)

‘Начальнику-де не нравилось, что глухой постоянно читает. Он такой не выдержал, газету у меня вырвал — мол, запрещаю. Я такой удивился, тоже встал, не выдержал, пошёл...’

В (113) мы имеем дело с интересным явлением: говорящий актуального контекста *c* устанавливает локус *b* для себя же (ср. (74)), но в другом временном (сituационном) контексте *c_i*. При этом, установка локуса *b* происходит в рамках РС, субъектом которого является референт НАЧАЛЬНИК, и устанавливается он при помощи направления взгляда (в рамках сконструированного действия начальник смотрит на своего подчинённого, читающего газету). Затем локус *b* используется для

¹²⁸ Мы не интерпретируем первые два вхождения согласующегося глагола ПОДЗЫВАТЬ как обращение в рамках цитационного РС, однако, мы не уверены в правильности нашей трактовки морфологии этих двух форм и признаём, что иная интерпретация возможна.

референции к говорящему c_i в качестве непрямого объекта глагола с обратным согласованием ВЫРВАТЬ. Примечательно, что в последнем предложении говорящий вводит РС к говорящему c_i (не являющемуся, как мы помним, говорящим актуального контекста, поскольку $c \neq c_i$) с помощью IX-1 (а не IX-b, что было бы логично). Возможная интерпретация этого явления такова: локус b вводится только на время РС к референту НАЧАЛЬНИК, поскольку локус 1 оказывается недоступен для референции к говорящему актуального контекста — в остальное время для референции к говорящему c_i используется локус 1.

Подведём итоги по семантике РС в РЖЯ:

- референция к первому лицу в области действия как цитационного, так и нецитационного РС смещается систематически, при этом:
  - подтверждается тезис Энгберг-Педерсен о невозможности использования эксплицитного местоимения первого лица IX-1 в рамках нецитационного РС;
- референция ко второму лицу также демонстрирует «подвижное» поведение в области действия (заведомо цитационного) РС;
- локативные дейктики ЗДЕСЬ и СЮДА также продемонстрировали возможность сдвига в рамках РС (исследованы только примеры цитационного РС);
- цитационный РС может включаться в нецитационный, создавая многомерное сконструированное действие;
- первые три вывода, а также тот факт, что ни в одном из примеров мы не встретили независимого поведения дейктиков в рамках РС (т.е. случаев, когда одни дейктики сдвигаются, а другие — нет), сообразуются с правилом совместного сдвига Ананда и Невинса.

Мы не предпринимаем попыток анализировать грамматическое время внутри РС в РЖЯ (практически все глагольные формы в (107—113) лишены

маркеров грамматического времени), поскольку опущение маркеров грамматического времени — стандартное явление в ЖЯ, и мы не готовы заключить, какие из случаев подобного опущения обусловлены РС, а какие — другими факторами. Впрочем, это не значит, что в дальнейших исследованиях эту проблему также стоит игнорировать — мы не отрицаем возможности разработки эффективного анализа смещения грамматических времён в рамках РС.

К сожалению, нам не удалось найти примеры смещения референции иных элементов, кроме локуса первого лица, в рамках нецитационного РС. Если смещение референции второго лица при нецитационном РС заведомо невозможно (по причине невозможности референции ко второму лицу в отсутствие речевого акта), то теоретически смещение хронотопических дейктиков в рамках нецитационного РС может быть допустимо. Поиск и/или тестирование подобных примеров должны стать одной из приоритетных задач дальнейших исследований в области семантики РС в РЖЯ и других ЖЯ, поскольку результаты подобных исследований помогут определить степень отличия нецитационного РС от цитационного и, таким образом, зададут направление дальнейшего анализа обоих типов РС.

3.3.2. Лингвистические эквиваленты РС в русском языке

В принципе, многие параллели между РС в РЖЯ и отдельными конструкциями русского языка становятся понятны уже из russkoязычных переводов примеров (107—113). Однако, мы повторим в этом разделе аналоги некоторых ключевых примеров, чтобы сделать на их основе несколько обобщений.

3.3.2.1. Употребление разговорных конструкций со словом *такой*

Несмотря на маргинальность подобных конструкций¹²⁹, мы всё-таки включаем их в наш анализ, поскольку они оказались весьма эффективны в переводах примеров (107—113). Разговорные русскоязычные конструкции со словом *такой* представляются во многом эквивалентными англоязычным конструкциям с *like* (см. (57, 58)). В первом приближении элемент *такой* может маркировать случаи передачи реальных или приписываемых высказываний или мыслей, при этом optionalno сочетаясь с глаголами речи и мысли, а также с цитатными элементами вроде *мол* или ещё одним разговорным элементом *tina*¹³⁰:

(114)¹³¹

- a. Он такой говорит (,типа/мол), иди сюда. [Agr-2 — адресат передаваемого / *актуального контекста; *сюда* — дейктический центр определяется передаваемым / *актуальным контекстом]
- b. Он такой (,типа/мол): иди сюда. [Agr-2 — адресат передаваемого / *актуального контекста; *сюда* — дейктический центр определяется передаваемым / *актуальным контекстом]
- c. Он такой мне (,типа/??мол): ты кто? [Pro-2 — адресат передаваемого / *актуального контекста]
- d. Он такой (,типа/??мол): да ладно?!
- e. Он такой думает (,типа/мол): пойду-ка я отсюда. [Pro-1 — говорящий передаваемого / *актуального контекста; *отсюда* — дейктический центр определяется передаваемым / *актуальным контекстом]

При этом, (114a—c) могут передавать реальные слова цитируемого лица, (114e) определённо передаёт приписываемые мысли, а (114d) теоретически

---

¹²⁹ Все примеры в данном подразделе сформированы нами на основе реальных примеров из Интернета и личного опыта.

¹³⁰ Мы не рассматриваем семантику этого элемента отдельно, просто указываем, что он может optionalno присутствовать в конструкциях, подобных (114); однако, стоит отметить, что, по крайней мере, на первый взгляд, элемент *tina* может выполнять несколько раздельных функций, связанных с передачей цитируемого материала.

¹³¹ Наша пунктуация в подобных примерах бессистемна, поскольку эти конструкции встречаются, как правило, в устной речи, а примеры их письменного изложения (в частности, в Интернете) также не отличаются единообразием в вопросах пунктуации.

может передавать как реальные слова, так и, например, вербальное переложение невербальной реакции в виде приписываемого высказывания.

Кроме того, *такой* может маркировать передачу чужих действий, при этом, подобно (58), цитируемый материал может быть выражен невербально:

(115)

- a. Он такой посмотрел на меня. [Pro-1 — говорящий *передаваемого / актуального контекста]
- b. Он такой встал и вышел оттуда. [*оттуда* — дейктический центр определяется *передаваемым / актуальным контекстом]
- c. Он такой [говорящий закрывает ладонью лицо — жест *facepalm*].

Однако, глаголы речи и мысли в (114a, e) тоже можно представить как чужое действие (акт речи), передачу которого маркирует слово *такой*. Более того, можно допустить, что в (114b, c, d) происходит эллипсис подобных глаголов. В таком случае предположительно возможен вывод, что *такой* всегда маркирует исключительно передачу чужих действий, но не слов или мыслей. Тогда в примерах, подобных (114), цитируемый материал вводится либо с помощью эксплицитного или имплицитного глагола речи или мысли (и является, соответственно, прямой или косвенной речью), либо с помощью дополнительного цитатного элемента вроде *мол* (и является несобственно-прямой речью).

Как бы то ни было, для нас основное значение имеет тот факт, что в примерах, где цитируемый материал представляет собой реальные или приписываемые слова или мысли цитируемого лица (114), происходит смещение референции местоимений и хронотопических дейктиков, а в примерах, где цитируемый материал содержит действия (115), такого смещения не происходит.

Следует также отметить, что в примерах, подобных (115), возможно смещение грамматического времени — точно так же, как смещается грамматическое время глаголов мысли и речи в примерах, подобных (114):

(116)

- a. Он такой посмотрел / смотрит на меня. [Present — временная отнесённость определяется относительно актуального/передаваемого контекста]
- b. Он такой встал и вышел / встаёт и выходит оттуда. [Present — временная отнесённость определяется относительно актуального/передаваемого контекста]

Однако, подобное смещение грамматического времени может происходить и вне эксплицитного цитирования — например, в случаях употребления исторического настоящего. Несмотря на то, что в таких случаях, безусловно, происходит подобие РС, мы склонны отделять общее смещение временной перспективы в нарративах от смещения референции дейктиков при передаче цитируемого материала (т.е. мы склонны предполагать, что эти две операции выполняются разными семантическими операторами¹³²). Как бы то ни было, в рамках данной работы мы не готовы анализировать смещение референции грамматических времён.

Наконец, отметим, что в (115c) сконструированное действие (жест *facepalm*) выполняется самим говорящим на собственном теле. Это, на первый взгляд, тривиальное замечание имеет довольно большое значение в контексте дискуссии о роли РС в ЖЯ. Вспомним тезис Зукки (см. сноска 72), согласно которому распространённость РС в ЖЯ обусловлена прикреплённостью многих жестов к телу говорящего. Не исключено, что потребность в исполнении жестов «от первого лица» в рамках нецитационного РС действительно во многом обусловлена модальностью.

---

¹³² При этом следует опять же отделять общее смещение временной перспективы от смещения грамматического времени внутри передаваемого материала, подобное примеру (65).

3.3.2.2. Частицы *мол*, *дескать*, *де* как операторы контекстного сдвига в русском языке

Итак, как уже было показано в (2.3.3.8.), частица *мол* и ей подобные способны влиять на референцию дейктических элементов, которые оказываются в области их действия. В рамках нашего анализа мы принимаем точку зрения Успенского, что данные частицы функционируют как эксплицитные семантические операторы¹³³.

Приведём ряд примеров:

(117)¹³⁴

- a. То есть Иванчук_i, к примеру, как лидер, не мог сказать, что, мол, [я_i завтра не играю — и точка]. (из прессы, цитируется по НКРЯ)
- b. Я_i ей_j скажу, что [вот], мол, [как, вот какое дело; что ж теперь нам_{i+j} делать, душа ты_{j/*2} моя?..] (И.С. Тургенев, цитируется по (Григоренко, 2009))
- c. Водитель_i же со стороны думает, мол, [я_i еду всего-то 80 км, что ты_{j/*2} никак не перебежиши]. (из Интернета)
- d. ...вы_i, может быть, думаете: [я_i], дескать, [молчалива, как овечка, стало быть я_i права...]. (И.С. Тургенев, цитируется по НКРЯ)
- e. Причем степень уверенности в прочности своего положения у г-на Наздратенко_i была столь велика, что он_i позволил себе не выполнять решение по распределению рыбных квот, завизированное премьером почти два месяца назад. Мол, [я_i великодушно согласился ради Кремля покинуть Приморский край, где у меня все схвачено, значит, теперь что хочу, то и ворочу]. (из прессы, цитируется по НКРЯ)
- f. Это заиграл первый тетерев_i. Даже не заиграл, а только попробовал, только показал: [здесь], мол, [я_i]. (Ю.И. Коваль, цитируется по НКРЯ)
- g. Но, как правило, большинство_i вообще живет по принципу Ильфа и Петрова — мол, [я_i ехал на извозчике, и значит, автомобильные выхлопы меня_i не могут отравить]. (из прессы, цитируется по НКРЯ)
- h. Он_i не думал о себе_i: [я_i], мол, [таким не стану]. (Г.Н. Щербакова, цитируется по НКРЯ)

¹³³ При этом, в примерах вроде (71) подобные операторы оказываются скрытыми — мы не рассматриваем здесь такие случаи, но имеем их в виду.

¹³⁴ В квадратные скобки мы заключаем цитируемый материал.

- i. Ведь курильщик_i не скажет — мол, [да это ужасно и здоровье я_i себе_i ежедневно порчу, и зависим я_i от этой гадости]. (из Интернета)

Примеры (117a, b) содержат эксплицитный глагол речи и оператор *мол*, в области действия которого происходит смещение референции следующих дейктических элементов: референции первого лица (местоимения *я* и согласования глагола) и временного дейктика *завтра* в (117a), референции второго лица (местоимения *ты*) и временного дейктика *теперь* в (117b). Примеры (117c, d) содержат эксплицитный глагол мысли, операторы *мол* и *дескать* соответственно, в области которых сдвигаются следующие элементы: референция первого и второго лица (местоимения *я* и *ты* и согласование глаголов) в (117c), референция первого лица (местоимение *я*) в (117d).

(117e), в свою очередь, не содержит эксплицитных глаголов мысли или речи, однако, цитируемый материал в области действия оператора *мол* представляет собой приписываемые цитируемому лицу мысли. При этом, происходит смещение референции первого лица (местоимение *я* и согласование глаголов).

Не менее любопытен пример (177f), где частица *мол* вводит пояснение к поведению персонажа (тетерева) в виде воображаемого высказывания, раскрывающего коммуникативные интенции цитируемого (как их видит говорящий актуального контекста, т.е. опять же приписываемые). При этом внутри этого высказывания дейктическим центром является цитируемый персонаж, что проявляется в референции местоимения первого лица *я* и временного дейктика *здесь*.

Пример (117g) интересен тем, что в нём местоимения первого лица *я* и *меня* со смещённой референцией получают связанное прочтение, будучи связаны

квантором *большинство*. Таким образом, (117g) сообразуется с примерами Кера для LSC (69).

Наконец, примеры (117h, e) примечательны тем, что в них цитируемый материал оказывается в области действия отрицания. В 2.3.3.4. мы писали, что Бостонская группа отрицает возможность подобного явления для РС в ASL. Таким образом, здесь мы сталкиваемся со следующей дилеммой: либо эмпирические данные Бостонской группы не совсем корректны, либо в возможности/невозможности отрицания заключается принципиальное различие между РС в ЖЯ (или, по меньшей мере, ASL) и несобственно-прямой речью в устных языках (или, по меньшей мере, в русском языке). Вернёмся в этой связи к примеру (117a), в котором цитируемый материал находится в области действия деонтического модального оператора, выраженной предикатом *не мог*, что также вступает в противоречие с данными Бостонской группы по ASL.

Кроме того, (117e) является ещё одним примером связанной интерпретации местоимений первого лица со смешённой референцией, поскольку ИГ *курильщик*, выступающая в качестве антецедента, не обладает определённой референцией, а отсылает к любому представителю множества курильщиков, т.е. по сути оказывается связанным имплицитным квантором всеобщности.

Все примеры в (117) демонстрируют единообразное поведение дейктических элементов внутри цитируемого материала, что сообразуется с правилом совместного сдвига Ананда и Невинса. Рассмотрим примеры, демонстрирующие большее разнообразие в поведении дейктиков. Сравним следующие высказывания¹³⁵:

(118) Контекст: Я встретил Ивана на прошлой неделе, и он мне сказал: «Я был болен позавчера».

---

¹³⁵ Здесь мы адаптируем примеры (64).

- a. Я_i встретил Ивана_j на прошлой неделе, и он_j мне_i сказал, что [он_j был болен *позавчера/два дня тому назад].
- b. Я_i встретил Ивана_j на прошлой неделе, и он_j мне сказал, что [он_j], мол, [был болен позавчера/два дня тому назад].
- c. Я_i встретил Ивана_j на прошлой неделе, и он_j мне сказал: [я_j], мол, [был болен позавчера/??два дня тому назад].

Несмотря на различия в употреблении местоимений между (118b) и (118c), оба варианта допускают возможность использования дейктика *позавчера*, в то время как (118a) такой возможности не допускает. Из этого можно сделать два принципиальных вывода: во-первых, случаи употребления частиц вроде *мол*, подобные (118b), не являются чистыми случаями косвенной речи; во-вторых, данные, представленные в (118b), противоречат правилу совместного сдвига Ананда и Невинса. Также отметим маргинальную грамматичность (118c), которая с pragматической точки зрения, вероятно, объясняется тем, что (118c), в отличие от (118b) является чистым примером несобственно-прямой речи и требует большей точности в передаче чужих слов, а с формальной точки зрения приводит нас к формулировке следующего наблюдения: при смещении референции лиц в области действия операторов вроде *мол*, референция хронотопических дейктиков также должна смещаться.

На всякий случай, приведём пример, аналогичный (118b), из корпуса русского языка:

- (119) Возле квартиры Конобеевых (которую я стерег и в которой жил) шастал туда-сюда Михаил_i. Сказал, что [приехал меня_j проводать, я_j], мол, [вчера был у него_i какой-то смурной и придавленный: плохо и мало пил чай]. (В.С. Маканин, цитируется по НКРЯ)

В (119) референция первого лица в области действия оператора *мол* не смещается, в то время как референция временного дейктика *вчера* смещается.

Прежде чем мы перейдём к подведению итогов, позволим себе рассмотреть ещё один пример и заодно проиллюстрировать возможность смешения различных видов передачи чужих слов, мыслей и т.п. Подобно Успенскому, мы разделяем явления внутреннего монолога и несобственно-прямой речи. Однако, такое разделение не исключает возможности включения последней в пространство первого:

- (120) Возникает вопрос, уж не в милицию ли спешил Максимилиан Андреевич, жаловаться на разбойников, учинивших над ним дикое насилие среди бела дня? *Нет, ни в коем случае*, это можно сказать уверенно. *Войти в милицию и сказать, что [вот], мол, [сейчас кот в очках читал мой паспорт, а потом человек в трико, с ножом...]* (М.А. Булгаков, цитируется по НКРЯ)

Курсивом мы выделили те отрезки текста, которые кажутся нам стилистически и лексически приближенными к внутренней речи персонажа, а квадратными скобками мы выделили несобственно-прямую речь, в рамках которой передаётся перспектива персонажа и происходит сдвиг дейктика *мой*. Несколько сложнее обстоит дело с дейктиком *сейчас*. В данном примере *сейчас* следует интерпретировать не как «в момент речи (передаваемой или актуальной)», а как «в какой-то момент времени, на небольшой период отнесённый в прошлое относительно момента речи». При этом, цитируемое высказывание является гипотетическим — оно не было произнесено. Исходя из этого, высказывание *S* произносится говорящим s_i в мире w_i в неопределённый момент времени t_i и, если принять, что дейктик *сейчас* сдвигается, то его референция (равно как и грамматического времени глагола *читал*, т.е. по сути временная отнесённость всего цитируемого материала t_j) высчитывается от неопределенного момента времени t_i и является также неопределённой (т.о. время t_j оказывается связанный переменной). Однако, такая интерпретация не соответствует действительности: в самом деле, события, о которых идёт речь в цитируемом материале, происходили в актуальной действительности (в действительности романа, разумеется) в совершенно определённый момент времени t_1 . Можно предположить, что в

данном конкретном случае референция дейктика *сейчас* высчитывается не относительно времени t_i , а относительно определённого момента времени t^* , в который было сделано гипотетическое предположение о высказывании S ($t_1 < t^* < t_i$), т.е. относительно актуального контекста высказывания¹³⁶ — в таком случае смещения дейктика в рамках цитируемого материала не происходит. Или же можно предположить, что ввиду своей собственной неопределенности (недоопределенности относительно контекста), *сейчас* в данном случае не является «чистым» дейктиком, а действует анафорически, отсылая к моменту времени t_1 .

В любом случае, очевидно, что «чистый» дейктик *сейчас* и «относительный» дейктик *сейчас* семантически различаются. Приведём пример употребления *сейчас* в значении временного дейктического центра («в момент речи») в несобственно-прямой речи:

(121) А когда через каких-то сорок минут возвращался назад, услышал, как в комнате открывается окно, а потом мой крик — [я], мол, [сейчас выброшусь]. (Н.С. Катерли, цитируется по НКРЯ)

В (121) референция дейктика *сейчас* предсказуемо смещается: *сейчас* относится не к актуальному, а к передаваемому контексту высказывания.

Суммируем основные данные по 3.3.2.1. и 3.3.2.2.:

- в цитационных случаях употребления частиц *мол*, *дескать*, *де* в области их действия может происходить смещение референции дейктических элементов, т.о. эти частицы являются эксплицитными операторами контекстного сдвига; при этом:
  - смещение референции первого/второго лица (местоимений и согласования глаголов) происходит optionalno;

---

¹³⁶ Интуитивно понятно, что в данном случае актуальным контекстом высказывания является именно время t^* , а не какое-нибудь другое время t (например, в которое автор писал эти строки или читатель читал их).

- смещение референции хронотопических дейктиков происходит опционально в отсутствие сдвига в референции первого/второго лица и — предположительно — обязательно при наличии сдвига в референции первого/второго лица;
- возможно кванторное связывание переменных в области действия операторов *мол*, *дескать*, *де*;
- слово *такой* в разговорной речи может маркировать передачу чужих действий, при этом, не вызывая смещения референции дейктических элементов (ни первого/второго лица, ни хронотопических дейктиков);
- предположительно, слово *такой* в разговорной речи само по себе не вводит цитационный материал и не обеспечивает смещения референции дейктических элементов внутри цитационного материала; однако, *такой* может сочетаться с глаголами речи/мысли, вводящими прямую или косвенную речь (при этом может происходить эллипсис этих глаголов), или с операторами *мол*, *дескать*, *де*, вводящими несобственно-прямую речь, или со скрытым семантическим оператором контекстного сдвига¹³⁷; однако, можно принять упрощённую точку зрения и счесть элемент *такой* таким же оператором контекстного сдвига, как и частица *мол* и ей подобные.

Таким образом, мы можем заключить, что в русском языке имеются механизмы, функционирующие подобно цитационному РС в ЖЯ. Основным выявленным различием оказалась возможность цитационного материала в области действия операторов *мол*, *дескать*, *де* попадать в область действия отрицания и модальных операторов, что, согласно имеющимся данным для ASL, невозможно в рамках РС. Необходим поиск или тестирование примеров, подобных (117h, i) на материале других ЖЯ и, в частности, РЖЯ.

---

¹³⁷ Здесь уместно вспомнить примеры из (71) и интерпретацию Успенского, согласно которой в этих примерах произошёл эллипсис частицы *мол*, *дескать* или *де*.

Что касается нецитационного РС, то здесь в качестве аналогов могут служить:

- разговорные конструкции со словом *такой*, передающие чужие действия — однако, в их рамках не происходит собственно смешения референции дейктических элементов;
- разговорные конструкции со словом *такой* и невербальными элементами (см. (115c)), которые тривиальным образом оказываются смешёнными в том смысле, что говорящий конструирует эти действия «от первого лица», имитируя действия цитируемого лица — однако, подобная параллель грозит упрощённым представлением о нецитационном РС, который не является простой пантомимой, а представляет собой формализуемое лингвистическое явление;
- наконец т.н. «внутренний монолог» напоминает нецитационный РС в том, что он также может включать в себя цитационный материал (т.е. несобственно-прямую речь), однако, в целом он в большей степени аналогичен механизму экспрессивного сдвига в рамках РС вообще, нежели нецитационному РС.

Основным итогом исследования стала возможность утвердить на материале РЖЯ и русского языка существование в естественном языке (причём в обеих модальностях) т.н. «монстров», т.е. семантических операторов, систематически сдвигающих контекст высказывания. Требуется дальнейшая теоретическая и практическая работа по поиску эквивалентов РС в устных языках, для чего необходимо, во-первых, уточнить различия между цитационным и нецитационным РС в ЖЯ, а, во-вторых, продолжить прорабатывать материал различных устных языков, не игнорируя при этом разговорный стиль, который, как известно, максимально гибок и разнообразен, в том числе в грамматическом плане.

Заключение

В рамках данной работы мы выполнили следующие задачи:

- дали общее обзорное описание особенностей лингвистики жестовых языков с включением данных из социолингвистических и нейролингвистических исследований;
- осуществили обзор имеющихся исследований по референции в жестовых языках и релевантного материала по референции в устных языках;
- изложили результаты практического исследования актуальных проблем референции в жестовых языках на материале российского жестового языка и сделали на их основе теоретические обобщения.

В процессе подготовки теоретической базы нашего исследования мы осветили основные универсальные и модально-специфические особенности референции в жестовых языках, а также описали основные подходы к анализу следующих актуальных проблем:

- функционирование нулевых аргументов в жестовых и устных языках;
- анафорические модели референции к именным, временным и модальным референтам в жестовых и устных языках;
- структурные особенности референциального сдвига в жестовых языках и его возможные эквиваленты в устных языках.

В практической части нашей работы мы привели эмпирические данные из РЖЯ и вывели на их основе возможные теоретические предположения. Так, в рамках проблемы нулевых аргументов в ЖЯ мы пришли к следующим выводам:

- мы проанализировали модели интерпретации нулевых аргументов, чьи антецеденты содержат простые и возвратные притяжательные

местоимения, в РЖЯ и пришли к выводу, что они схожи с таковыми в русском языке и отличаются от таковых в английском и французском языках, а также, предположительно, в ASL — отсюда мы сделали вывод о влиянии русского языка на РЖЯ;

- мы проанализировали анафорические модели для дизъюнктивных антецедентов в РЖЯ и пришли к предсказуемому выводу, что пресуппозиции нулевых местоимений в РЖЯ совпадают с пресуппозициями эксплицитных местоимений устных языков, однако, визуальная модальность накладывает дополнительные ограничения на эксплицитные местоимения ЖЯ;
- необходимо проведение дальнейших исследований на материале РЖЯ и других жестовых языков в сопоставлении с локальными устными языками с целью выявления кроссмодальных сходств и различий в моделях интерпретации нулевых и эксплицитно выраженных аргументов.

Исследование референции к временным и модальным референтам в РЖЯ позволило нам прийти к следующим выводам:

- тезис о возможности использования одинаковых моделей для анафорической отсылки к именным, временным и модальным референтам подтвердился на материале РЖЯ, однако, мы столкнулись с довольно сильной вариативностью данных, которую мы склонны объяснять индивидуальными предпочтениями информантов;
- необходима дальнейшая работа с большим количеством информантов и большим разнообразием тестируемых моделей (в частности, требуется тестирование возможности использования референциального средства «буёк-список» для временных и модальных референтов).

Наконец, проанализировав ряд примеров референциального сдвига в РЖЯ и его русскоязычных аналогов, мы смогли сделать следующие обобщения:

- данные из РЖЯ и русского языка доказывают существование в обеих модальностях семантических операторов, сдвигающих контекст, которые в литературе традиционно называются монстрами:
  - в рамках цитационного референциального сдвига в РЖЯ возможно смещение референции таких дейктических элементов, как референция первого и второго лица, а также хронотопические дейктики; при этом, судя по всему, это смещение подчиняется правилу совместного сдвига;
  - russkoязычные частицы *мол*, *дескать*, *де* представляют собой эксплицитные семантические операторы контекстного сдвига, порождая, таким образом, примеры несобственно-прямой речи, во многом аналогичные цитационному референциальному сдвигу в жестовых языках; однако, данные примеры, судя по всему, не подчиняются правилу совместного сдвига;
- нам не удалось обнаружить точных russkoязычных аналогов нецитационного референциального сдвига в ЖЯ с формальной точки зрения; приблизительным аналогом могут считаться конструкции с разговорным элементом *такой*, однако, в их рамках не происходит смещения референции дейктических элементов;
- необходимы дальнейшие исследования как в области референциального сдвига в жестовых языках (в особенности, касательно смещения хронотопических дейктиков в рамках нецитационного референциального сдвига и возможности появления цитируемого в рамках референциального сдвига материала в области действия отрицания, вопроса и модальных операторов), так и в области аналогичных явлений в устных языках.

Кроме того, в процессе проведения нашего исследования мы отработали основные методические приёмы сбора эмпирических данных для РЖЯ и сделали выводы об их относительной эффективности. Так, наиболее

продуктивными методами оказались тестирование готовых предложений на РЖЯ с целью получения суждений информантов и анализ имеющегося языкового корпуса.

В субъективной перспективе данное исследование явилось для нас важным многомерным опытом: с точки зрения умножения академической компетенции в процессе проведения теоретических изысканий, с точки зрения расширения масштаба лингвистической компетенции в процессе изучения нового языка и, разумеется, с точки зрения повышения коммуникативной и культурной компетенции в процессе кроскультурного — и, более того, кросмодального — общения.

Благодарности

Автор работы выражает глубочайшую признательность:

- Центру образования глухих и жестового языка и лично А.А. Комаровой, Т.П. Давиденко, В.В. Ежовой за помошь в проведении данного исследования и наставничество на пути к овладению РЖЯ;
- Курской специальной общеобразовательной школе-интернат для обучающихся с нарушением слуха и лично Е.И. Беловой за помошь в проведении исследования;
- своим информантам-носителям РЖЯ за сотрудничество;
- своим русскоязычным информантам за языковое чутьё;
- Р. Парфёнову за его виртуальную просветительскую деятельность;
- Д. Лилло-Мартин за помошь с литературой;
- Ф. Шленкеру за вдохновение и полезные рекомендации;
- Т.В. Васильевой за чуткое руководство.

Библиография

- Гейльман, И.Ф. 1975—1979. Специфические средства общения глухих, в 4-х томах. Ленинград: Ленинградский восстановительный центр ВОГ.
- Григоренко, М.Ю. 2009. Языковой, коммуникативный и прагматический статус эвиденциально-предположительных частиц *мол*, *дескать*, *якобы*, *де*. В сб.: МОВА: Науково-теоретичний часопис з мовознавства, 14, стр. 52—56.
- Давиденко, Т.П., Комарова А.А. 2006. Краткий очерк по лингвистике РЖЯ. В сб.: Современные аспекты жестового языка (сост. А.А. Комарова). М.: ВОГ., стр. 146—161.
- Димскис, Л.С. 1998. Изучаем жестовый язык. Пособие для студентов дефектологических факультетов. Минск: НМЦентр.
- Зайцева, Г.Л. 2000. Жестовая речь. Дактилология: Учебник для студентов высших учебных заведений. М.: ВЛАДОС.
- Кибрик, А.А. 1987. Механизмы устранения референциального конфликта. В сб.: Кибрик, А.Е., Нариньяни, А.С. (ред.), Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах. М.: Наука, стр. 128—146.
- Киммельман, В.И. 2007. Выражение отрицания в русском жестовом языке. Курсовая работа, РГГУ.
- Киммельман, В.И. 2010. Базовый порядок слов в русском жестовом языке. Дипломная работа, РГГУ.
- Комарова, А.А. 2009. Внести в списки! В пер. изд.: В едином строю, 5.
- Падучева, Е.В. 1985. Высказывание и его соотнесенность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). М.: Наука.
- Перфильева, Н.П., Хальзова, Ю.Б. 1991. Семантика высказываний с частицами *мол*, *де*, *дескать*. В сб.: Семантические и прагматические аспекты высказываний. Новосибирск, стр. 86—95.

- Прозорова, Е.В. 2006. Референциальные характеристики именных групп в российском жестовом языке. Дипломная работа, МГУ имени М.В. Ломоносова.
- Прозорова, Е.В., Кибрик, А.А. 2006. Сопоставление процесса референции в звучащих и жестовых языках. В сб.: Современные аспекты жестового языка (сост. А.А. Комарова). М.: ВОГ, стр. 162—179.
- Розенталь, Д.Э., Джанджакова, Е.В., Кабанова, Н.П. 1998. Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. 2-е изд., испр. М.: ЧеРо.
- Успенский Б.А. 2000. Поэтика композиции. Структура художественного текста и типология композиционной формы. В сб.: Успенский Б. А., Поэтика композиции. СПб: Азбука.
- Ципенко, А. 2008. Генитивная конструкция в русском жестовом языке. Курсовая работа, МГУ имени М.В. Ломоносова.
- Шамаро, Е.Ю. 2006. Выражение прошедшего времени и базовых аспектуальных различий в российском (русском) жестовом языке. Курсовая работа, МГУ им. М.В. Ломоносова.
- Шамаро, Е.Ю. 2007. Некоторые факты видо-временной системы РЖЯ. В сб.: Современные аспекты жестового языка (сост. А.А. Комарова). М.: ВОГ, стр. 180—191.
- Aarons, D., Bahar, B., Kegl, J., K. Neidle. 1992. Clausal structure and a tier for grammatical marking in American Sign Language. In: Nordic Journal of Linguistics, 15:2, pp. 103—142.
- Allan, K. 1977. Classifiers. In: Language 53:2, pp. 285—311.
- Anand, P., Nevins, A. 2004. Shifty Operators in Changing Contexts. In: Young, R. (ed.), Proceedings of SALT 14. Ithaca NY: CLC Publications, pp. 20—37.
- Anderson, L. 1982. Universals of aspect and parts of speech: parallels between signed and spoken languages. In: Hopper, P. J. (ed.), Tense—Aspect: between semantics and pragmatics. Amsterdam: John Benjamins, pp. 91—114.

- Bahan, B., Kegl, J., MacLaughlin, D., Neidle, C. 1995. Convergent Evidence for the Structure of Determiner Phrases in American Sign Language. In: Leslie, G., Hardison, D., Westmoreland, R. (eds.), FLSM VI. Proceedings of the Sixth Annual Meeting of the Formal Linguistics Society of Mid-America. Volume Two: Syntax II & Semantics/Pragmatics. Bloomington, Indiana: The Indiana University Linguistics Club, pp. 1—12.
- Bahan, B. 1996. Non-Manual Realization of Agreement in American Sign Language. Doctoral dissertation, Boston University, Boston, MA.
- Bahan, B., Kegl, L., Lee, R., MacLaughlin, D., Neidle, C. 2000. The Licensing of Null Arguments in American Sign Language. In: *Linguistic Inquiry*, 31:1, pp. 1—27.
- Benedicto, E., Brentari, D. 2004. Where did all the arguments go?: Argument-changing properties of classifiers in ASL. In: *Natural Language and Linguistic Theory*, 22:4, pp. 743—810.
- Bhatt, R., Pancheva, R. 2005. Conditionals. In: Everaert, M., van Riemsdijk, H. (eds.), *The Blackwell Companion to Syntax*. Blackwell.
- Bickford, J.A. 2005. The Signed Languages of Eastern Europe. SIL International and University of North Dakota.
- Bouchard, D., Dubisson, C. 1995. Grammar, order and position of wh-signs in Quebec Sign Language. In: *Sign Language Studies*, 87, pp. 99—139.
- Carnie A. 2002. *Syntax: A Generative Introduction*. Wiley-Blackwell.
- Chafe, W. 1976. Givenness, Contrastiveness, Definiteness, Subjects, Topics, and Point of View. In: Li, C. N. (ed.), *Subject and Topic*. New York, Academic Press, pp. 25—55.
- Chomsky, N. 1981. *Lectures on Government and Binding*. Dordrecht: Foris.
- Chomsky, N. 1982. Some Concepts and Consequences of the Theory of Government and Binding. Cambridge: MIT Press.
- Corina, D. 1998. Studies of Neural Processing in Deaf Signers: Toward a Neurocognitive Model of Language Processing in the Deaf. In: *Journal of Deaf Studies and Deaf Education*, 3:1, pp. 35—48.

- Cumming, S. 2003. Two Accounts of Indexicals in Mixed Quotation. In: Belgian Journal of Linguistics, 17, pp. 77—88.
- Dudis, P. 2004. Body partitioning and real-space blends. In: Cognitive Linguistics, 15:2, pp. 223—238.
- Emmorey, K. 1997. Non-antecedent suppression in American Sign Language. In: Language and Cognitive Processes, 12:11, pp. 103—119.
- Emmorey, K. 1999. Do signers gesture? In: Messing, L., Campbell, R. (eds.), *Gesture, Speech, and Sign*. Oxford University Press: New York, pp. 133—159.
- Emmorey, K. 2002. Language, cognition, and the brain: Insights from sign language research. Lawrence Erlbaum and Associates: Mahwah, NJ.
- Emmorey, K., Falgier, B. 2004. Conceptual locations and pronominal reference in American Sign Language. In: Journal of Psycholinguistic Research, 33:4, pp. 321—331.
- Emmorey, K., Reilly, J. 1998. The development of quotation and reported action: conveying perspective in ASL. In: Clark, E. (ed.), *Proceedings of the Twenty-night Annual Stanford Child Language Research Forum*, CSLI publications: Stanford, CA, pp. 81—90.
- Engberg-Pedersen, E. 1993. Space in Danish Sign Language: The Semantics and Morphosyntax of the Use of Space in a Visual Language. Hamburg: Signum.
- Engberg-Pedersen, E. 1995. Point of view expressed through shifters. In: Emmorey, K., Reilly, J. (eds.), *Language, Gesture and Space*. Lawrence Erlbrawn Associates, pp. 133—54.
- Ferrara, K., Bell, B. 1995. Sociolinguistic variation and discourse function of constructed dialogue introducers: The case of be + like. In: American Speech, 70:3, pp. 265—90.
- Fischer, S. 1975. Influences on word order change in American Sign Language. In: Li, C.N. (ed.), *Word order and word order change*. Austin: University of Austin Press, pp. 1—25.

- Friedman, L. 1976. The manifestation of subject, object, and topic in American Sign Language. In Li, C.N. (ed.), *Subject and topic*. New York: Academic Press, pp. 127—148.
- Fauconnier, G., Turner, M. 1996. Blending as a central process of grammar. In: Goldberg, A. (ed.), *Conceptual Structure, Discourse and Language*. Stanford, California: CSLI Publications, pp. 113—130.
- Goldin-Meadow, S., Mylander, C. 1990. Beyond the Input Given: The Child's Role in the Acquisition of Language, 66:2. The MIT Press, pp. 323—355.
- Grenoble, L. 1992. An overview of Russian Sign Language. In: *Sign Language Studies*, 77, pp. 321—338.
- Hickok, G., Bellugi, U. 2010. Neural organization of language: Clues from sign language aphasia. In: Guendouzi, J., Loncke, F., Williams, M. (eds.). *The Handbook of Psycholinguistic & Cognitive Processes: Perspectives in Communication Disorders*. Taylor & Francis, pp. 685—706.
- Huang, C-T.J. 1984. On the distribution and reference of empty pronouns. *Linguistic Inquiry*, 15, pp. 531—574.
- Janzen, T. 2004. Space rotation, perspective shift, and verb morphology in ASL. In: *Cognitive Linguistics*, 15:2, pp. 149—174.
- Kaplan, D. 1989. Demonstratives. In: Almog, J., Perry, J., Wettstein, H. (eds.), *Themes from Kaplan*. Oxford: Oxford University Press, pp. 481—563.
- Kegl, J. 1986. Clitics in American Sign Language. In: *Syntax & Semantics*, 19, pp. 285—365.
- Kibrik, A. 2001. Reference Maintenance in Discourse. In: Haspelmath, M., König E., Oesterreicher, W., Raible W. (eds.), *Language Typology and Language Universals*. Berlin, New-York: Walter de Gruyter, pp. 1123—41.
- Kibrik, A., Prozorova, E. 2007. Referential Choice in Signed and Spoken Languages. In: Branco, A., McEnery, T., Mitkov, R., Silva, F. (eds.), DAARC 2007 (6th Discourse Anaphora and Anaphor Resolution Colloquium). Proceedings. Centro de Linguistica da Universidade do Porto, pp. 41—46.

- Kimmelman, V. 2009a. Reflexive pronouns in Russian Sign Language and Sign Language of the Netherlands: modality and universals. MA Thesis, Universiteit Van Amsterdam.
- Kimmelman, V. 2009b. Parts of speech in Russian Sign Language: The role of iconicity and economy. In: *Sign Language & Linguistics*, 12:2, pp. 161—186.
- Kimmelman, V., Rudnev, P. 2011. Breaking the Coreference Rule. In preparation.
- Klima, E., Bellugi, U. 1979. *The Signs of Language*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Koulidobrova, E. 2010a. pro and lack thereof: What ASL reveals about Spanish. Penn Linguistics Colloquium (PLC) 34, UPenn, PA.
- Koulidobrova, E. 2010b. Revelations of Silence: ASL Null Subjects and their Cross-linguistic Consequences.
- Lee, R., Neidle, C., MacLaughlin, D., Bahan, B., Kegl, J. 1997. Role shift in ASL: A syntactic look at direct speech. In: Neidle, C., MacLaughlin, D., Lee, R. (eds.), *Syntactic Structure and Discourse Function: An Examination of Two Constructions in American Sign Language*. American Sign Language Linguistics Research Project Report No. 4, Boston University, Boston, MA.
- Lenneberg, E. 1967. *Biological Foundations of Language*. New York: Wiley.
- Levinson, S. 2004. Deixis. In: Horn, L., Ward, G. (eds.), *Handbook of Pragmatics*. Oxford: Blackwell, pp. 97—121.
- Liddell, S. 1980. *American Sign Language Syntax*. The Hague: Mouton.
- Liddell, S. 1990. Four Functions of a Locus: Reexamining the Structure of Space in ASL. In: Lucas, C. (ed.), *Sign Language Research. Theoretical Issues*. Washington D.C.: Gallaudet University Press, pp. 176—198.
- Liddell, S., Metzger, M. 1998. Gesture and sign language discourse. In: *Journal of Pragmatics* 30:6, pp. 657—697.
- Liddell, S. 2000. Blended spaces and deixis in sign language discourse. In: McNeill, D. (ed.), *Language and gesture*. Cambridge, MA: Cambridge University Press, pp. 331—357.

- Liddell, S. 2003. Grammar, gesture and meaning in American Sign Language. Cambridge: Cambridge University Press.
- Liddell, S., Johnson, R. 1986. American Sign Language compound formation processes, lexicalization, and phonological remnants. In: *Natural Language and Linguistic Theory*, 4:4, pp. 445—513.
- Lillo-Martin, D. 1986. Two kinds of null arguments in American Sign Language. In: *Natural Language and Linguistic Theory*, 4:4, pp. 415—444.
- Lillo-Martin, D. 1991. Universal Grammar and American Sign Language: Setting the Null Argument Parameters. Dordrecht: Kluwer Academic Press.
- Lillo-Martin, D. 1995. The point of view predicate in American Sign Language. In: Emmorey, K., Reilly, J. (eds.), *Language, Gesture and Space*. Lawrence Erlbrawn Associates, pp. 155—170.
- Lillo-Martin, D. 1999. Modality effects and modularity in language acquisition: the acquisition of American Sign Language. In: Bhatia, T., Ritchie, W. (eds.), *Handbook of Language Acquisition*. San Diego: Academic Press, pp. 531—567.
- Lillo-Martin, D. 2003. Pronouns, Indices, and Agreement: Commentary on Papers by Lacy and Kegl. In: *Sign Language and Linguistics*, 6:2, pp. 267—276.
- Lillo-Martin, D. 2009 (in press). Utterance reports and constructed action in sign and spoken languages. Revised draft. To appear in: Pfau, R., Steinbach, M., Woll, B. (eds.), *Sign Language — An International Handbook*. Berlin: Walter de Gruyter.
- Lillo-Martin, D., Klima, E. 1990. Pointing out differences: ASL pronouns in syntactic theory. In: Fischer, S., Siple, P. (eds.), *Theoretical Issues in Sign Language Research, Volume 1: Linguistics*. Chicago: University of Chicago Press, pp. 191—210.
- Lyons, J. 1977. Deixis, space and time. In: *Semantics*, Vol. 2. Cambridge University Press, pp. 636—724.

- MacSweeney, M., Capek, C., Campbell, R., Woll, B. 2008. The signing brain: the neurobiology of sign language. In: Trends in Cognitive Sciences, 12:11, pp. 432—440.
- Meier, R. 1990. Person deixis in American Sign Language. In: Fischer, S.D., Siple, P. (eds.), *Theoretical Issues in Sign Language Research*, Vol. 1: Linguistics. Chicago: University of Chicago Press, pp. 175—190.
- Meier, R. 1991. Language acquisition by deaf children. In: *American Scientist*, 79:1, pp. 60—70.
- Meier, R., Lillo-Martin, D. 2010. Does spatial make it special? On the grammar of pointing signs in American Sign Language. In: Gerdts, D., Moore, J., and Polinsky, M. (eds.), *Hypothesis A/Hypothesis B: Linguistic Explorations in Honor of David M. Perlmutter*. Cambridge, MA: MIT Press, pp. 345—360.
- Meurant, L. 2008. The Speaker's Eye Gaze: Creating deictic, anaphoric and pseudo-deictic spaces of reference. In: de Quadros, R.M. (ed.), *Sign Languages: spinning and unraveling the past, present and future*. TISLR9, 45 papers and 3 posters from the 9th Theoretical Issues in Sign Language Research Conference. Petropolis, Brazil: Editora Arara Azul, pp. 319—352.
- Newport, E., Meier, R. 1985. The Acquisition of American Sign Language. In: Slobin, D. (ed.), *The Cross-Linguistic Study of Language Acquisition*, Vol. 1. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, pp. 881—938.
- Padden, C. 1986. Verbs and role shifting in ASL. In Padden, C. (ed.), *Proceedings of the Fourth National Symposium on Sign Language Research and Training*, National Association of the Deaf. Silver Spring, MD: National Association of the Deaf, pp. 44—57.
- Padden, C. 1988. Interaction of morphology and syntax in American Sign Language. Ph.D. dissertation. New York: Garland.
- Partee, B. 1973. Some structural analogies between tenses and pronouns in English. In: *The Journal of Philosophy*, 70, pp. 601—609.
- Partee, B. 1984. Nominal and Temporal Anaphora. In: *Linguistics and Philosophy*, 7:3, pp. 243—286.

- Pyers, J.E., Emmorey, K. 2008. The face of bimodal bilingualism: grammatical markers in American Sign Language are produced when bilinguals speak to English monolinguals. In: *Psychological Science*, 19:6, pp. 531—536.
- Quadros, R.M. de, Lillo-Martin, D. 2010. Clause structure. In: Brentari, D. (ed.), *Sign Languages: A Cambridge Language Survey*. Cambridge University Press, pp. 225—251.
- Quer, J. 2005. Context shift and indexical variables in sign languages. In: Georgala, E., Howell, J. (eds.), *Proceedings from Semantics and Linguistic Theory 15*, pp. 152—168.
- Sandler, W., Lillo-Martin, D. 2001. Natural sign languages. In: Aronoff, M., Rees-Miller, J. (eds.), *Blackwell Handbook of Linguistics*. Oxford: Blackwell, pp. 533—562.
- Sandler, W., Lillo-Martin, D. 2006. *Sign Language and Linguistic Universals*. Cambridge University Press.
- Schlenker, P. 2003. A Plea for Monsters. In: *Linguistics & Philosophy*, 26, pp. 29—120.
- Schlenker, P. 2004. Conditionals as definite descriptions (a referential analysis). In: *Research on Language and Computation*, 2:3, pp. 417—162.
- Schlenker, P. 2006. Ontological Symmetry in Language: A Brief Manifesto. In: *Mind & Language*, 21:4, pp. 504—539.
- Schlenker, P. 2010a. Indexicals. Manuscript, written for: Hansson, S.O., Hendricks, V.F. (eds.), *The Handbook of Formal Philosophy*.
- Schlenker, P. 2010b. Meaning in Sign vs. Spoken Languages. Three Cases Studies. NYI-2010 lectures.
- Schlenker, P. 2011a. Donkey Anaphora: the View from Sign Language (ASL and LSF). Manuscript, Institut Jean-Nicod and NYU.
- Schlenker, P. 2011b. Temporal and Modal Anaphora in Sign Language (ASL and LSF). Manuscript, Institut Jean-Nicod and NYU.
- Schlenker, P., Mathur, G. 2010. Binding Theory in ASL. Presentation at TISLR 2010.

- Şener S., Takahashi, D. 2010. Ellipsis of Arguments in Japanese and Turkish. In: Nanzan Linguistics, 6: Research Results and Activities 2009—2010.
- Senghas, A. 1995. The Development of Nicaraguan Sign Language via the Language Acquisition Process. In: MacLaughlin, D., McEwen, S. (eds.), Proceedings of the Boston University Conference on Language Development, 19. Boston: Cascadilla Press, pp. 543—552.
- Sharvit, Y. The Puzzle of Free Indirect Discourse. In: Linguistics & Philosophy, 31:3, pp. 351—395.
- Stokoe, W. 1960. Sign Language Structure: An outline of the Visual Communication Systems of the American Deaf. In: Studies in Linguistics 21: Occasional papers 8.
- Stone, M. 1992. Or and Anaphora. In: Proceedings of SALT 2, pp. 367—385.
- Stone, M. 1997. The anaphoric parallel between modality and tense. IRCS Report, 97—06. Philadelphia, PA: University of Pennsylvania Press.
- Supalla, T. 1986. The classifier system in American Sign Language. In: Craig, C. G. (ed.), Noun classes and categorization. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamin Publishing Company, pp. 181—214.
- Suppala, T., Newport, E. 1978. How many seats in a chair? The derivation of nouns and verbs in American Sign Language. In: Siple, P. (ed.), Understanding sign language through sign language research. New York: Academic Press, pp. 91—132.
- Tannen, D. 1989. Talking Voices: Repetition, Dialogue, and Imagery in Conversational Discourse. Cambridge: Cambridge University Press.
- Thompson, H. 1977. The lack of subordination in American Sign Language. In: Friedman, L.A. (ed.), On the other hand. New perspectives on American Sign Language. New York: Academic Press, pp. 181—195.
- Wang, Q., Lillo-Martin, D., Best, C.T., & Levitt, A. 1992. Null subject versus null object: Some evidence from the acquisition of Chinese and English. In: Language Acquisition, 2:3, pp. 221—254.

- Winston, E. 1991. Spatial Reference and Cohesion in an American Sign Language Text. In: *Sign Language Studies*, 73, pp. 397—410.
- Zeshan, U. 2003. Indo-Pakistani Sign Language Grammar: A Typological Outline. In: *Sign Language Studies* 3:2, pp. 157—212.
- Zucchi, A. 2004. Monsters in the visual mode? Ms. Università degli Studi di Milano.
- Zwitserlood, I. 2003. Classifying Hand Configurations in Nederlandse Gebarentaal. Ph.D. Thesis, University Utrecht, Utrecht.

Нarrативы, использованные в разделе 3.3.¹³⁸

Рассказ «Живая шляпа» (по мотивам одноимённого рассказа Н.Н. Носова),
рассказчик — Т. Давиденко.

Рассказ «Живая шляпа» (по мотивам одноимённого рассказа Н.Н. Носова),
рассказчик — А. Солдатов.

Сказка «Теремок» (по мотивам народной сказки), рассказчик — Н. Чаушьян.
Байки «Один глухой» (2, 3, 4, 7), рассказчик — Л. Камышев, снято В.
Паленным.

Справочные интернет-ресурсы

www.spreadthesign.com — международный проект онлайн-словаря национальных ЖЯ.

vkontakte.ru/club18335384 — группа Центра образования глухих и жестового языка им. Г.Л. Зайцевой в социальной сети «В Контакте».

www.ruscorpora.ru — Национальный корпус русского языка (НКРЯ).

---

¹³⁸ Все видеоролики с нарративами взяты из группы Центра образования глухих и жестового языка им. Г.Л. Зайцевой в социальной сети «В Контакте» (руководитель группы — Р. Парфёнов).

Приложение 1. Социолингвистические данные информантов и методология исследования

Информанты-носители РЖЯ:

Inf. 1: Ж; ≈50; Санкт-Петербург, Москва; глухая из семьи глухих, преподаватель и исследователь РЖЯ

Inf. 2: Ж; ≈30; Москва; глухая из семьи слышащих, выпускница школы для глухих, преподаватель РЖЯ

Inf. 3: М; ≈30; Москва; глухой из семьи слышащих, выпускник школы для глухих, преподаватель РЖЯ

Inf. 4: Ж; ≈45; Москва; глухая из семьи глухих, преподаватель РЖЯ

Inf. 5: Ж; 11; Курск; глухая из семьи глухих, учащаяся школы для глухих

Inf. 6: М; 16; Курск; глухой из семьи слышащих, учащийся школы для глухих; NB: очень сильное влияние КЖР

Inf. 7: М; 16; Курск; слабослышащий, мать глухая (общается с ней на РЖЯ), учащийся школы для глухих

Inf. 8: Ж; ≈24; Алма-Ата, Москва; глухая из семьи слышащих, выпускница школы для глухих

Русскоязычные информанты:

Информант 1: Ж; 22; Пермь, Москва

Информант 2: Ж; 22; Московская область

Информант 3: Ж; 55; Йошкар-Ола, Москва, Курск

Методика проведения исследования и сопутствующие проблемы

Первым испробованным нами методом получения эмпирических данных в рамках работы с информантами был **перевод предложений на РЖЯ**.

Информанту, владеющему русским языком, предлагались парадигмы предложений, содержащих целевые конструкции, на русском языке, которые он переводил на РЖЯ, после чего исследователем могли быть заданы дополнительные уточняющие вопросы. Переведённые предложения, равно как и комментарии информанта, записывались на видео.

Данный метод обладает как достоинствами, так и недостатками. К плюсам данного метода можно отнести возможность получения на выходе грамматичных предложений. К минусам метода относятся сравнительно неточное соответствие получаемых конструкций целевым (т.е. проблематичность проверки конкретных, чётко заданных параметров) и сильное влияние русского языка (обусловленное не только индивидуальной языковой идентичностью информанта, но и непосредственно русскоязычным текстом, предложенным информанту) и КЖР как на структуру получаемых предложений, так и на суждения об их смысле. Как результат, данный метод оказался малоэффективным для наших целей, однако, мы не стали отказываться от него полностью, периодически прибегая к русскоязычному письменному тексту в процессе обсуждения целевых конструкций с информантами.

Второй метод заключался в тестировании готовых предложений на РЖЯ. В рамках этого метода исследователь сам предлагал информанту предложения на РЖЯ с целью получения суждений о приемлемости (грамматической корректности) и умозаключений о смысле (интерпретаций) данных предложений. Для выявления интерпретаций задавались контрольные вопросы по смыслу данных предложений. При этом, в ходе работы тестировались парадигмы, содержащие несколько предложений с минимальными различиями. Результатом подобного подхода явилась контрастивность примеров (уже упомянутая нами в 3.1.1.), которая могла оказывать влияние на характер суждений информантов.

Из плюсов данного метода можно отметить возможность тестирования конструкций со строго заданными параметрами, большая гибкость в обсуждении, сравнительно низкое влияние русского языка и КЖР. Минусы же включают в себя сильную зависимость результатов от языковой компетенции исследователя (например, ограничение разнообразия тестовых предложений), неясный статус грамматичности отдельных примеров (обусловленный размытым представлением многих информантов о грамматичности), затруднение фиксирования грамматических предложений на видео (в основном, фиксируются реакции и суждения информанта). Несмотря на перечисленные минусы, в рамках нашего исследования метод зарекомендовал себя как удобный и весьма эффективный.

Наконец, третьим методом стал **анализ языкового корпуса РЖЯ**. Под языковым корпусом понимаются имеющиеся видеоролики с записями нарративов, которые исследователь просматривал в поисках целевых конструкций. К плюсам данного метода относится безусловная грамматичность и естественность примеров, низкое влияние русского языка и КЖР (или, по меньшей мере, возможность отсеивания текстов, в которых такое влияние высоко). К минусам же стоит отнести малые размеры корпуса, проблематичность нахождения конструкций с заданными параметрами, сложности в распознавании текста. Несмотря на значительные минусы, метод оказался наиболее эффективным для получения примеров референциального сдвига в РЖЯ.

Помимо сложностей, связанных с несовершенством методики и компетенции исследователя, проведение исследования в области лингвистики ЖЯ сопряжено с проблемами, обусловленными социолингвистическими особенностями информантов-носителей РЖЯ. Как уже неоднократно отмечалось в нашей работе, на речевое поведение многих из наших

информантов в той или иной степени оказывает влияние КЖР (в наибольшей степени это влияние просматривается в речи глухих детей слышащих родителей). Это неудивительно, если принять во внимание по-прежнему более высокий социолингвистический статус калькирующей речи в России по сравнению с естественным ЖЯ.

Так, при поиске информантов мы столкнулись с недопониманием со стороны отдельных носителей РЖЯ: в частности, в одном случае потенциальный информант отказал нам в сотрудничестве на основании того, что не владеет «грамотной» жестовой речью, под которой он имел в виду КЖР. Ситуация ухудшается низкой осведомлённостью о лингвистике ЖЯ (и о лингвистике вообще) со стороны слышащих, в т.ч. родителей глухих детей и педагогов в школах для глухих и слабослышащих. Так, например, нам доводилось сталкиваться с мнением, что ЖЯ не обладает собственной грамматикой, основанной на наблюдении, что глухие допускают много ошибок в речи на устном языке.

Негативная языковая идентичность и недостаточная осведомлённость о собственном языке некоторых носителей РЖЯ является серьёзным препятствием в проведении лингвистических исследований на материале данного языка, однако, именно подобные исследования обладают потенциалом повышения социолингвистического статуса РЖЯ.

Приложение 2. Система нотации

В данной работе мы используем упрощённую систему нотации для транскрипции предложений на РЖЯ. Русскоязычные эквиваленты жестов выделены прописными буквами; если жест содержит несколько смысловых элементов, эти элементы разделяются дефисом; в продактилизированных словах буквы разделены дефисами.

Указательный жест в нотации записывается как IX, и к нему добавляется индексальный суффикс, обозначающий локус, в направлении которого этот указательный жест был совершён. Индексы 1 и 2 соответствуют первому и второму лицу. 0 означает нейтральную позицию (или позицию по умолчанию).

Если для жеста устанавливается локус, к соответствующему слову в транскрипции добавляется подстрочный индекс. Если локус устанавливается методом выполнения жеста в определённом локусе, подстрочный индекс пишется в виде буквы. Если локус устанавливается с помощью указательного жеста, подстрочный индекс принимает вид “IX-буква”, и его позиция показывает, были ли указательный жест произведён до (индекс пишется слева от слова) или после (индекс пишется справа от слова) выполнения жеста. Подстрочные индексы также добавляются к согласующимся глаголам.

Немануальные маркеры преимущественно опускаются за исключением примеров РС. Показатель немануального маркера имеет вид прямой линии над соответствующим отрезком транскрипции, снабжённой условным обозначением, указывающим на тип немануального маркера:

t — топикализация

rs-x — нецитационный референциальный сдвиг, где x — индекс локуса референта, чья перспектива подлежит передаче

q-rs-x — цитационный референциальный сдвиг, где x — индекс локуса референта, чья перспектива подлежит передаче

whq — специальный вопрос

y/nq — общий вопрос

eye-gaze-x — направление взгляда, где x — индекс локуса, на который направлен взгляд (помечается выборочно)

Другие условные обозначения:

IX-arc-x,y — местоимение множественного числа, выполняемое в виде дугообразного движения, где x, y — локусы, которые проиндексированы дугой

ЭТИ-ДВОЕ-x,y — двойственное местоимение, где x, y — проиндексированные локусы

CL:X.Y — классификаторная конструкция, где X — описание конфигурации, Y — описание предиката

CL:N.IX-x — буёк-список, где N — числовая конфигурация, x — локус, представленный одним из пальцев (a — большой, b — указательный, и т.п.), индексируемый IX

POSS-x — простое притяжательное местоимение, где x — локус, который оно индексирует

SELF-POSS — возвратное притяжательное местоимение

-asp — показатель аспектуальной маркированности глагола

* — показатель неграмматичности

?? — показатель маргинальной грамматичности

? — показатель сомнения в интерпретации жеста, локуса и т.п.

Все процитированные примеры из библиографических источников даны в нотации оригинала — любые внесённые нами в авторскую транскрипцию изменения второстепенны и отмечены в сносках.

Приложение 3. Глоссарий¹³⁹

Билингвистическое образование (bilingual education; bilingual-bicultural education, BiBi) — подход к образованию глухих, в рамках которого национальные устный и жестовый языки имеют равный статус в качестве педагогического инструмента.

Буёк (buoy) — присутствие референта в пространстве дискурса в виде классификатора, обычно исполняемого недоминантной рукой.

Буёк-список (list-buoy) — классификатор со значением числа, за каждым пальцем которого закреплён референт из списка; таким образом, возможна отсылка как ко всей группе референтов, представленной этим классификатором, так и к отдельным элементам списка.

Глаголы с обратным согласованием (backwards verbs) — тип глаголов в ЖЯ; глаголы, начальная точка движения которых отсылает к объекту, а конечная — к субъекту.

Говорящий (speaker/signer) — зд.: агент речевого акта (актуального или передаваемого) в любой модальности.

Дактилизирование (fingerspelling) — кодирование информации с помощью дактильной азбуки.

Дактильная азбука (manual alphabet, finger alphabet) — система, в которой различные конфигурации пальцев — дактилемы — соответствуют буквам алфавита устного языка.

Жестовый язык, ЖЯ (sign language, SL) — естественная лингвистическая система, эксплуатирующая визуально-кинетическую модальность и используемая в качестве основного средства коммуникации в каком-либо (часто национальном) сообществе глухих людей.

Инклюзивное образование — зд.: совместное образование глухих и слышащих, образование глухих в общеобразовательных учреждениях.

---

¹³⁹ В данном глоссарии мы приводим основные термины лингвистики ЖЯ, используемые в работе. Общелингвистические термины здесь не приводятся.

Калькирующая жестовая речь (manually coded language) — также: калька, калькированный язык, КЖР; искусственная коммуникативная система, грамматика которой повторяет грамматику устного языка; в рамках данной работы КЖР используется для обозначения русского калькированного языка.

Классификатор (classifier) — конфигурация, иконически передающая некоторые свойства объекта, входящая в состав классификаторных конструкций и, предположительно, выполняющая функцию маркеров согласования с одним из аргументов.

Классификаторная конструкция (classifier construction) — также: классификаторный предикат (classifier predicate); конструкция, в рамках которой классификатор сочетается с движением или локализацией, описывая, таким образом, ситуацию, в которой объект находится где-то, движется, с ним производятся какие-либо действия, и т.п.

Конфигурация (configuration, handshape) — один из фонетических компонентов жеста; форма руки.

Локативный сдвиг (locative shift) — также: локативное согласование (locative agreement); использование локусов, установленных для локаций (например, географических единиц), для отсылки к референту, ассоциирующемуся с этими локациями.

Локус (locus) — позиция в пространстве, за которой закрепляется ассоциация с каким-либо референтом и к которой производится отсылка (активация/индексация локуса) с целью упоминания этого референта.

Мануализм (manualism) — точка зрения, согласно которой жестовому языку должен быть отдан приоритет в образовании глухих.

Маусинг (mouthing) — визуальное продуцирование звуков в процессе речепроизводства на ЖЯ.

Немануальный компонент (non-manual component) — 1. один из фонетических компонентов жеста; артикуляция и выражение лица, обладающие смыслоразличительным потенциалом на уровне слова; 2.

грамматический маркер; использование различных мимических элементов для кодирования грамматического значения.

Нецитационный референциальный сдвиг (non-quotational/non-quotative referential shift) — случаи референциального сдвига, в рамках которых говорящий производит передачу действий другого лица.

Орализм (oralism) — точка зрения, согласно которой интеграция глухих и слабослышащих в общество возможна только при хорошем владении устной речью — т.о., оралисты являются сторонниками чистого устного метода (использования исключительно устного языка) в обучении глухих и инклюзивного образования.

Пространственные глаголы (spatial verbs) — тип глаголов в ЖЯ; глаголы, движение которых повторяет траекторию перемещения в пространстве какого-либо предмета, т.е. начальная и конечная точка отсылают к локализациям предмета в пространстве.

Простые глаголы (plain verbs) — тип глаголов в ЖЯ; глаголы, которые не меняют направление движения.

Референциальный сдвиг, РС (referential shift) — также: ролевой сдвиг (role shift), ролевая игра (role play), переключение ролей (role switching); зд.: общий термин для референциального механизма, в рамках которого говорящий принимает точку зрения (перспективу) одного из референтов и излагает события с точки зрения этого референта.

Российский (русский) жестовый язык, РЖЯ (Russian sign language, RSL) — естественный жестовый язык, используемый в качестве средства межличностной коммуникации глухими на территории России и некоторых стран СНГ.

Согласующиеся глаголы (agreeing verbs) — также: флексивные глаголы (inflecting verbs), указательные глаголы (indicating verbs); тип глаголов в ЖЯ; глаголы, начальная и конечная точки движения которых кодируют субъект и/или объект действия.

Тотальная коммуникация (total communication) — подход, стремящийся использовать все доступные коммуникативные средства в обучении глухих, при этом приоритет отдаётся калькирующей жестовой речи.

Устный язык (spoken language) — естественная лингвистическая система, эксплуатирующая аудиальную модальность и используемая в качестве основного средства коммуникации в каком-либо (часто национальном) сообществе слышащих людей.

Цитационный референциальный сдвиг (quotational/quotative referential shift) — случаи референциального сдвига, в рамках которых говорящий производит передачу реальных или приписываемых слов или мыслей другого лица, в т.ч. вербальное переложение невербальных действий цитируемого персонажа в виде высказывания.

Экспрессивный сдвиг (shifted attribution of expressive elements) — использование говорящим мимики и позы для передачи эмоций другого лица.